

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР

神風

РИКИХЕЙ ИНОГУТИ, ТАДАСИ НАКАДЗИМА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

РИКИХЕЙ ИНОГУТИ
ТАДАСИ НАКАДЗИМА

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** МОСКВА 2005

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

УДК 94(100)"1939/45"

ББК 63.3(0)62

И67

Серия «Военно-историческая библиотека»
основана в 1998 году

Перевод с английского А.Г. Больных

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Ю.А. Хаджи

Подписано в печать 20.07.2005. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 15,96. Тираж 3000 экз. Заказ № 7713.

Иногути, Р.

И67 Божественный ветер / Рикихей Иногути, Тадаси Накадзима; пер. с англ. А.Г. Больных. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. — 300, [4] с.: 8 л. ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-032599-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-0488-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Для борьбы с американским флотом во время Второй мировой войны японский вице-адмирал Ониси создал корпус специальных атак камикадзе. «Мы умираем ради благополучия нашей страны» — таков был девиз пилотов-смертников.

Книга будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

© Перевод. А.Г. Больных, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Немного истории и немного об истории

Корпус специальных атак камикадзэ, как и всякая другая воинская часть, имеет конкретное место и точную дату рождения. 19 октября 1944 года, аэродром Мабалакат, недалеко от Манилы. Даже в том, что корпус камикадзэ имеет точно установленного отца, нет ничего особо поразительного. Кто создал Старую Гвардию, как не лично Наполеон? Но корпусу камикадзэ повезло больше. Адмирал Ониси четко объяснил цель его создания — временно задержать американский флот, поддерживающий высадку на острове Лейте. И вот здесь ясность пропадает, и начинаются вопросы, вопросы и вопросы.

Не будем цепляться к тому, что эскадрилью из 13 самолетов назвали корпусом. Здесь, вполне возможно, сыграли роль ухабы многократного перевода, о которых я уже не раз говорил. В конце концов, обратите внимание на текст обеих книг. Стандартный японский *кокутай*, который с некоторой натяжкой можно перевести как авиакорпус, фигурирует то как авиакорпус, то как авиагруппа, то вообще превращается в авиаполк. И это при том, что писали японцы, воевавшие в составах этих *кокутай* или вообще ими командовавшие. Так что авиакорпус «Тайнань», он же авиагруппа «Тайнань» — это один и тот же *кокутай*. Но я не рискнул править текст,

решив, что авторам виднее. Может быть, они подсознательно понижали ранг соединения по мере сокращения его численности? Вообще-то титул «корпус» в применении к соединению из менее чем 100 самолетов кажется чрезмерным, но вот авиадивизией *кокутай* не называл никто и нигде.

Однако вернемся к камикадзэ. Корпус был разделен на звенья, которые позднее плавно превратились в отдельные отряды. Ладно, согласимся и с этим. Первый вопрос возникает, когда читаешь объяснения адмирала. Это он 13 самолетами всерьез вознамерился остановить 3-й и 7-й флоты вместе взятые? Извините, но мы вправе усомниться в том, что в этот момент адмирал находился в здравом уме. Может, повлияло сильное стрессовое возбуждение? Даже если будут временно выведены из строя 3 или 4 авианосца (на большее рассчитывать явно не приходилось), ведь это никак не могло остановить американцев. И, тем не менее, адмирал предложил, а остальные дружно подхватили. Я удивлялся до того, как более внимательно перечитал предисловие к книге «Божественный ветер». Рекомендую вам сделать то же самое. Оказывается; японское правительство развязало войну, чтобы предотвратить революцию. Да, такое объяснение я слышу впервые. Угроза революции в Японии осени 1941 года? И все-таки адмирал Нагано пишет: «Мы пришли к общему мнению, что если мы не начнем войну сейчас, нация погибнет. Однако она может погибнуть и в результате войны. Следует помнить, что падение государства без сопротивления будет позором». Логика вообще никакой. Но после таких объяснений не удивляешься словам адмирала Ониси. Странно еще, что они были произнесены так поздно.

Вообще создается впечатление, что японское верховное командование мыслило как-то уж очень своеобразно. Западному человеку его не понять. Вы ждете сакраментальной цитаты: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей».

на Страшный Господень суд»? Не дождетесь! Дело в том, что это еще один канонический пример **фальшивого цитирования**. Великий Редьярд в своей балладе писал совершенно не об этом. Главными являются следующие две строки четверостишия: «Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род, **Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?**» Вот она, суть «Баллады о Востоке и Западе»!

Впрочем, мы опять отвлеклись. Я уже писал, что совершенно непонятны планы и расчеты японского командования как в начале войны, так и в ее конце. Например, совершенно неожиданной для меня оказалась принципиальная неспособность японцев перенимать чужой опыт и учиться самим. Спустимся с горних высей большой стратегии до уровня простейшей тактики воздушного боя. Вы обратили внимание, что Сабура Сакаи до лета 1944 года водит в бой свою **тройку**? Ведь еще в 1940 году все воевавшие на Западном фронте перешли на пары. Да, советская авиация тоже начала войну тройками, но потребовалась пара месяцев, и наши летчики тоже перешли на пары. Но японцы словно не видели этого. К декабрю 1941 года они остались единственными, кто цеплялся за тройку-клин. Хуже того, она упрямо сохранилась далее.

Зато они нашли способ «модернизировать» свой «Зеро», **сняв** с него рацию. Это тоже не поддается никаким объяснениям. **И** вот читаешь, как в 1944 году командир эскадрильи то «помахал рукой», то «покачал крыльями». Как так можно воевать? Но ведь воевали же! **И** при этом били союзников смертным боем, хотя бы в первый год войны. Объяснение этому можно найти в воспоминаниях Сакаи. Прочитайте, как готовили летчиков морской авиации. Теперь понятно, почему после Мидуэя не удалось восполнить понесенные потери. Ничего удивительного. Но ведь такая тщательная и жестокая подготовка имеет бросающуюся в глаза обратную сторону — малую численность подготовленных летчиков. Неужели японское командование рассчитывало выиграть войну, готовя по 30

летчиков в год? Ведь массовые армии, тотальный характер современной войны были совершенно очевидны! Достаточно было просто посмотреть на войну в Европе, чтобы понять это. Почему ставка делалась на подготовку одиночных рыцарей воздуха? Кстати, может быть, здесь и кроется корень ошибок адмирала Ониси? Продукт воспитания этой системы, он вполне мог даже в 1944 году верить, что усилия **одиночек** способны переломить ход **тотальной** войны. Но, судя по всему, японские генералы и адмиралы искренне в это верили.

Злая ирония истории заключается в том, что еще в XIII веке монголы показали японцам бессмысленность ставки на одиночек. Да-да, именно во время попыток Хубилай-хана высадить десант в Японию, сорванных ураганами «божественного ветра». Дело в том, что массовая высадка не состоялась, но отдельные монгольские отряды все-таки добрались до острова Кюсю и столкнулись с дружинами местных феодалов-даймё. Гордые японские рыцари-буси (отсюда и пошел «бусидо» — «путь воина») предлагали монголам поединки, но те, не озабоченные сохранением рыцарской чести, наваливались толпой и резали самураев-одиночек. Однако главный урок истории заключается в том, что из нее не извлекают решительно никаких уроков.

Японцы и не извлекли. Они так и остались средневековой нацией, которая как-то сумела построить линкор «Ямато» и истребитель «Зеро». Добро бы еще средневековой... Вообще-то имеются основания предположить, что к 1941 году Япония одной ногой еще стояла в первобытном обществе. Это начинается даже с такой мелочи, как имя. Недаром японцы на первое место ставят фамилию, обозначая родовую принадлежность человека, и только на второе — имя, то есть индивидуальность. Отождествление себя с родом, с племенем характерно именно для неразвитых первобытных обществ, не способных гарантировать существование отдельного индивида. Ископаемый обычай *кимотори* — ритуального людоедства — тоже

вынырнул из каменного века. Ну и, разумеется, божественный император. На божественную сущность претендовали правители Шумера, Вавилона, а вот в древней Греции, 3000 лет назад, никто об этом уже не заикался. Да и Ксеркс, с греками воевавший, тоже не считал себя богом. У Александра Македонского, правда, случился рецидив, но на то он рецидив и был. А тут — пожалуйста, божественный народ и божественный император. Не богоизбранный или боголюбимый, нет, просто божественный. XX век...

Наверное, именно в этом первобытном отрицании человеческой индивидуальности и следует искать одно из объяснений феномена камикадзэ. Если человека как личности не существует, если он не ценится, то вполне возможно им пожертвовать без всяких сожалений. «Единица — вздор! Единица — ноль! Голос единицы тоньше писка», — писал один из теоретиков камикадзэ. Вы говорите, это был Маяковский? Странно, мне казалось, что это адмирал Ониси или генерал Анами. Впрочем, большая ли между ними разница? И коммунисты, и синтоисты молились богу-человеку и, не задумываясь, жертвовали миллионами «единиц». Самое смешное — ради одной и той же цели. Ради мира во всем мире, разумеется.

Но на этом сходство отнюдь не заканчивается. Как можно назвать режим, объявивший законной смертную казнь, начиная с 12 лет? Как можно назвать режим, который возвел в ранг закона кровную месть? Уже забыли, кто такие ЧСИР и ЧСВР?! Ничего, генсеки КПСС, ВКПБ, КПРФ при случае вам быстренько напомнят. Это ведь даже не средневековье, это даже не древний мир. Самое что ни на есть первобытное общество, куда нас и сейчас пытаются затащить вылезшие из тьмы веков наследники Ленина-Сталина. Впрочем, коммунизм — это, вне всякого сомнения, крупный шаг вперед, если смотреть в исторической перспективе. Хан Батый приказывал резать всех, «кто дорос до тележной чеки». Так что истинный коммунист-ленинец, расстреливающий только с 12 лет, — подлинный гуманист на фоне батыевских баскаков.

И еще одно «приятное» сходство. Япония так и не признала существование понятия «военный преступник». Таблички с именами повешенных по приговору Токийского трибунала красуются в храме Ясукуни. Там же можно найти таблички с именами офицеров, собственноручно рубивших головы пленным, офицеров-людоедов и прочих истинных героев Японии. Чем все это отличается от кладбища вампиров у кремлевской стены?

Цена победы

Наши историки очень любят доказывать, что Советский Союз, вступив в войну против Японии, сокрушил ее в считанные дни и к тому же спас жизни миллионов американских солдат. Мол, японцы намеревались сражаться до последнего на родной земле, где каждый житель Японии с бамбуковой пикой в руке превратится в камикадзэ. И в этом случае, хотя американцы, конечно же, одержат победу (спасибо и на том!), однако она будет им стоить таких потерь, что...

Попробуем все-таки разобраться, как обстояли дела в конце лета 1945 года после окончания боев на Окинаве. Безусловно, это тема для отдельной большой книги, и наш анализ не может претендовать на полноту. Более того, с ним можно поспорить, но все-таки обойти молчанием этот вопрос, по-моему, нельзя.

Обычно выдвигаются два аргумента. Первый: во время боев на островах Тихого океана, особенно на Тараве, Иводзиме, Окинаве, американцы понесли тяжелые потери, сражаясь с относительно небольшими гарнизонами. Что произойдет, когда они встретятся с целыми японскими армиями? Второй: во время боев за Окинаву американский флот понес большие потери, отражая атаки не таких уж больших соединений камикадзэ. На аэродромах Японии сосредоточены тысячи самолетов, в укрытиях стоят тысячи человекоуправляемых торпед, в портах ждут своего часа тысячи взрывающихся катеров.

Я ни в коем случае не собираюсь оспаривать приводимые цифры. Но попробуем их немножко уточнить. Летом 1945 года японские вооруженные силы насчитывали около 6 миллионов человек, из которых только около 2350 тысяч находились собственно в Японии. К ним следует добавить около 3 миллионов человек вспомогательных частей (строители и проч.). На юге Кюсю в распоряжении командующего 16-м Армейским районом генерал-лейтенанта Исаму Ёкоямы имелись 14 пехотных дивизий и 2 танковые бригады. По оценкам самих американцев, японцы располагали еще 10700 самолетами, половину из которых составляли камикадзе (2700 морских и 2650 армейских). В августе 1945 года в Японии имелись около 400 сверхмалых подводных лодок типов «корю» и «кайрю», всего лишь 120 человеко-торпед кайтэн и около 4000 взрывающихся катеров «синьё» и «мару-ни». На первый взгляд цифры выглядят внушительно. Однако имеется целый ряд внушительных «но».

Итак, первое и самое основательное «но». Высадка американских войск намечалась на 1 ноября. Все это время и прибрежная полоса, и глубинные районы острова Кюсю должны были повергаться ожесточенным бомбежкам с участием стратегической и авианосной авиации. Что останется к этой дате от пресловутых 10 тысяч самолетов? При этом учтите, что авиационная промышленность Японии уже была уничтожена и восполнять потери не могла. Почитайте мемуары Сабуро Сакаи. Все новые и мощные японские истребители так и остались мечтой. Японская авиация их не получила. Есть сильнейшее подозрение, что ко дню высадки у японцев просто не осталось бы самолетов вообще. Мало того, даже уцелевшие самолеты вряд ли сумели бы даже взлететь из-за полного отсутствия топлива. Например, японцы вынуждены пропустить сквозь зубы, что из-за отсутствия топлива пресловутые танковые бригады генерала Ёкоямы превратились в стационарные соединения. И положение с топливом в Японии стремительно ухудшалось с каждым днем. Поэтому не

следует ждать, что американская десантная армада подверглась бы удару 5000 камикадзэ, которые перетопят половину кораблей, даже при поддержке подводных лодок и взрывающихся катеров. А ведь японское командование именно такой удар считало ключом к успеху. Маршал Хадзимэ Сугияма еще в середине июля заявил: «Ключ к окончательной победе лежит в уничтожении противника на самом урезе воды в момент высадки». На перспективу боев в глубине Кюсю даже императорская ставка смотрела довольно мрачно.

Кстати, а половину чего намеревались уничтожить японцы? В операции «Маджестик» предполагалось задействовать 3-й (быстроходные авианосцы) и 5-й (десантные силы) флоты, насчитывавшие более 3000 военных кораблей и транспортов. К августу 1945 года англо-американские силы на Тихом океане насчитывали примерно 30 эскадренных и 80 эскортных авианосцев, 30 линкоров, более 50 крейсеров и 300 эсминцев. К ноябрю эти цифры могли только возрасти. Десантные силы располагали примерно 3000 крупных десантных судов (LST, LPD, LSI и т. д.). В свое время я прочитал одну хлесткую фразу, которой несколько удивился, а потом обдумал и решил, что американцы могли и поскромничать. Было сказано, что 3-й Флот на своих кораблях имел больше зенитных орудий, чем вся ПВО Великобритании. Действительно, а почему бы и нет? Более того, существует вероятность, что к осени 1945 года этих зениток было больше, чем в ПВО вообще любой страны. Мы уж не говорим о том, что на авианосцах союзников базировалось несколько тысяч самолетов, которые заметно превосходили японские по своим характеристикам. Напомним еще раз, что камикадзэ сумели потопить всего лишь пару эскортных авианосцев и полтора десятка эсминцев. И только. Серьезные повреждения получили авианосцы «Банкер Хилл» и «Франклин». Повреждения остальных можно было характеризовать как «умеренные». Хорошо бронированные артиллерийские корабли вообще выходили из строя на

пару часов, не более. Поэтому говорить всерьез об отражении высадки не приходится.

Вообще американцы довольно скептически отзывались о концепции камикадзэ. Предоставим слово непосредственному участнику событий адмиралу Хэлси: «Я был бы проклятым дураком, если бы сказал, что отдельные камикадзэ не пугают меня. Они пугали меня снова и снова. Но сама стратегия камикадзэ не испугала меня ни на минуту. Я был уверен, что мы создадим тактику, которая остановит их, если наши люди отдохнут, наш флот будет доукомплектован и начнет наступать. Я подчеркиваю, что первые атаки застали нас с усталыми экипажами и малым числом самолетов». Знаете, ни убавить, ни прибавить.

Мне могут указать на огромное количество взрывающихся катеров. Здесь имеется второе «но». Их действия на Филиппинах и Окинаве завершились оглушительным провалом. Японцы потеряли около 1000 катеров, сумев потопить всего лишь пару десантных барж. Вот это было, вне всякого сомнения, совершенно бессмысленное расходование сил и средств. Нет оснований полагать, что у берегов Японии эти катера добились бы более удовлетворительных результатов.

Третье «но». На крошечном острове приходится штурмовать укрепления в лоб. Никакой возможности для маневра, никакой возможности использовать свое колоссальное превосходство в технике. В Европе никому из американских генералов даже в голову не приходило штурмовать укрепленные пункты, даже экстравагантному Паттону. Их обходили и бомбили до полного уничтожения. Недаром наши историки, охотно вспоминая Тараву и Иводзиму, предпочитают не говорить о взятии Филиппин, которое далось американцам довольно легко. Это же могло повториться и в Японии, тем более что соорудить систему укреплений ни на побережье, ни в глубине островов японцы так и не сумели. Между прочим, даже в альтернативной истории (смотрите книгу «Победа Восходящего Солнца») все авторы дружно го-

ворят, что попытка высадить десант в Австралию закончилась бы катастрофой. Бой на широком фронте с любовью европейской армией для японской был смерти подобен. Между прочим, это же самое доказал еще Халхин-Гол. И к 1945 году перспективы не улучшились, а лишь значительно ухудшились.

К тому же в последнее время вскрылись еще кое-какие любопытные нюансы. Когда в 1945 году американские генералы публично говорили о возможных потерях в миллион человек, они сознательно лгали. Зачем? Сказать трудно. Может быть, таким образом прокладывался путь к использованию атомной бомбы. Все-таки американцы четко осознавали, что эта бомба тоже военное преступление. Хотя японское командование подобных сомнений не испытывало и не собиралось останавливаться ни перед какими жертвами. Вооружить миллион человек бамбуковыми пиками и бросить их на танки и пулеметы? А, почему бы и нет. Правда, это «было признано нецелесообразным с военной точки зрения», со вздохом признают организаторы корпуса камикадзе. Согласно опубликованным недавно документам, американское командование предполагало, что завоевание Японии обойдется в 250000 человек. Цифра огромная, но все-таки не миллионы, согласитесь.

Впрочем, чтобы закончить разговор на эту тему, скажу следующее. **Безусловно**, вступление СССР в войну против Японии стало одним из **важнейших** факторов, которые привели к внезапной капитуляции. Но только **одним из многих** и все-таки **не самым важным**.

И в заключение несколько уточнений. Самое странное, что в Японии так до сих пор и не могут сказать, сколько камикадзе погибли во славу императора. Цифры разнятся в достаточно широких пределах. Чаще всего называют 3913 пилотов (2525 морских и 1388 армейских). Но встречается и другой вариант: 4615 самолетов (2409 флотских и 2206 армейских).

Последним из американских кораблей, потопленных камикадзе, считается эсминец «Каллахэн». Он был атакован 29 июля 1945 года учебным бипланом K5Y2 «Уиллоу». Попадание оказалось очень удачным. Вспыхнули кранцы готовых выстрелов, и после серии взрывов эсминец затонул.

Последним американским кораблем, поврежденным камикадзе, считается эсминец «Бори» из состава охранения Оперативного Соединения 38. 9 августа у берегов Хонсю в него врезался «Вэл». Однако в ряде источников называется транспорт «Ла Гранж», атакованный 13 августа у берегов Окинавы, хотя это не вполне достоверно.

Самое странное, что последним из кораблей союзников, потопленным камикадзе, стал советский катерный тральщик КТ-152, потопленный возле острова Шумшу 18 или 19 августа (разные источники указывают различные даты). Бывший сейнер «Нептун», построенный в 1936 году, имел водоизмещение всего 62 тонны и после попадания самолета, конечно же, сразу затонул.

Кто такой AI?

Этот раздел предисловия можно было бы назвать «Необходимое дополнение». Непосредственно к теме книги он не относится, хотя мне представляется все-таки достаточно важным.

Меня не раз спрашивали: «А не боишься ли ты, что однажды придут электронные переводчики и уволят тебя за полной ненадобностью?» И на это я всегда отвечал: «Да ни секунды не боюсь». Искусство машинного перевода вплотную примыкает к проблеме создания искусственного интеллекта, а вот здесь, несмотря на все жуткие предостережения писателей-фантастов, несмотря на победные клики инженеров-электронщиков, заметного прогресса не наблюдается. Самым наглядным, хотя и несколько примитивным примером являются компьютерные игры. Уж сколько лет разработчики сулят пользователям кру-

тое поумнение AI, только воз и ныне остается там, где стоял в прошлом веке. (Здорово, что сейчас можно с полным основанием употреблять такую красивую фразу!) Как раньше, так и теперь расстроенные и обозленные игроки расшифровывают AI как «искусственный идиот», хотя разработчики заявляют, что это «искусственный интеллект». Но, мне кажется, они все-таки лукавят. Так кто он? «*Artificial Intellect*» или «*Artificial Idiot*»? Может, и не идиот, но где-то примерно в том районе.

Мне могут возразить: а как же искусственные шахматисты? Вон, они чемпионов мира начали обыгрывать. Начали, не спорю. Только это не вполне честное состязание. Более того, попросту нечестное изначально. Правильно говорят гроссмейстеры: «Человек за доской имеет лишь то, что находится у него в голове, а компьютер — все, что когда-то было сыграно в истории шахмат». Дайте тому же Каспарову в распоряжение ноутбук с «Датабейз», и полетят от хваленых программ пух и перья. Или наоборот, искусственно ограничьте базу данных «Фрица» запасом сведений, которые реально может помнить человек. Уверен, в этом случае его ждет разгром еще более страшный. По сути дела, эти матчи доказывают то, что доказывать в принципе не обязательно. И так известно, что на винт емкостью 120 Гбт можно записать **очень много** сведений, а «Пень-V» складывает и делит гораздо быстрее любого человека. **И всё!**

Зато когда нужно проявить интуицию, неформальную логику, мыслить общими категориями и принципами, электронные чемпионы мира плывут, как фанера над Парижем. Ведь раньше они не могли выиграть простейший эндшпиль, который по плечу любому второразряднику. Просто в нем нет форсированного варианта, который можно просчитать. Нужно помнить общий план, длинной ходов этак 30, который примитивен и элементарен, но в каждой конкретной позиции различается незначительными деталями. Человек его реализует без труда, а компьютер... Хорошо еще, что производители запоминающих устройств работают, не покладая рук, и теперь можно

записать десятки тысяч всяческих эндшпилей. Молодцы! Но при чем тут искусственный разум?

Однако вернемся к проблемам перевода. У меня с моими редакторами вышел небольшой спор. Они купили лицензионную версию какого-то переводчика (не буду даже название вспоминать, не стоит он того) и кричали, что уж если он и не переведет совсем как я, то даст такой подстрочник, на основании которого можно будет создать членораздельный текст. Мы решили попробовать, и вот что из этого получилось. В качестве пробного камня был взят текст статьи Юргена Ровера об операции «Россельшпрунг». Далее приводятся три текста: английский вариант, перевод так называемого AI и сделанный второпях, на скорую руку, мой собственный перевод.

«Up to the end of May 1942 the German Navy had concentrated in Norway a strong surface force with the big battleship *Tirpitz*, the pocket battleships *Lutzow* and *Admiral Scheer*, the heavy cruiser *Admiral Hipper*, 12 destroyers and two torpedoboats under the command of the Commander-in-Chief (C-in-C) Fleet, Admiral Schniewind. In addition there were 12 operational U-Boats in Northern Norway, and the Air Force had two groups of He-111 torpedo-aircraft of the "Kampfgeschwader (KG) 26", and 3 groups of Ju-88 bombers of the "KG-30", as well as a Coastal Air Group for reconnaissance with He-115 and BV-138 aircraft. With such forces it was now possible to attack the next Allied PQ-convoy from Great Britain and Iceland to Murmansk and Arkhangelsk.

The operational plan "Rosselsprung" ("Knights Move") was based on a scheme designed by the Fleet Command, but decided upon after arrangements with the "Luftflottenkommando 5", responsible for the air forces in Norway. It envisaged establishing contact with the convoy as early as possible by FW-200 long range aircraft of "KG-40", and BV-138 flying boats of the "Kustenfliegergruppe 406" and by U-Boats in positions far to the west. They had to keep contact and report

the composition of the convoy and its close escort, so that the best plan for attack by the air forces, the U-boats and especially the surface battle groups could be made. Most important was to find the distant covering groups».

«До конца Мая 1942 немецкий Флот сконцентрировал в Норвегии сильную поверхностную силу с большим линейным кораблем *Tirpitz*, карманные линейные корабли *Lutzow* и *Адмирал Шур*, тяжелый *Адмирал* крейсера Хиппер, 12 разрушителей и два *torpedoboats* под командой Главнокомандующего (C-in-C) Флот, Адмирал Шнивинд. Кроме того было 12 эксплуатационных U-лодок (U-теплоходов) в Северной Норвегии, и Воздушные силы имели две группы Его — Плохой самолет торпеды “*Kampfgeschwader (КГ) 26*”, и 3 группы *Ju-88* бомбардировщиков “*Кг 30*”, так же как Прибрежной Воздушной Группы для разведки с Ним 115 и Расходом дутья 138 самолетов. С такими силами было теперь возможно напасть на следующий Союзнический PQ-конвой из Великобритании и Исландии к Мурманску и Архангельску.

Эксплуатационный план “*Rosselsprung*” (“Движение (Шаг) Рыцарей”) базировался на схеме, разработанной (предназначенной) Командой Флота, но решил на после мер с “*Luftflottenkommando 5*”, ответственный за воздушные силы в Норвегии. Это предусматривало устанавливать контакт с конвоем как можно раньше *FW-200*, долго располагаются самолет “*Кг 40*”, и Расхода дутья 138 летательных аппаратов “*Kustenfliegergruppe 406*” и U-лодками (U-теплоходами) в положениях (позициях) далеко на запад. Они должны были держать контакт и сообщать о составе конвоя и его близкого эскорта, так, чтобы лучший план относительно нападения воздушными силами, U-лодками (U-теплоходами) и особенно поверхностные боевые группы мог быть сделан. Наиболее важный должен был найти отдаленные группы покрытия».

«К концу мая 1942 года германский флот сосредоточил в Норвегии крупную группировку надводных кораб-

лей. В ее состав вошли линкор «Тирпиц», карманные линкоры «Лютцов» и «Адмирал Шеер», тяжелый крейсер «Хиппер», 12 эсминцев и 2 миноносца под общим командованием «Флоттеншефа» адмирала Шнивинда. Кроме того, в северной Норвегии базировались 12 подводных лодок. Люфтваффе имели в Норвегии 2 группы торпедоносцев He-111 из состава бомбардировочной эскадры KG-26, 3 группы пикировщиков Ju-88 из состава KG-30, а также группу разведывательных гидросамолетов He-115 и BV-138. Имея такие силы, немцы получили возможность атаковать следующий союзный конвой, идущий из Великобритании и Исландии в Архангельск и Мурманск.

План операции «Россельшпрунг» (Ход конем) был предложен командованием флота, однако было принято решение согласовать его со штабом 5-го Воздушного Флота, в распоряжении которого находилась вся немецкая авиация в Норвегии. Предполагалось, что конвой будет обнаружен как можно раньше дальними разведчиками FW-200 из KG-40, а также летающими лодками BV-138 из Kfg-406 и подводными лодками, выдвинутыми далеко на запад. Они должны будут поддерживать контакт с конвоем, сообщать его состав и уточнят численность эскорта. Это позволит подготовить наилучший план удара по конвою силами авиации, подводных лодок и надводных кораблей. Самым важным было обнаружить соединение дальнего прикрытия».

Сначала я даже не мог понять, о чем он, AI, толкует. Потом все-таки разобрался, хотя далеко не сразу. Наверное, при некотором напряжении мысли можно все-таки уразуметь, что писал Ю. Ровер. Но только получить общее представление, не более того.

Впрочем, редакторы сдались не сразу. Да, я и сам согласен, что можно обучить электронного дурачка кое-чему. Он не будет считать аббревиатуру «BV» термином из сферы металлургии и согласится, что это фирма «Блом и Фосс». Но как его научить различать местоимение «он» и

фирму «Хейнкель», пока осталось неясным. Ну и уж совершенно великолепно выглядит перевод термина *тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер»*. Лукавые иностранцы перестали выделять названия кавычками, они теперь ставят их курсивом. Вот несчастный AI и перевел **в полном согласии** с правилами английской грамматики цепочку существительных как *тяжелый адмирал крейсера «Хиппер»*. Как ему втолковать, когда нужно следовать правилам, а когда их требуется нарушать — не известно.

И в заключение приведу еще пару примеров. Один указал знаменитый фантаст Станислав Лем. Причем этот пример, как ни странно, примыкает к теме нашей книги. Фраза «Дух крепок, хотя плоть немощна» была переведена абсолютно правильно и точно. Вот только получился бред сумасшедшего, извините. «Сильный запах, хотя мясо совсем размякло». Это тоже прикажете считать подстрочником, из которого еще можно сделать нормальный текст? А второй пример мой собственный. Я поверю в компьютерный переводчик, лишь когда он сумеет адекватно перевести две простейшие фразы, понятные даже последнему глупцу. «Ты иди» и «Иди ты» Найдите мне такого электронного гения.

Антон Павлович Чехов советовал: «При переводе обращайтесь внимание на смысл, а не на текст». Компьютер этого не умеет по определению.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во время Второй Мировой войны японской флот потерял практически все свои корабли и самолеты. Мы также потеряли двух верховных главнокомандующих — адмиралов Ямамото и Когу, которые погибли в течение одного года. Образно говоря, мы сражались до последнего патрона, что доказывает необычайный характер войны. Вторая Мировая война для Японии резко отличалась от предыдущих войн с Китаем и Россией по двум главным причинам:

1. Это была тотальная война.
2. Это была, в основном, морская война, в которой большую роль играла авиация.

С учетом этих двух факторов мы рассмотрим, как повлияли на ход войны количество и качество боевой техники. Наши морские и воздушные силы количественно уступали вражеским. Поэтому требовались крайние меры. Это сделали неизбежными атаки камикадзэ.

Когда именно верховное командование приняло решение перейти к такой войне? И было ли это решение основано на твердых расчетах?

Вице-адмирал Сигеру Фукудомэ, который был начальником Оперативного отдела Морского генерального штаба в начале войны, так характеризовал японский флот:

«Накануне войны в Японии возник страх перед неизбежной революцией. Адмирал Ямамото считал, что если

гражданская война не будет роковой для нации, то внешняя война приведет к полной катастрофе. Поэтому он резко протестовал против развязывания войны. В то же время он заявил, что развитие внутреннего положения страны неизбежно вызывает сползание к войне.

Когда я изложил план операции принцу Фусими, который имел звание адмирала флота, он сказал: «Если начнется война, Япония потеряет все, чего она добилась с начала эпохи Мэйдзи. Но кажется невозможным избежать войны. Я крайне обеспокоен».

По мнению флота война была совершенно нежелательна, однако альтернативы не было. Спасти Японию можно было только военным путем. Это мнение флотского командования изложил адмирал Сигетаро Симادا, морской министр в первом кабинете Тодзио.

На основании оценки военных сил, готовности и стратегической обстановки было желательно начать войну как можно скорее. Это подчеркнул начальник Генерального штаба адмирал Осами Нагано на совещании в императорской ставке 6 сентября 1941 года. Тем не менее, оставался шанс достичь благоприятных дипломатических решений, которые исключают необходимость применения военных средств. Даже если мы сумеем одержать военную победу, нам придется оставить армию под ружьем, чтобы сохранить верность японскому духу, который следовало оберегать любой ценой.

После утверждения плана операций адмирал Нагано, представлявший верховное командование, заявил: «Мы пришли к общему мнению, что если мы не начнем войну сейчас, нация погибнет. Однако она может погибнуть и в результате войны. Следует помнить, что падение государства без сопротивления будет позором.

В такой безнадежной ситуации выживание можно обеспечить, только сражаясь до последнего человека. Тогда, даже если мы проиграем, потомки получат в наследство наш дух, который будет вдохновлять их на защиту родной страны».

В заключение адмирал сказал: «На войне солдат должен просить об одном: дать ему возможность драться во имя императора. Мы будем сражаться до последней капли крови».

Мы все, кому действительно пришлось сражаться в этой войне, ничего не знали о совещаниях в императорской ставке до окончания военных действий. Мы сражались, как повелевал трон. Во время войны мы испытали горечь поражений, но были полны решимости вынести любые трудности, чтобы выполнить свой долг перед императором и страной.

После окончания войны наше полное поражение подтвердило справедливость слов адмирала Нагано. Более того, упорство флота в ходе боев привело к его гибели.

Парадоксально, что Тихоокеанская война, которая стала началом атомной эры, одновременно породила массированные атаки летчиков-самоубийц. На первый взгляд может показаться нелепостью, что их вообще рассматривали, не то что применяли для борьбы против достижений современной науки и техники. Вполне понятно, что многие люди считали такие атаки проявлением варварства, если не безумия, и старались поскорее забыть о них.

Однако значительный прогресс в развитии средств уничтожения в последние годы заставил людей — военных и гражданских — понять, что война приводит к отчаянию. Так как война и ее средства ведения являются продуктом человеческого разума, не следует об этом забывать. Более того, поскольку инстинкт жизни является самым основным для человека, интересно изучить, как пилоты-камикадзэ преодолевали это желания при исполнении долга.

Мы очень хотели бы, чтобы летчики-самоубийцы могли заговорить с нами сегодня, однако они умолкли навсегда. Поэтому мы собрали все имеющиеся данные и постарались заставить эту книгу заговорить вместо них. Книгу не следует рассматривать как критику. Доктрины. Это просто описание и памятник отважным людям, которые отда-

ли свои жизни в ходе «специальных» атак. Мы искренне надеемся, что она хоть в малой степени поможет построить лучший мир, ради которого умирали эти люди.

Атаки камикадзэ потрясли весь мир именно потому, что заканчивались «предопределенной смертью». История знает огромное множество случаев, когда солдаты сражались насмерть, но никогда ранее такая программа не выполнялась столь методично и так долго. В случае любой схватки не на жизнь, а на смерть, остается хотя бы минимальный шанс на спасение. Но пилот-камикадзэ мог провести атаку **только** принеся себя в жертву. Атака и смерть становятся синонимами.

После войны поднялся настоящий шторм критики, причем с самых разных сторон. Одни отрицали, что такая тактика была продумана. Другие обвиняли командиров, которые планировали атаки и руководили ими. Еще кто-то обвинял пилотов, которые выполняли приказ и умирали. В каждой из этих точек зрения есть зерно истины, но мы не собираемся это обсуждать. Мы только попытаемся рассказать об обстоятельствах, при которых зародились атаки камикадзэ, и при которых они проводились.

Следует помнить, что в большинстве случаев пилоты-камикадзэ не проводили свои атаки **немедленно после того**, как они вступали в корпус. После добровольного (или недобровольного) вступления в корпус специальных атак большинство из них продолжало обычную боевую подготовку. В некоторых случаях это затягивалось на месяцы, и никто не знал, когда наступит его черед. Моментальная вспышка энтузиазма не могла тянуться так долго.

Одно ясно совершенно точно. Корпус специальных атак камикадзэ был организован человеком, который лучше других подходил для этого. Хотя термин «камикадзэ» позднее использовался для всех подразделений самоубийц, для человекоуправляемых бомб и взрывающихся катеров, строго говоря, настоящими камикадзэ были только авиационные подразделения, созданные вице-адмиралом Ониси. Успешное формирование этих подразделений сле-

дует объяснить единством мыслей и целей, связывавшим адмирала и его подчиненных. Это единство имело исключительное значение. Без него атаки не могли бы продолжаться так долго, вне зависимости от храбрости летчиков и таланта командира.

«Мы умираем ради благополучия нашей страны», — таким был дежурный ответ камикадзе и их лозунг. Он подчеркивает глубокую веру этих людей в свою страну и своего императора, желание умереть ради них. Без такой веры атаки камикадзе были бы невозможны в принципе.

Говоря об этом, мы ни в коем случае не утверждаем, что одобряем решения и действия адмирала Ониси. Это очень больной вопрос, мог ли он сам оправдать собственные действия. Вопрос слишком сложный, и не следует искать ответ на него на страницах этой книги.

Сами пилоты никогда не сомневались в действиях своего командира. Однако при этом никто из них не считал, что совершает нечто исключительное. Их главной заботой было наверняка поразить цель. По сравнению с этим смерть не имела особого значения. В глубине души они наверняка верили в «жизнь после смерти». Такое отношение является совершенно традиционным для японцев и уходит корнями в далекое прошлое.

Мы молимся, чтобы души этих отважных людей, которые отдали свои жизни ради этого, обрели вечный покой.

*Рикией Иногути,
Тадаси Накадзима,
декабрь 1957 года*

ГЛАВА 1

Октябрь 1944 года

МАБАЛАКАТ

201-я авиагруппа

Все это происходило 19 октября 1944 года в местечке Мабалакат на острове Лусон, Филиппины. Близился вечер, и солнце уже готовилось скрыться за зубчатой стеной гор к западу от аэродрома Мабалакат, который входил в состав обширной авиабазы Кларк, расположенной примерно в 50 милях на северо-запад от Манилы. Техники и авиамеханики в форме наземных частей авиации Императорского Флота сновали туда и сюда, точно муравьи, торопясь загнать самолеты в укрытия до наступления сумерек. Они также должны были подготовить самолеты к завтрашним вылетам.

Я находился на командном пункте аэродрома, который был всего лишь старой и потрепанной палаткой, и беседовал с заместителем командира 201-й авиагруппы капитаном 2 ранга Асаити Тамаи. Мы обсуждали план завтрашней атаки. За 2 дня до этого, 17 октября, американские корабли появились возле острова Сулуан в заливе Лейте, причем в таком количестве, что сразу стало

ясно: готовится крупная десантная операция. Однако японская авиация на всех Филиппинах насчитывала в этот момент не более 100 исправных самолетов, которые можно было бросить в бой. Что мы можем предпринять, чтобы отразить удар противника?

В это время я служил начальником штаба 1-го Воздушного Флота, и меня прислали сюда из Манилы в качестве представителя командования японских воздушных сил на Филиппинах. 201-я авиагруппа была одной из наших основных боевых единиц. Мы с капитаном 2 ранга Тамаи дружили еще со времен учебы в Военно-морской академии. Тяжелая ситуация, сложившаяся в районе боев, помогла нам сойтись еще ближе, чем раньше. Мы открыто говорили о стоящих перед нами сложных проблемах и были готовы обсудить любой план, который помог бы выйти из отчаянного положения.

Наша нерадостная беседа прервалась, когда появился черный автомобиль, неожиданно вынырнувший из полумрака. На переднем крыле машины трепетал желтый флажок, указывая, что в ней находится какая-то высокопоставленная персона. Пока мы гадали, что же это за визитер, автомобиль затормозил возле командного пункта, и появилась коренастая фигура в мундире вице-адмирала. Никаких полагающихся рангу церемоний и свиты, только один адъютант. Мы сразу узнали в прибывшем вице-адмирале Такидризоне Ониси, нового командующего японской авиацией на Филиппинах.

Вице-адмирал Ониси прилетел из Токио, чтобы принять командование 1-м Воздушным Флотом, всего лишь позавчера, поэтому у него пока просто не было времени, чтобы детально обсудить положение дел со своим предшественником, вице-адмиралом Кимпеем Тераокой. Срочные дела требовали присутствия адмирала Ониси в штабе флота в Маниле, однако он прибыл в Мабалакат.

Почему?

Мы с капитаном 2 ранга Тамаи вскочили на ноги, чтобы приветствовать его. Он взял кресло и несколько ми-

нут сидел молча, следя за работой механиков, которые лихорадочно суетились в угасающем дневном свете. Наконец он повернулся к нам и сказал: «Я прибыл сюда, чтобы обсудить с вами крайне важную проблему. Можем мы отправиться в ваш штаб?»

Оставаться дальше на командном посту уже не имело смысла, поэтому мы с Тамаи пошли вместе с адмиралом к его лимузину. Командиры эскадрилий и пилоты последовали за нами на других машинах.

Мабалакат был пыльным филиппинским городишкой. Два или три прилично выглядящих дома в европейском стиле были реквизированы для использования в качестве офицерских общежитий. Штаб 201-й авиагруппы располагался в одном из них, за низкой каменной оградой. Кремовый дом с зелеными окнами выглядел очень уютно.

Однако его внешний вид совсем не соответствовал тому, что творилось внутри. Вся обычная домашняя мебель была выкинута, а полы были застелены сложенными брезентовыми палатками. Повсюду валялись летные костюмы, полотенца, умывальные принадлежности. В доме жили более 30 офицеров, а хозяин-филиппинец вместе с семьей ютился в двух задних комнатках. Хотя в доме было тесновато, именно здесь жили летчики-офицеры 201-й авиагруппы.

Во дворе стояли две железные бочки из-под бензина, служившие ванной и стиральным корытом. По другую сторону дома приютилась хижина, в которой жили ординарцы. Вдоль забора росли деревья и пышный кустарник, имелась небольшая лужайка. В общем, это было приятное местечко.

Унтер-офицеры и рядовые размещались поблизости в туземных домишках. Эти примитивные хижины стояли на столбиках высотой около 5 футов. Их полы из расщепленных стволов бамбука прекрасно подходили для местного климата, и по ночам в хижине было прохладно. Люди расстилали одеяла прямо на полу, но им приходилось тща-

тельно заделывать щели между полосками бамбука, потому что иначе в хижину набивалась масса moskitov, от которых не спасали никакие сетки. Был какой-то иронический момент в том, что наши пилоты-ветераны оказались беспомощными перед атаками этих кровожадных насекомых.

Наш автомобиль затормозил перед зданием штаба, мы вышли и проводили вице-адмирала Ониси внутрь. Как только мы вошли, тут же раздался телефонный звонок. Пока адмирал говорил по телефону, мы вызвали начальника штаба 26-й воздушной флотилии Тюити Ёсиоку и двух командиров эскадрилий из 201-й авиагруппы: лейтенантов Ибусуки и Ёкояму. Мы вшестером уселись вокруг стола в маленькой комнатке на втором этаже, окнами выходящей во двор. Дверь в коридор осталась открытой. Темнота быстро сгушалась.

Адмирал Ониси пристально посмотрел нам прямо в глаза, словно стараясь прочесть наши мысли. А потом начал спокойно говорить:

«Как вы знаете, ситуация сложилась опаснейшая. Подтвердилось появление мощных американских сил в заливе Лейте. Судьба империи зависит от исхода операции «СЁ», которая начата по приказу Императорского генерального штаба, чтобы отразить вражеское вторжение на Филиппины. Наши надводные силы уже вышли в море. 2-й Флот вице-адмирала Куриты, в который входят наши основные силы, направится в район Лейте и уничтожит вражеские десантные силы. Задача 1-го Воздушного Флота заключается в том, чтобы обеспечить воздушное прикрытие кораблям адмирала Куриты. Мы должны защитить их от воздушных атак, которые могут помешать им прорваться к заливу Лейте. Чтобы достичь этого, мы должны поразить вражеские авианосцы и нейтрализовать их по крайней мере на неделю».

Нам сразу стало ясно, что на нас возложена исключительно трудная задача огромной важности. Вражеские авианосные соединения — очень трудная цель, но их тре-

буется нейтрализовать хотя бы на неделю. Это даст шанс соединению Куриты, в которое входят мощные линкоры «Ямато» и «Мусаси» и **ни одного** авианосца, прорваться в залив Лейте, уничтожить вражеские транспорты и сорвать намеченное вторжение. Весь успех плана Императорской Ставки зависел от того, сумеем ли мы выполнить свою задачу. «СЁ» означает «Победа», но если 1-й Воздушный Флот потерпит неудачу, операция «Победа» обернется неизбежным поражением.

Однако в этот момент казалось просто смешным надеяться, чтобы мы сумеем чего-то добиться. В начале сентября мы были значительно сильнее, однако вражеские авианосные соединения сумели нанести серию мощных ударов по нашим базам на всех Филиппинах, уничтожив большое количество самолетов. Если мы не сумели остановить их тогда, то что мы сможем сейчас, когда во всем 1-м Воздушном Флоте осталось всего 30 исправных истребителей, собранных в 201-й авиагруппе? Имелось еще примерно столько же бомбардировщиков, которые были разбросаны по аэродромам от Замбоанги до центрального Лусона. Планом «СЁ» предусматривалась переброска с Формозы на помощь нам 2-го Воздушного Флота, однако он только что понес тяжелейшие потери в боях с вражескими авианосными силами. 2-му Воздушному Флоту предстояло пополнить и переформировать свои потрепаные эскадрильи и перебросить их на Филиппины, а до тех пор нам предстояло сражаться в одиночку — горстка самолетов против сотен!

Пока адмирал Ониси говорил все это, мы почувствовали, что он приехал не для того, чтобы повторить нам то, что мы и так уже знали. Он хочет сказать что-то более важное. Мы пытались сообразить, **как** нам выполнить нашу задачу в таких неблагоприятных обстоятельствах. И мы ждали, что адмирал даст ответ на этот вопрос.

Ониси снова начал говорить.

«По моему мнению, существует только единственный способ использовать наши скудные силы с максималь-

ной эффективностью. Мы должны создать подразделения самоубийственных атак из истребителей «Зеро», вооруженных 250-кг бомбами. Каждый самолет спикирует и врежется во вражеский авианосец... Что вы думаете по этому поводу?»

Глаза адмирала пробежались по нашим лицам. Какое-то время все молчали, но слова адмирала Ониси зажгли искру в каждом из нас. Действительно, тактика «живых ядер» (**таи-атар**) уже использовалась морскими летчиками в боях против вражеских тяжелых бомбардировщиков. Многие летчики были убеждены, что подобную тактику можно использовать и против вражеских авианосцев. Это трудно понять, так как ни один человек не будет радоваться смерти. Но позиция летчиков становится более ясной, если вспомнить, что при том неравенстве сил, которое существовало в 1944 году, шансы уцелеть при атаке вражеских авианосцев были ничтожными, какой бы метод атаки ни был использован. Если пилот обречен на смерть, что может быть более естественным, чем желание погибнуть с пользой, нанеся противнику максимальный урон?

Поэтому слова Ониси были встречены молчанием, хотя не страх был тому причиной. Первым заговорил капитан 2 ранга Тамаи:

«Йосиока, насколько эффективным будет попадание самолета, вооруженного 250-кг бомбой в полетную палубу авианосца?»

Йосиока ответил:

«Шансы добиться попадания будут гораздо выше, чем при обычном бомбометании. Ремонт полетной палубы, вероятно, займет несколько дней».

Капитан 2 ранга Тамаи наверняка знал все это сам, но задал вопрос, чтобы как-то снять напряжение и дать нам время собраться с мыслями. Он повернулся к адмиралу и сказал:

«Как заместитель командира я не могу взять на себя ответственность за столь важное решение. Я должен уз-

нать мнение командира авиагруппы капитана 1 ранга Сакаэ Ямамото».

Адмирал Ониси сухо заметил:

«Если говорить об этом, я только что беседовал по телефону с капитаном 1 ранга Ямамото, находящимся в Маниле. Он сломал ногу в авиационной катастрофе и сейчас лежит в госпитале. Он добавил, что я могу считать ваше мнение его собственным. Он оставляет решение за вами».

Капитан 2 ранга Тамаи понял, что решать придется все-таки ему. Я гадал, что же он скажет. Согласится ли этот мягкий и скромный человек с таким методом атак? Мы все повернулись к Тамаи и с напряжением ждали его ответа, зная, что именно нам придется участвовать в таких атаках.

Капитан 2 ранга Тамаи прекрасно понимал, что военная ситуация сложилась исключительно тяжелая, поэтому требуются крайние меры. Он прекрасно знал, что думают и чувствуют его пилоты. После долгой паузы он попросил у адмирала несколько минут, чтобы обдумать вопрос. Тамаи вышел из комнаты, позвав лейтенанта Ибусуки за собой.

Позднее Тамаи рассказал мне, что они прошли в его комнату и обменялись мнениями относительно отношения пилотов к перспективе самоубийственных пике.

Выслушав мнение Ибусуки, Тамаи вернулся к нам и сказал:

«Командир возложил на меня всю полноту ответственности. Я полностью разделяю точку зрения адмирала. 201-я авиагруппа согласна с его предложением. Могу я спросить: вы возложите на нас формирование подразделений самоубийственных пике?»

Я прекрасно помню выражение лица адмирала Ониси, когда он утвердительно кивнул. На нем отразилось явное облегчение, смешанное с горечью.

После того как было принято решение использовать тактику самоубийственного пикирования, возникла не-

обходимость немедленно приступить к формированию подразделений специальных атак. Битва должна была начаться в ближайшие дни, может быть, даже завтра.

Адмирал Ониси отправился, чтобы немного отдохнуть. Историческое совещание закончилось.

Корпус специальных атак камикадзэ

Как только адмирал Ониси покинул комнату, капитан 2 ранга Тамаи приступил к работе. После первого же упоминания самоубийственных пике он начал вспоминать пилотов, которых можно отобрать для таких вылетов. Он знал этих молодых людей уже довольно долго. Когда в октябре 1943 года они завершили базовую подготовку, то были переведены для продолжения службы в его 263-ю авиагруппу, базировавшуюся в Японии. Капитан 2 ранга Тамаи возлагал на них большие надежды, и он вкладывал в молодежь сердце и душу, готовя ее к боям.

К февралю 1944 года они лишь наполовину завершили курс боевой подготовки, когда был получен приказ отправить неопытных пилотов на Марианские острова для участия в боях. Они попали на Тиниан, Яп и Палау и с этого дня сражались практически непрерывно при самом неблагоприятном соотношении сил. Многие из них погибли в боях, а уцелевшие так и не получили отдыха. В начале августа они были переведены на южные Филиппины, где 201-я авиагруппа была включена в состав нового 1-го Воздушного Флота. Капитан 2 ранга Тамаи с поста командира 263-й авиагруппы был переведен заместителем командира в 201-ю авиагруппу.

К этому времени в 201-й осталась только треть пилотов, но кровавый опыт тяжелых боев помог уцелевшим летчикам закалить свой дух и отточить мастерство. Теперь они стали закаленными ветеранами, а им моральный дух был высок, как никогда. Капитан 2 ранга Тамаи, который вдохновлял молодежь во время учебы, который

делил с ними тяжесть боев с того дня, как они попали в огонь, был тесно привязан к своим подчиненным, как отец к своим сыновьям.

Он страстно желал, чтобы эти пилоты принесли максимальную пользу своей стране. Они в свою очередь относились к своему командиру, как к родному отцу, и выражали свои чувства при каждом удобном случае. Поэтому вполне естественно, что Тамаи первым делом подумал о них.

После совещания с командирами эскадрилий капитан 2 ранга Тамаи приказал собрать всех рядовых летчиков. Он описал сложившуюся критическую ситуацию и рассказал о предложении адмирала Ониси. Все 23 пилота дружно вскинули руки, выражая свое согласие. Они не скрывали своего воодушевления и радости. Тамаи подчеркнул, что необходимо хранить в строжайшем секрете все происходящее. После этого собрание завершилось, и пилоты разошлись по своим домам.

Было уже за полночь, когда Тамаи вернулся в офицерское общежитие и рассказал мне о реакции пилотов. «Иногучи, ведь они так молоды. Но хотя они не могут объяснить, что происходит у них в сердце, я никогда не забуду твердой решимости на их лицах. Их глаза лихорадочно сверкали в плохо освещенной комнате. Вероятно, каждый думал, что настал час отомстить за своих товарищей, павших недавно в жестокой битве на Марианских островах, на Палау и Япе. Такой энтузиазм может вспыхнуть только в сердцах молодых людей».

Теперь мы были уверены, что найдем пилотов для самоубийственных атак.

Но на кого возложить командование этими молодыми летчиками? Мы обсудили несколько возможных кандидатур, и я предложил назначить одного из офицеров, окончивших Военно-морскую академию. Тамаи согласился, добавив, что лучше всего для этой должности подошел бы Наоки Канно. Однако, к несчастью, Канно отсутствовал, так как был направлен со специальным заданием в

Японию. Задумавшись, Тамаи пробормотал: «Если бы только Канно был здесь...»

Несколько пилотов имели опыт командования, но для этой важной задачи нам требовался наилучший. Командиром должен был стать человек исключительно твердого характера. Капитан 2 ранга Тамаи долго размышлял и наконец выбрал Юкио Секи.

Лейтенант Секи летал на авианосных бомбардировщиках, а не истребителях. Он прибыл на Филиппины с Формозы всего месяц назад. Капитан 2 ранга Тамаи был занят по горло ежедневными заботами. Он посылал своих пилотов атаковать вражеские корабли и отбивать воздушные налеты, поэтому у него просто не нашлось времени всерьез поговорить с лейтенантом Секи. Но время шло, и молодой лейтенант постоянно подходил к Тамаи, требуя отправить его в боевой вылет. Это повторялось так часто, что Тамаи решил, что этот человек способен на что-то серьезное, хотя Секи был еще новичком в авиагруппе.

Я сам помнил Секи еще мичманом по тем временам, когда преподавал в Военно-морской академии, и был уверен, что он станет хорошим командиром. Поэтому мы сошлись на кандидатуре лейтенанта Секи и отправили ординарца за ним.

Ночи на Филиппинах темные и тихие. Мы молча сидели в холле офицерского общежития и слышали, как ботинки ординарца грохочут по лестнице. Секи в это время сладко спал, и я гадал, что же ему может сниться. Но вскоре на лестнице зазвучали шаги, и в дверях появилась высокая фигура лейтенанта. Было ясно, что он очень спешил, так как его китель был застегнут не на все пуговицы. «Вы вызывали меня, господин капитан 2 ранга?» — обратился он к Тамаи.

Молодой человек сел в кресло лицом к нам. Тамаи положил ему руку на плечо и сказал: «Секи, адмирал Ониси лично посетил 201-ю авиагруппу, чтобы изложить план, который имеет огромное значение для Японии. Этот

план заключается в том, что пилоты «Зеро», вооруженных 250-кг бомбами, будут намеренно пикировать на палубы вражеских авианосцев, чтобы обеспечить успех операции «СЁ». Вас выбрали командиром подразделения для таких атак. Как вы на это смотрите?»

Когда капитан 2 ранга Тамаи кончил, у него на глазах стояли слезы.

Ответ последовал не сразу. Секи сидел неподвижно, опершись локтями о стол и обхватив руками голову. Он плотно сжал челюсти и закрыл глаза, погрузившись в свои мысли. Одна секунда, две, три, четыре, пять... Наконец он шевельнулся, пропустив свои длинные волосы сквозь пальцы. Затем он медленно поднял голову и произнес: «Вы обязаны позволить мне сделать это». Его голос совершенно не дрогнул.

«Спасибо», — просто сказал Тамаи.

Внезапно давящая атмосфера рассеялась, и в комнате повеяло свежестью, словно тучи разошлись, чтобы пропустить лунный свет. Мы обсудили ближайшие меры, которые следует предпринять. Обсуждение было коротким, но в каждом слове Секи, в каждом его жесте я видел сильный характер, который подтверждал, что мы правильно выбрали командира.

После того как был подобран личный состав и найден командир корпуса специальных атак, я сказал: «Так как это специальное задание, мы должны найти специальное имя для отряда». Тамаи согласился, и тогда я предложил: «А как насчет отряда «Симпу»?»¹

«Хорошо, — согласился Тамаи. — В конце концов, нам предстоит раздуть божественный ветер».

Я поднялся по лестнице в комнату, где отдыхал адмирал Ониси, чтобы доложить, что формирование отряда завершено. Я постучал, а потом открыл дверь.

---

¹ «Симпу» — это другой вариант прочтения иероглифов слова «камикадзе». *Прим. авт.*

В комнате не было света, но в окно светили звезды, и я различил брезентовую кровать возле двери. В течение нескольких часов после совещания с нами адмирал Ониси лежал в темной комнате наедине со своими мыслями и тревогами.

Он встал, когда я начал свой рапорт: «Для выполнения специальных заданий имеются 23 человека. В качестве командира выбран лейтенант Секи, окончивший Военно-морскую академию. Так как это особое задание, мы хотели бы, чтобы вы дали имя новому подразделению. Мы с капитаном 2 ранга Тамаи предлагаем назвать его отрядом «Симпу».

Адмирал Ониси утвердительно кивнул. Была еще ночь 20 октября 1944 года, но приказ был немедленно отпечатан и вывешен на доске объявлений, как только адмирал подписал его. В приказе говорилось:

«201-я авиагруппа сформирует корпус специальных атак, и мы 25 октября уничтожим или выведем из строя вражеские авианосцы в водах к востоку от Филиппин.

Корпус будет называться отрядом специальных атак «Симпу». Он будет состоять из 26 истребителей, из которых половина предназначена для таранных ударов, а вторая — для сопровождения. Они будут разделены на 4 звена, которые получают названия: «Сикисима», «Ямато», «Асахи», «Ямадзакура»¹.

Отрядом «Симпу» будет командовать лейтенант Юкио Секи».

Тем временем капитан 2 ранга Тамаи и лейтенант Секи продолжали беседу. Они обсуждали мельчайшие детали операции, которая может начаться уже после наступления рассвета. Время было позднее, и, вспомнив об

---

¹ Сикисима — поэтическое название Японии; Ямато — древнее название Японии; Асахи — восходящее солнце; Ямадзакура — цветы горной вишни. *Прим. авт.*

этом, Тамаи предложил Секи пойти и поспать, хотя бы немного.

Когда Секи шел в свою комнату, он вспоминал овдовевшую мать и молодую жену. Секи женился всего несколько месяцев назад. Но капитан 2 ранга Тамаи не мог позволить себе копаться в личной жизни Секи. Перед ним стояла конкретная задача, и Тамаи требовались умение и решительность этого молодого воина.

ГЛАВА 2

Октябрь 1944 года

ПРОИСШЕСТВИЕ НАД МАНИЛОЙ

19 октября 1944 года — этот день я никогда не забуду. Утром я в качестве командира летного состава 201-й авиагруппы вместе с командиром флотилии капитаном 1 ранга Сакаэ Ямамото готовил дневные полеты. Это было хлопотное занятие. Командование приказало начать исполнение плана операции «СЁ». В соответствии с тактическими приказами 201-я флотилия должна была атаковать вражеские силы в заливе Лейте.

Едва рассвело, как командиру вручили телеграмму. Он прочитал ее и повернулся ко мне. «Накадзима, это от адмирала Ониси. Он приказывает нам прибыть к 13.00 в его штаб в Маниле!»

Мы успели понять одно: готовится нечто важное, как в этот момент прозвучал сигнал воздушной тревоги. Американские самолеты атаковали Мабалакат. Аэродром серьезно пострадал, и это надолго задержало наш отъезд. Мы отправились в Манилу на автомобиле только в 14.00.

Так как я был летчиком, то редко совершал долгие поездки на автомобиле. Я много раз пролетал над этим районом на самолете, но ни разу не ездил здесь на машине. Многие безлюдные участки дороги между Мабалака-

том и Манилой прекрасно подходили для партизанских засад, поэтому мы вздохнули с облегчением, когда в 16.30 въехали в город. А там нас ожидал новый сюрприз. Мы с удивлением узнали, что адмирал Ониси уже отправился в Мабалакат на автомобиле. Не подозревая об этом, мы разминулись с ним по дороге.

Судя по всему, адмирал имел важные причины, чтобы вызвать нас в Манилу, так как пока еще никто не отменял приказ атаковать на следующий день вражеские корабли в соответствии с планом «СЁ». Поэтому мы решили, что должны возвращаться назад в Мабалакат. Если бы мы отправились на машине, то ночь застала бы нас в дороге, и мы легко могли стать жертвами партизан. Поэтому я позвонил на соседний аэродром Николс и приказал подготовить истребитель. С разрешения капитана 1 ранга я намеревался перелететь на нем в Мабалакат.

Мы примчались на аэродром Николс и увидели «Зеро», стоящий перед ангаром. Механики копались в моторе, который работал с перебоями. Я приказал заменить свечи. Когда это было сделано, капитан 1 ранга Ямамото забрался в отсек позади кресла пилота. Я сел в кабину и запустил мотор. Он все еще чихал, однако ночь быстро приближалась, а до Мабалаката было всего-навсего 20 минут лёта. Поэтому я решил, что нам следует лететь, и поднял самолет в воздух, не размышляя о том, что происходит с мотором. С моей стороны было большой глупостью взлететь на самолете с неисправным мотором, и вскоре я был за это наказан.

Как только мы взлетели, я попытался убрать шасси, но обнаружил, что ручка управления шасси заклинена намертво. Капитан 1 ранга Ямамото перегнулся через мое плечо, и мы дернули ее вдвоем, но бесполезно. Нам пришлось лететь с выпущенным шасси. Это значительно снижало скорость, но мы ничего не могли поделать. Я сделал круг над аэродромом Николс и повернул на север. Альтиметр показывал 400 метров, когда мы начали пересекать Манильскую бухту, и тут я почувствовал запах бензина!

Пары бензина в кабине — зловещий признак. Они появляются, когда начинает течь бензопровод, и тогда в любое мгновение может вспыхнуть пожар. Не успел я подумать об этом и решить, что делать дальше, как мотор внезапно отказал. Я даже не успел удивиться. Я попытался поработать ручным насосом и лихорадочно защелкал всеми переключателями подряд. Я перепробовал буквально всё, но мотор упрямо молчал.

Мы не могли вернуться на аэродром Николс и не могли дотянуть до какого-либо другого аэродрома. Я стал прикидывать, куда же мне лучше садиться. Выбор был небольшой: либо в море, либо на рисовое поле. При убранном шасси безопаснее было садиться в Манильскую бухту, но колеса оставались выпущенными. Если мы сядем на воду, я, скорее всего, сумею выбраться из кабины. Но капитан 1 ранга Ямамото, находящийся в узком отсеке фюзеляжа, не имел никаких шансов покинуть самолет до того, как он затонет.

Как только мотор заглох, я круто повернул вправо и направился к земле. Я заметил дорогу, идущую по берегу Манильской бухты. Если я попытаюсь сесть на дорогу, и самолет занесет влево, мы упадем в море, и капитан 1 ранга Ямамото будет обречен. Поэтому я решил садиться на рисовое поле.

Мне приходилось тщательно следить за скоростью, чтобы самолет не сорвался в штопор. Одновременно я пытался выбить стопора кресла, чтобы Ямамото мог побыстрее выбраться из ловушки, если истребитель загорится после посадки. Я сумел выбить правую шпильку, но под моим весом левая оказалась зажатой намертво. Вероятно, это было к лучшему, потому что иначе кресло начало бы ездить по кабине, мешая мне управлять самолетом.

Мы быстро теряли высоту, хотя едва успели пролететь над окраинами Манилы. Я увидел внизу рисовое поле, и тут же со страшным треском самолет ударился о землю, подняв фонтаны мутной воды. Каким-то чудом мы не перевернулись и не загорелись. Стойки шасси

сломались в момент касания земли, и самолет 20 метров пахал грязь, прежде чем остановиться. Это была очень удачная посадка.

Я быстро выдернул оставшуюся шпильку, снял кресло и вытащил капитана 1 ранга Ямамото из самолета. При посадке он сломал себе левую лодыжку. Я сам отделался несколькими царапинами на физиономии. Мы добрались до ближайшей дороги и остановили армейский грузовик, который доставил нас обратно в штаб. Больше всего мы походили на пару мокрых и грязных крыс, вылезших из канализации.

В штабе мы, наконец, узнали, почему адмирал Ониси вызывал нас. Он предложил сформировать подразделение специальных атак. Когда Ямамото услышал об этом от начальника штаба Ониси капитана 1 ранга Тосихико Одавара, он немедленно позвонил адмиралу Ониси в Мабалакат, с сожалением сообщив о нашей вынужденной посадке. Ямамото добавил, что хотя и вынужден пока задержаться в Маниле, он полностью согласен с предложением адмирала и дает своему заместителю капитану 2 ранга Тамаи все полномочия по этому вопросу в Мабалакате.

Я вернулся в Мабалакат на автомобиле на следующее утро. На аэродроме мне сообщили, что 24 пилота отобраны в состав подразделения, которое уже получило название «Корпус специальных атак Симпу». Они были готовы вылететь в любой момент. Капитан 2 ранга Тамаи сообщил, что в качестве командира выбрал лейтенанта Секи. Все пилоты были добровольцами. Я был рад узнать, что создание специального подразделения прошло быстро и гладко.

ГЛАВА 3

Октябрь 1944 года

«РАДИ МИЛЛИОНОВ ВАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ»

В конце октября утром и вечером на центральном Лусоне довольно прохладно. Река Бамбан, которая протекает немного севернее Мабалаката, настолько прозрачна, что, стоя на берегу, можно видеть самые мелкие камешки на дне. Белые кисти степной травы, которыми заросли берега, раскачиваются на ветру и отражаются в воде. Чудесная картина, которая заставляла меня вспоминать Японию.

Мысли группы молодых мужчин, стоящих у подножия утеса на каменистом речном берегу, вероятно, тоже устремились к далекой родине, если только они были в состоянии восхищаться прекрасным пейзажем. Это были члены первого корпуса специальных атак под командованием лейтенанта Секи. Когда занялся рассвет 20 октября, они были уже готовы сесть в самолеты. Их лица светились, они обсуждали различные методы атаки вражеских авианосцев и меры предосторожности, которые при этом следует принять.

Начался завтрак, и они ели, не прекращая оживленно беседовать. Когда завтрак закончился, летчиков вызвали

в штаб, чтобы адмирал Ониси дал им первые и последние инструкции. 24 человека из звеньев «Сикисима», «Ямато», «Асахи», «Ямадзакура» построились, лейтенант Секи стоял на шаг впереди остальных. Адмирал Ониси печально посмотрел на собравшихся летчиков. Он был бледен, говорил медленно, будто слова давались ему с большим трудом.

«Япония находится в смертельной опасности. Спасение нашей страны теперь не по силам министрам, Генеральному штабу и нижестоящим командирам вроде меня. Только вы, молодые и сильные духом, можете спасти ее. Поэтому ради миллионов ваших соотечественников я прошу вас пойти на эти жертвы и молюсь за ваш успех».

Голос адмирала дрогнул, однако он продолжил:

«Вы уже боги без земных желаний. Но одну вещь вы хотите знать: не будет ли напрасным ваша самоубийственное пике? К сожалению, мы не сможем рассказать вам о результатах. Но я буду следить за вашими усилиями до конца и сообщу о ваших деяниях Трону. — У него на глаза навернулись слезы, и адмирал закончил: — Я прошу вас сделать все, что только можно».

Я никогда не слышал таких проникновенных слов. Адмирал совсем не желал возбудить гордость юнцов, льстя им. Япония действительно вручала свою судьбу в руки этих молодых пилотов, которые желали умереть ради спасения нации. Казалось почти невозможным сломить чудовищную мощь врага и изменить ход войны. Наше положение было практически безнадежным. Оставалась только надежда на чудо, которое совершат эти юноши.

После окончания инструктажа я увидел на лицах спокойствие и уверенность, которые присущи людям, осознавшим свою силу и значимость. Я следил за ними, и мне страстно хотелось забыть, что наша страна оказалась в отчаянном положении; забыть, что предстоит этим молодым людям; забыть о том, что адмирал Ониси и я сам к этому причастны.

Из дневника адмирала Тераоки

Что творилось в штабе воздушного флота во время этих лихорадочных приготовлений, прекрасно описано в дневнике адмирала Тераоки. Он записывал все, что происходило в штабах в Маниле после того, как он сдал командование 1-м Воздушным Флотом адмиралу Ониси.

«19 октября 1944 года. Началось выполнение плана «СЁ».

Время снова против нас. Имеется совсем немного самолетов. В этой операции мы вынуждены использовать самые эффективные методы боя. Настал час проверить предложенную адмиралом Ониси тактику таранных ударов. Выражались самые различные мнения:

«Обычная тактика неэффективна».

«Мы должны приложить сверхчеловеческие усилия, чтобы выиграть войну».

«О добровольцах, вызвавшихся совершить самоубийственные атаки, следует еще до вылета сообщать в Императорскую Ставку. Тогда они будут чувствовать себя увереннее».

«Следует ли нам непосредственно поговорить с молодыми пилотами или обратиться через их командиров?»

«Было бы лучше, если бы при подготовке новых операций командиры вносили свои предложения».

«Если первый отряд самоубийственных атак сформирован из легчиков-истребителей, в будущем другие подразделения последуют этому примеру. Если же в таких атаках будут участвовать все виды авиации, надводные силы начнут действовать так же. А если весь флот откликнется единодушно, армия последует нашему примеру».

После обмена мнениями мы пришли к выводу, что тактика самоубийственных атак — единственный путь к спасению нации. Было решено позволить новому командующему адмиралу Ониси формировать специальные отряды по своему усмотрению.

Адмирал Ониси вызвал командира 201-й авиагруппы, базирующейся в Мабалакате, капитана 1 ранга Ямамото и капитана 2 ранга Накадзиму в Манилу. Когда они не сумели прибыть в назначенное время, Ониси в 16.00 сам отправился на авиабазу Кларк, чтобы встретить их по дороге.

Однако капитан 1 ранга Ямамото прибыл в Манилу вскоре после 17.00. Заместитель Ямамото капитан 2 ранга Тамаи остался в Мабалакате, чтобы встретить адмирала Ониси и помочь ему подобрать добровольцев для самоубийственных атак.

Участвовать в первом вылете вызвались 24 человека, а отряд был назван корпусом специальных атак «Симпу». Он был разделен на 4 звена: «Сикисима», «Ямато», «Асахи», «Ямадзакура». Эти названия были взяты из поэмы Мотоори Норинаги, националистического писателя эпохи Токугава. *«Сикисима но Ямато-гокоро во хито товаба Асахи ни ниу Ямадзакура-бама»* (Японский дух подобен цветам горной вишни, сияет в утреннем солнце).

Адмирал Ониси был рад, что лейтенант Секи, окончивший Военно-морскую академию, добровольно вызвался возглавить корпус. Адмирал вернулся в Манилу с авиабазы Кларк вечером 20 октября. Он с энтузиазмом рассказывал о корпусе камикадзэ. «Летчики рвутся в бой, это отличная команда. Они просили разрешения разработать организационные детали самостоятельно, и я согласился».

Ониси принял у меня командование в 20.00. Я сердечно пожелал ему удачи в использовании новой тактики. Он пообещал приложить максимум усилий, чтобы добиться успеха».

Если после возвращения в Манилу из Мабалаката лицо адмирала Ониси выражало мрачную решимость, это было понятно. Ониси понимал, что его единственным шансом противостоять могучему флоту противника является использование беспрецедентной до сих пор тактики. Лишь она могла принести какой-то успех.

ГЛАВА 4

Май 1942 — октябрь 1944 года

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ МАРИАНСКИХ ОСТРОВОВ

Штаб 1-го Воздушного Флота располагался в двухэтажном здании недалеко от аэродрома Николс в пригороде Манилы. На первом этаже имелись два больших помещения, которые служили столовой и залом для совещаний, а также несколько маленьких комнаток, в которых располагались ординарцы. Наверху была ванная и пять довольно больших комнат, в которых жили командующий флотом и офицеры его штаба. Дворики перед штабом и позади него были маленькими, но в каждом было построено бомбоубежище на случай воздушных налетов.

Сам дом стоял на некотором отдалении от остальных зданий. Его владелец был человеком состоятельным, а множество книжных полок и подбор литературы позволяли предположить, что он считал себя интеллектуалом. Рядом с домом стояло здание, которое использовалось для игры в джай-алай, а к нему примыкали несколько спешно построенных бараков для рядовых. Один из этих бараков служил центром связи.

Мощеная дорога и волнолом отделяли эти здания от моря. Стоя на волноломе, я мог видеть на западе, на дру-

гом берегу Манильской бухты, антенные мачты и высокие печные трубы Кавите. Посреди входа в бухту виднелись очертания острова Коррехидор. Отделенные от Коррехидора узкой полоской воды горы Маривелес поднимались на южной оконечности полуострова Батаан.

На южной окраине города был виден большой отель «Манила». Это здание в европейском стиле, построенное на самом берегу, несколько дисгармонировало с окружающим пейзажем. Еще ближе, возле причала Легаспи, находился американский Армейский и морской клуб, где сейчас размещался штаб японского Флота Юго-западного района.

Когда солнце село и красный закат постепенно перешел в пурпурный, горы, острова, корабли, дома превратились в темно-серые силуэты. Глядя, как солнце скрывается за хребтом Маривелеса, четко обрисовав его вершины, я вспоминал события этого дня. Но мне невольно вспомнились и события недавнего прошлого, особенно резкое изменение обстоятельств, которое привело Японию на край пропасти.

Именно здесь, в Манильской бухте, только 50 лет назад американский коммодор Джордж Дьюи отдал знаменитый приказ, который теперь часто любят повторять: «Вы можете стрелять, когда будете готовы, Гридли!» Победа в сражении привела к захвату американцами Манилы и положила очередной камень в здание традиций американского флота, добавив ему решительности и отваги. Не так давно это место было местом первых сражений Тихоокеанской войны — японских воздушных налетов, ожесточенных боев на полуострове Батаан, штурма Коррехидора. Эти воды видели американские и испанские военные корабли, но теперь здесь стояли корабли японского Императорского Флота.

Эти горы безразлично смотрели на генерала МакАртура, который, потеряв надежду защитить Филиппины, поднялся на борт торпедного катера и бежал в Австралию.

Вскоре после этого японцы полностью оккупировали Филиппины, обширные районы Тихого океана: от Китая до Соломоновых островов, от Австралии до Аляски. В мае 1942 года в бою в Коралловом море японское наступление впервые было остановлено, а через месяц Япония потерпела первое сокрушительное поражение в бою при Мидуэе. Но эти осечки не помешали создать вокруг обширных захваченных районов прочный оборонительный периметр, который до февраля 1944 года не подвергался серьезным ударам противника. Лишь 8 месяцев назад американское наступление привело к тому, что противник захватил центральные Маршалловы острова.

После того как были потеряны Маршалловы острова, японское Верховное командование объявило о создании «непробиваемого» оборонительного периметра, который шел от островов Огасавара через Марианские и западные Каролинские острова к западной оконечности Новой Гвинеи. Было решено, что на этой линии армия и флот будут сражаться насмерть. Однако прошло еще 4 месяца, и центр этой оборонительной линии был прорван.

Наша морская авиация в начале Тихоокеанской войны захватила абсолютное господство в воздухе на всех театрах военных действий. Однако в середине 1943 года выяснилось, что наши истребители «Зеро» уступают новым американским машинам F6F, F4U и P-38. В результате наша авиация, испытывая нехватку пилотов и самолетов, довольно быстро была вынуждена сражаться при самых неблагоприятных условиях.

Мы не только не имели новой и более совершенной машины, чтобы заменить «Зеро», но даже устаревших «Зеро» не хватало, чтобы довести численность фронтовых эскадрилий до штатного состава. За постепенным отходом наших войск с Соломоновых островов последовала потеря Гилбертовых и Марианских островов и окончательный уход нашей авиации из Рабаула. Даже при поверхностном анализе становилось ясно, что все это было

результатом неспособности нашей авиации противостоять воздушным силам противника.

Вражеское вторжение на Марианские острова в июне 1944 года привело к тому, что японцы начали исполнение плана «А-ГО». Это была отчаянная попытка любой ценой воспрепятствовать прорыву оборонительного периметра. Базовые самолеты 1-го Воздушного Флота вице-адмирала Какудзи Какуты и Мобильное Соединение вице-адмирала Одзавы дали бой вражескому флоту. Но долгожданное сражение закончилось тем, что наши силы были уничтожены. В ходе двухдневного боя в Филиппинском море 19 и 20 июня Япония потеряла 3 авианосца и более 400 самолетов и пилотов. После его окончания выяснилось, что буквально все наши авиационные подразделения понесли тяжелейшие потери.

Чтобы выправить ситуацию, сложившуюся после провала операции «А-ГО», наши морские силы на Филиппинах были реорганизованы. Во время сражения в Филиппинском море 1-й Воздушный Флот, главные силы базовой авиации флота, потерял половину самолетов и весь наземный персонал, находившийся на Тиниане и Гуаме. В конце июля его остатки были переформированы, но тут было принято решение перебазировать его на Филиппины. Командующий 1-м Воздушным Флотом, который ранее подчинялся командующему Объединенным флотом, теперь был подчинен Флоту Юго-западного района.

Командующему 1-м Воздушным Флотом вице-адмиралу Кимпею Тераоке было приказано как можно быстрее превратить учебные аэродромы Филиппин во фронтовые авиабазы, однако возникло слишком много сложностей, чтобы эту задачу можно было решить в поставленные сроки. Особенно много проблем появилось на базах центральных и северных Филиппин.

Чтобы улучшить эффективность операций и упростить вопросы подготовки и снабжения, было решено отказаться от системы мелких подразделений и перейти к

крупным соединениям, сформированным из самолетов одного типа. Так, все истребители были сведены в 201-ю авиагруппу, все бомбардировщики — в 761-ю, все ночные истребители и разведчики — в 153-ю.

Когда в начале августа адмирал Тераока прибыл на Филиппины, 1-й Воздушный Флот имел 257 истребителей и бомбардировщиков и 25 транспортных самолетов. Под его командование были переданы около 18 армейских разведчиков, поэтому в целом флот имел около 300 самолетов. Однако из-за плохих условий базирования и слабости ремонтных мастерских флот имел слишком мало исправных самолетов, поэтому даже задачу ПВО пришлось возложить на армейскую авиацию.

В последующие месяцы продолжалось наращивание сил морской авиации на Филиппинах, и вскоре адмирал Тераока имел около 500 самолетов, из которых 280 могли принять участие в боях. Однако количество исправных самолетов сократилось вдвое после рейда американских авианосцев, когда мощным бомбардировкам подверглись Давао (9—10 сентября), Себу, Легаспи и Таклобан (12—14 сентября). Американские налеты на аэродромы в районе Манилы 21—22 сентября привели к еще более тяжелым потерям. К концу месяца у адмирала Тераоки осталось не более 100 исправных самолетов.

Одним из самых слабых наших мест было строительство авиабаз. Беспорядок, который воцарился после реорганизации 1-го Воздушного Флота, изменение принципов использования береговых аэродромов флота, затянувшиеся переговоры с армией об использовании ее аэродромов и трудности с доставкой снабжения на Филиппины внесли свой вклад в снижение боеспособности нашей авиации. У флота было слишком мало самолетов, а их число еще более сокращалось вследствие отвратительных условий базирования.

В конце августа самые лучшие авиабазы флота находились в Давао и Себу. Однако в начале сентября вражеские воздушные налеты, которые проводили бомбар-

дировщики В-24 и истребители Р-38 с острова Моротай, сделали невозможным постоянное базирование нашей авиации в районе Давао. Поблизости не было никаких аэродромов, куда можно было бы перевести самолеты, поэтому флот был вынужден использовать часть своих самолетов для отражения атак американской авианосной авиации, пока другие самолеты переводились на тыловые базы.

В середине сентября было принято решение ускорить приведение в порядок авиабазы Кларк, и туда было перевезено большое количество различных материалов. Но времени уже не оставалось, и когда в конце октября на Филиппины был переброшен 2-й Воздушный Флот, база по-прежнему находилась в неудовлетворительном состоянии. Именно по этой причине наша базовая авиация действовала так вяло и неэффективно во время битвы в заливе Лейте.

Еще в конце 1943 и начале 1944 года, когда флот держал свою авиацию в Рабауле, некоторые пилоты, обеспокоенные слабостью наших сил, начали рассматривать возможности самоубийственных пике. Одним из них был энсайн Ота, который позднее предложил идею человекоуправляемого снаряда «Ока».

Ничто так не подрывает моральный дух солдат, как осознание превосходства сил противника. После сражения в Филиппинском море в июне 1944 года слабость нашей морской авиации стала ясна всем. Капитан 1 ранга Этиро Дзё, который тогда командовал легким авианосцем «Тиёда» в составе 3-й дивизии авианосцев, позже проанализировал наши боевые возможности и сравнил их с возможностями противника. В результате он был вынужден написать:

«Мы больше не можем надеяться топить численно превосходящие нас вражеские авианосцы, используя обычные методы атак. Я настаиваю на немедленной организации подразделений специальных атак, которые бу-

дут использовать тактику таранных ударов, и я прошу назначить меня их командиром».

Капитан 1 ранга Дзё, который служил морским атташе в Вашингтоне и морским адъютантом императора, остался командиром авианосца «Тиёда». На этом корабле, который входил в состав соединения Одзавы, он участвовал в битве за Лейте. 25 октября 1944 года, когда первый камикадзе врезался в американский корабль, «Тиёда» был атакован и потоплен американскими авианосными самолетами. Капитан 1 ранга Дзё погиб вместе со своим кораблем. Однако его идеи были подхвачены другим офицером, который обладал не менее яркими способностями.

Летом 1944 года вице-адмирал Такидзиро Ониси занимал пост начальника отдела общих вопросов в авиационном департаменте министерства вооружений. Находясь на этой должности, он прекрасно видел слабость нашей авиационной промышленности по сравнению с вражеской и понимал, что перспективы будут еще хуже. Ониси внимательно изучал все предложения, поступающие из боевых подразделений, так как пытался найти выход из стремительно ухудшающейся ситуации. Он хотел найти правильный способ применения морской авиации в таких условиях.

В начале войны Ониси в качестве начальника штаба базовой авиации флота занимался проведением воздушных операций на Филиппинах и в Малайе. Поэтому, на основании личного опыта, адмирал теперь четко осознавал, что с помощью обычной тактики Япония не имеет ни малейших шансов остановить американцев, не говоря уже о том, чтобы разгромить их. Именно поэтому он вспомнил предложения капитана 1 ранга Дзё.

17 октября 1944 года, в тот день, когда адмирал Ониси прибыл в Манилу, чтобы занять новую должность, американские авангарды высадились на острове Сулуан у входа в залив Лейте. Возглавляло вторжение огромное авианосное соединение, которое пронеслось по Филиппинам,

словно сокрушительный тайфун. За ним следовала не менее многочисленная десантная армада, которая намеревалась отбить Филиппины. Этот роковой день 17 октября стал началом нового и еще более опасного кризиса в военной ситуации. Япония оказалась в гораздо более опасном положении, чем в начале 1944 года.

Я внезапно увидел, что сумерки сгустились, и наступила настоящая ночь. Мои мысли вернулись от славных дней прошлого к печальной реальности настоящего. Я с тяжелым сердцем повернулся и пошел в штаб, чтобы заняться текущими делами.

ГЛАВА 5

Август 1944 — октябрь 1944 года

ПОДЪЕМ ДУХА КАМИКАДЗЭ

Так как я занимал пост начальника летного состава 201-й авиагруппы, я знал лучше, чем кто-либо другой, что Божественный Ветер еще не задул в полную силу. Кризис должен был наступить, когда беспримерная отвага наших пилотов столкнется с колоссальным численным превосходством противника. И я прекрасно знал, что негибаемый дух наших летчиков и их самоотверженность уже были доказаны не один раз, задолго до начала формирования частей камикадзэ.

Например, 21 сентября, месяц назад, когда сотни вражеских самолетов бомбили и обстреливали Манилу целый день, 45 истребителей 25-й воздушной флотилии контр-адмирала Масафуми Аримы, которая базировалась на аэродроме Николс, атаковали их и сбили 27 самолетов, потеряв при этом 20 своих истребителей. На следующее утро лейтенант Усабуро Судзуки повел 15 истребителей 201-й авиагруппы в атаку против гигантского американского авианосного соединения. Наши самолеты добились 5 прямых попаданий и сбили 3 истребителя «Хеллкэт», потеряв 5 своих самолетов.

Но еще задолго до этого, примерно в середине лета, японские пилоты доказали свой высокий моральный дух

другим образом. Тогда мы отрабатывали технику бомбометания с рикошетированием с истребителей.

В августе 1944 года было решено, что 201-я авиагруппа (истребители) будет действовать вместе с 761-й авиагруппой (бомбардировщики). 761-я авиагруппа имела 16 бомбардировщиков «Бетти» и 35 бомбардировщиков «Джилл», однако исправными были менее половины из них. Большинство пилотов были зелеными новичками. Предполагалось, что наши истребители будут сопровождать бомбардировщики к цели. Однако истребительная эскадрилья, которая будет использоваться только для перехвата вражеских самолетов и сопровождения своих бомбардировщиков, неизбежно снизит эффективность своих действий, каким бы высоким ни был дух пилотов. К тому же, мы имели слишком мало бомбардировщиков, чтобы эффективно атаковать мощные американские эскадры. Чтобы добиться результатов и поднять дух пилотов, требовалось наносить противнику ощутимые удары. Именно поэтому было принято решение использовать истребители для атак вражеских кораблей.

Наши маленькие истребители «Зеро» просто не могли поднять большой вес торпеды, поэтому вопрос о таком вооружении даже не рассматривался. Однако при минимальных переделках они могли нести 250-кг бомбу. Расчеты и эксперименты показали, что это оружие будет наиболее действенным, если бомбометание производить с рикошетированием.

Здесь сразу возникло множество проблем, одной из которых стал выбор пилотов для таких атак. Практически все летчики-истребители вызвались добровольцами, но командиры совсем не желали рисковать своими лучшими пилотами в атаках, где шансы выжить были минимальными. Лучшие пилоты, которые имели максимальные шансы выжить, требовались прежде всего для сопровождения наших бомбардировщиков и перехвата вражеских.

При бомбометании с рикошетированием самолет летит над самой водой на максимальной скорости. При-

близившись к кораблю на расстояние от 200 до 300 ярдов, он сбрасывает бомбу. Если прицел будет взят верно, бомба отскочит от воды и врежется в борт цели подобно торпедо. Однако сказать это гораздо легче, чем сделать. Прежде всего укажем, что высота, на которую подскочит бомба, рикошетируя от воды, зависит от высоты, с которой она была сброшена. Поэтому сбрасывать бомбу следует с высоты палубы корабля, что исключительно трудно. При полете над водой на большой скорости почти невозможно точно удержать высоту, особенно если море достаточно спокойное. Один из способов сбросить бомбу с правильной высоты заключается в том, чтобы держать палубу корабля и линию горизонта на одной прямой во время захода на цель. Но дым выстрелов или волны могут помешать пилоту точно держать горизонт, поэтому прицеливание будет сделано, скорее всего, наугад.

Другой сложной задачей является безопасный уход самолета после сброса бомбы. Если истребитель продолжает лететь прямо к цели, бомба, отскочив от воды, может ударить по самолету, либо самолет будет поврежден, когда бомба взорвется, попав в цель. Поэтому пилот после того, как сбросит бомбы, должен изменить курс, выполнив акробатический маневр. Ошибка на долю секунды может привести к гибели самолета и летчика. Пилоты истребителей, привыкшие стремительно думать и выполнять маневры за доли секунды, справлялись с этим достаточно легко.

Для учений по бомбометанию с рикошетированием был выбран пролив Бохол возле базы в Себу. Чтобы сбросить тяжелые бомбы, во время тренировок использовались мелкие, весом от 30 до 60 кг. Сначала всё шло вкривь и вкось, но пилоты упорно тренировались, они повышали свое мастерство и вскоре перешли от неподвижных целей к движущимся. Хотя был достигнут заметный прогресс, неожиданно вся программа подготовки была свернута после внезапного и опустошительного налета американцев на Давао в сентябре, когда была уничтожена

половина 201-й авиагруппы. Так как уцелели всего несколько самолетов, лишь атаки камикадзе могли принести хоть какой-то успех. Разочарование пилотов, которые готовились к бомбометанию с рикошетированием ясно показывает, каким высоким был моральный дух наших летчиков. Лишь он делал возможными самоубийственные тараны.

Было много отдельных примеров высочайшего морального духа наших пилотов и их верности долгу. Поэтому можно сказать, что действия уоррент-офицера Накагавы над Давао, лейтенанта Канно над Япом и в других местах, адмирала Аримы на Лусоне были совершенно типичными.

В течение всего августа эскадрилья ночных истребителей «Ирвинг» лейтенанта Тадаси Минобэ, базировавшаяся в Давао, никак не могла добиться успеха во время ночных налетов на этот город вражеских бомбардировщиков В-24. Нельзя было обвинять неопытных пилотов истребителей в том, что они не могли сбить тяжелый бомбардировщик, который всегда был очень сложной целью. Но уоррент-офицер Ёсимаса Накагава и его наблюдатель старший уоррент-офицер Исаму Осуми дали новый пример исключительной отваги, когда 5 сентября сбили В-24, протаранив его. Вражеский налет начался через час после полуночи. Самолет Накагавы взлетел, чтобы встретить атакующих, и приблизился к одному из бомбардировщиков, когда внезапно пушку истребителя заклинило. Бомбардировщик мог благополучно улизнуть, и тогда Накагава крикнул: «Я намерен протаранить его!» Он направил свой самолет прямо в левый борт бомбардировщика.

Осуми без колебаний ответил: «Врежь ему!» И тут же пропеллер «Ирвинга» вспорол фюзеляж бомбардировщика. Большой американский самолет немедленно закувыркался вниз, а маленький японский истребитель каким-то чудом продолжал лететь, хотя его фонарь был разбит. Накагаве порезало правый глаз осколками стекла, сильный воздушный поток вынуждал его пригибаться на своем

сиденьи, однако он все-таки сумел сохранить управление. Их жертва едва не выровнялась, и Осуми крикнул Накагаве, что нужно атаковать ее еще раз. Однако когда «Ирвинг» начал пикировать, американский бомбардировщик клюнул носом и рухнул в воду южнее острова Самар. Накагава сумел довести свой потрепанный самолет до аэродрома и благополучно посадить его. Это был исключительный пример живучести истребителя, который совершил удачную таранную атаку.

Накагава и Осуми прямо из летной школы прибыли в эскадрилью лейтенанта Минобэ, которая была известна агрессивными действиями своих пилотов. Однако вне всяких сомнений самым колоритным из летчиков, служивших на Филиппинах, был лейтенант Наоши Канно. Его летное мастерство было признано всеми, еще когда он был курсантом, а его первые боевые достижения были просто великолепными. Однако по-настоящему его слава расцвела летом 1944 года, когда он воевал на Япе. Здесь он встретился в бою с американскими тяжелыми бомбардировщиками В-24 и после нескольких безуспешных попыток сбить этот огромный самолет огнем пушек и пулеметов Канно решил таранить его. Канно прекрасно понимал, что обычный таран в результате лобовой атаки будет роковым для его истребителя, а потому намеревался уничтожить бомбардировщик, срубив ему пропеллером хвостовое оперение. Он знал, что если заходить сзади, то шансы уцелеть под огнем многочисленных пулеметов бомбардировщика будут минимальными. Его истребитель собьют раньше, чем он получит шанс таранить противника. Поэтому Канно решил нанести удар по хвостовому оперению с лобовой атаки. Это был исключительно трудный маневр. Следовало провести истребитель мимо пропеллеров бомбардировщика, но в то же время пролететь достаточно близко, чтобы срубить его хвост.

Первый и второй заходы оказались неудачными, однако оба раза Канно сумел избежать смертоносного пуле-

метного огня В-24. Во время третьего захода он пролетел еще ближе, буквально прижавшись к огромному фюзеляжу бомбардировщика. И пропеллер истребителя со страшным треском срубил киль бомбардировщика. Удар был таким сильным, что Канно на мгновение потерял сознание. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что истребитель вошел в крутой штопор, а его самого буквально вжало в угол кабины. Полуоглушенный пилот действовал автоматически. Он толкнул вперед ручку управления и медленно нажал на педаль. Истребитель вышел из штопора и перешел в горизонтальный полет. Канно увидел, как В-24 упал в море, а потом сумел посадить тяжело поврежденный истребитель на Япе.

В конце августа Канно оказался на Филиппинах в составе 201-й авиагруппы и добровольно вызвался пройти обучение бомбометанию с рикошетированием. В качестве командира летного состава я мог выбирать из многих кандидатур. Канно был слишком ценен как летчик-истребитель, чтобы использовать его в другом качестве, поэтому лишь с огромной неохотой я уступил его настоятельным просьбам и разрешил обучиться этому опасному занятию. Он был в восторге от представившейся возможности и был очень огорчен, когда эти слишком рискованные атаки были отменены.

Японские пилоты на Филиппинах привыкли обходиться минимумом вещей. Жаркий тропический климат извещал от необходимости носить лишнюю одежду, а частые перебазирования с одного аэродрома на другой просто не позволяли таскать за собой лишнее. Смена белья и пара полотенец, летные карты, карандаши, несколько личных мелочей и дневник — вот и все, что им требовалось. Всё это помещалось в небольшом чемодане. Каждый пилот имел такой чемодан, на котором была написана его фамилия. Надпись на чемодане Канно была несколько необычной. Она гласила: «Личные вещи покойного капитан-лейтенанта Наоси Канно». В традициях японских вооруженных сил было присваивать погибшим в бою

офицерам следующее воинское звание¹. Отметим, что Канно написал это еще до того, как начались операции камикадзе.

Ближе к концу сентября 201-я авиагруппа узнала, что из Японии вскоре придут новые истребители «Зеро», которые должны восполнить наши многочисленные потери. Мы должны были отправить пилотов в Японию, чтобы принять эти самолеты на заводе. Мы могли без всяких проблем найти для этого достаточное количество рядовых, так как они рвались побывать дома, хотя бы пару дней, после того как прослужили за морем так долго. Но выбрать офицера, который будет командовать группой, было совсем нелегко. Мы решили послать того офицера, который дольше остальных прослужил вдали от дома. Им оказался Канно.

Против всех ожиданий, Канно это решение совсем не понравилось, и он сразу высказал свое неудовольствие. «Вскоре на этих островах начнутся решающие бои. Если я отправлюсь домой, то могу пропустить их. Пожалуйста, найдите кого-нибудь другого». Его слова прозвучали совершенно искренне, и то, что это сказал «покойный капитан-лейтенант Канно», нас совершенно не удивило. Но мы должны были проявить твердость. Действительно, тот, кому предстояло сейчас лететь в Японию, мог пропустить надвигающуюся битву. Однако командир выбрал Канно и отдал прямой приказ, поэтому тот неохотно подчинился. Вскоре после того, как наши летчики прибыли в Японию, противник высадился на Лейте.

Канно тут же отправил телеграмму в наш штаб в Мабалакате, требуя разрешения на немедленное возвращение. Мы ответили, что он должен возвращаться, согласно приказу, с новыми самолетами. Но завод, как обычно, не успел закончить работу в срок, поэтому Канно вернулся

---

¹ Весьма своеобразный юмор, понять который европейцу не дано.
Прим. пер.

на Филиппины только в конце октября, после того, как завершилось формирование частей камикадзэ.

Когда мы в Мабалакате узнали, что он отправился в обратный путь, кто-то из офицеров сказал: «Когда он окажется здесь, готов спорить, он скажет: «Эта проклятая операция началась именно тогда, когда я предсказывал». Когда звено новых истребителей Канно прилетело в Мабалакат, он, вероятно, удивился, почему его слова были встречены дружным смехом. Выбравшись из кабины, Канно первым делом произнес: «Эта проклятая операция началась именно тогда, когда я предсказывал».

Вот таким был лейтенант Канно, о котором подумал Тамаи, когда ему пришлось выбирать командира после первого предложения начать специальные атаки. Я знал, что если бы Канно остался на Филиппинах, он потребовал бы, чтобы его назначили командиром первого отряда самоубийц. Поэтому я совершенно не удивился, когда после возвращения из Японии он отыскал меня и крайне недовольно сказал: «Капитан 2 ранга Накадзима, я хотел бы получить назначение на место Секи!»

Я ответил: «Будьте разумны, Канно. У вас еще будет достаточно возможностей. Кто будет первым, а кто вторым, не имеет значения. В прошлом вы никогда не искали славы. Почему сейчас вы заговорили об этом?»

Он ответил: «Все, что вы говорите, верно. Но я все равно хотел бы стать первым камикадзэ».

Он продолжал требовать, пылко и настойчиво, официально и приватно, чтобы его включили в подразделение самоубийц. Но все его аргументы и требования неизменно отвергались. Летчики его класса были слишком нужны для сопровождения камикадзэ и перехвата вражеских самолетов, чтобы использовать их иначе¹.

---

¹ В конце концов лейтенант Канно был переведен в 3430-ю авиагруппу, которая защищала Японские острова. В июне 1945 года, во время боев за Окинаву, он был сбит возле Якусимы на юге Кюсю, заслужив всеобщее уважение своей отвагой. *Прим. авт.*

Вклад адмирала Аримы был не менее значителен, тем более что он совершил свой знаменитый поступок за неделю до того, как адмирал Ониси организовал первое подразделение камикадзэ.

Арима командовал 26-й воздушной флотилией в Маниле и был прямо-таки живым воплощением отличного командира. Внимательный и скрупулезный, дотошный и методичный, он всегда ходил в полной форме, даже под палящим солнцем тропиков. Невысокий и худощавый Арима всегда говорил тихо и вежливо. Он происходил из семьи последователей Конфуция, которая несколько веков служила феодальным владыкам Кагосимы, находящейся на юге острова Кюсю. В редкие моменты отдыха он перечитывал потрепанную книжку, которая давным-давно потеряла обложку. Когда кто-то спрашивал его, что это за книга, Арима усмехался и отвечал: «Эта книга моего дедушки по военной тактике». Адмирал всегда вел себя спокойно и сдержанно, поэтому никто не мог предположить, что он способен на отчаянный поступок.

Штаб 26-й воздушной флотилии в Маниле располагался в здании, выстроенном на западный манер, и у адмирала Аримы там имелась удобная квартира. Однако он предпочитал жить в крошечной хижине рядом со своим командным пунктом на аэродроме Николс. В хижине помещалась только раскладушка. Когда на аэродроме наступало затишье, офицеры часто предлагали ему отдохнуть или отправиться перекусить, но адмирал неизменно отвечал: «Здесь воздух лучше. Я полагаю, это самое здоровое место».

Впервые американские авианосные самолеты атаковали Манилу 21 сентября. Из-за неполадок наших радаров, неуверенных действий наблюдателей и плохой системы связи атака застигла авиабазу Николс врасплох. Адмирал Арима находился прямо на летном поле, руководя взлетом истребителей под градом американских бомб и шквалом пуль. Он отказывался покинуть открытый командный пункт почти до конца атаки. Когда один из мо-

лодых офицеров встал рядом с адмиралом в качестве живого щита, тот сдался. Потом Арима ядовито сказал: «Мне пришлось уйти в убежище, потому что энсайн Канамару, судя по всему, решил умереть вместо меня».

Сентябрьские налеты вражеской авиации оказались только прелюдией к новым более мощным ударам. В середине октября Верховное командование заявило: «Благополучие нашей родины зависит от грядущей битвы, и каждый должен сделать все, что только может».

Что это означало? Пилот на своем самолете бросается в бой с врагом и делает все, что только может. Но что должен сделать адмирал, который командует битвой? Тактическими операциями руководят командиры эскадрилий, которые также делают все, что только могут. Каким же образом командир воздушной флотилии может сделать всё?!

Адмирал Арима нашел ответ на этот вопрос в своем сердце. 15 октября к востоку от Лусона было замечено американское оперативное соединение. Было принято решение атаковать его всеми имеющимися самолетами, как армейскими, так и флотскими. Когда самолеты 26-й флотилии были подготовлены к вылету с аэродрома Николс, адмирал Арима неожиданно заявил, что лично поведет их. Пока адъютанты и штабные офицеры пытались переубедить его, адмирал сорвал свои петлицы и занял место в головном самолете второй волны, которая состояла из 13 бомбардировщиков «Бетти», 16 «Зеро» и 70 армейских истребителей. В 15.54 Арима заметил вражеские корабли на расстоянии 240 миль по пеленгу 65° от Манилы и сразу приказал всем самолетам атаковать. Его собственный самолет нанес удар первым, протаранив вражеский авианосец¹.

---

¹ В этот день авианосец «Франклин» был поврежден японским горизонтальным бомбардировщиком. Зенитные орудия корабля сбили один из атакующих самолетов, который упал в 100 футах от борта авианосца. Кусок крыла забросило на полетную палубу авианосца. Намерения пилота так и остались неизвестными. *Прим. авт.*

Война быстро приближалась к неизбежному и катастрофическому концу. Командирам теперь приходилось сражаться, проявляя сверхчеловеческую отвагу. Вероятно, именно об этом думал адмирал Арима, когда отправлялся в полет, из которого не было возврата.

Так осенью 1944 года ярко проявилась непривычная для Запада японская мораль, или дух камикадзе, называйте это как хотите. Свое предельное воплощение она нашла в атаках камикадзе, кульминации, столь же ужасной, как и обстоятельства, ее породившие.

ГЛАВА 6

Октябрь 1944 года

СЕБУ

Прибывает звено «Ямато»

После моего возвращения в Мабалакат из Манилы утром 20 октября капитан 2 ранга Тамаи немедленно ввел меня в курс дел по организации нового корпуса специальных атак. Он сообщил: «Накадзима, звено «Ямато» отправляется в Себу сегодня во второй половине дня. Вы будете сопровождать его вместе с 3 другими самолетами. В Себу вы должны сформировать еще одно звено специальных атак».

К вечеру я уже был примерно в 400 милях к югу и летел во главе отряда из 8 истребителей «Зеро». Мы пересекли горы, которые окаймляют восточный берег острова Себу, и уже готовились садиться на авиабазу флота, которая располагалась чуть севернее города Себу. Поскольку я был командиром летного состава 201-й авиагруппы, именно меня выбрали, чтобы привести эти самолеты в Себу. Наша миссия была настолько секретной, что три пилота, летевшие с нами, даже не подозревали, что сопровождают звено «Ямато» из только что сформированного корпуса специальных атак.

Механики сразу забежали, приводя в порядок наши приземлившиеся самолеты, как только те закончили пробежку. Снимая парашют, я сразу приказал немедленно собрать весь личный состав авиабазы и радировать в Мабалакат, что мы благополучно добрались до места.

Посадка 8 «Зеро» заинтересовала всех на авиабазе. Люди понимали, что готовится нечто необычное, а потому приказ о построении был выполнен без малейшей задержки. Все рядовые и офицеры собрались возле командного пункта. Чтобы говорить с ними, я поднялся на импровизированную трибуну из деревянных ящиков. Собравшиеся уже знали о высадке противника на острове Лейте, который от Себу отделяло только узкое море Камотес, поэтому они предполагали, что я сообщу нечто, связанное с этой высадкой. Они также понимали, что наше внезапное прибытие предвещает что-то особенно важное, и в их глазах я видел сдерживаемое нетерпение. Видя их настроение, я начал нервничать еще больше, и мне пришлось приложить все силы, чтобы мой голос звучал спокойно.

Я начал: «Военное положение стало исключительно тяжелым. Если противник сумеет создать авиабазы на острове Лейте, радиус действия бомбардировщиков В-24 позволит им пересекать Китайское море и летать над материком. Это поставит под угрозу доставку нефти в Японию с юга. Без топлива наши корабли будут прикованы к месту и не смогут сражаться.

Началась операция «СЁ», и все наши корабли направляются к заливу Лейте, чтобы уничтожить вражеские десантные силы. Однако эти силы в районе Филиппин очень велики, и наш флот будет сражаться при полном превосходстве противника. Если американские авианосные самолеты атакуют наши соединения по пути к Лейте, то даже 460-мм орудия наших огромных линкоров «Ямато» и «Мусаси» умолкнут, так и не появившись в районе битвы.

Чтобы операция «СЁ» имела хоть какие-то шансы на успех, пилоты японского флота должны вывести из строя американские авианосцы. Но японская авиация на Фи-

липпинах понесла слишком большие потери, чтобы дальше сражаться с противником, используя ортодоксальные методы атак. Настал момент использовать тактику таранов. Вчера ночью в Мабалакате адмирал Ониси утвердил применение этой тактики, и там был создан корпус специальных атак «Симпу» (камикадзэ). Четыре звена этого корпуса — «Сикисима», «Ямато», «Асахи», «Ямадзакура» — будут действовать из Мабалаката. Со мной прилетели 4 самолета, которые составляют звено «Ямато».

Я прибыл в Себу, чтобы организовать здесь еще одно подразделение специальных атак. Любой унтер-офицер или рядовой летчик, который желает стать добровольцем, должен просто подписать чистый лист бумаги. Каждый листок будет вложен в конверт, и конверты будут доставлены мне сегодня в 21.00.

Однако я не ожидаю, что все вы станете добровольцами. Мы знаем, что все вы хотите умереть, защищая свою страну. Мы также понимаем, что некоторые из вас из-за семейной ситуации не могут предложить свою жизнь таким образом. Вы должны также иметь в виду, что количество требуемых добровольцев ограничено небольшим количеством исправных самолетов. Кто из вас станет добровольцем, а кто нет — будет известно только мне. Я прошу каждого человека в течение 3 часов принять решение, приняв во внимание только свою личную ситуацию. Специальные атаки начнутся завтра утром. Так как секретности этих операций придается исключительное значение, не может быть никаких разговоров о них».

Люди выслушали меня, не говоря ни слова, никто даже не шелухнулся. Когда я кончил говорить, уже наступили сумерки, и кокосовые пальмы на соседнем острове Мактан превратились в черные силуэты.

Добровольцы на смерть

Штаб авиабазы в Себу располагался в небольшом красивом домике в западном стиле, расположенном на скло-

не невысокого холма. Двухэтажное здание и большой сад рядом с ним до войны принадлежали американскому кинопродюсеру. Помещение оперативного отдела располагалось на втором этаже и по совместительству служило мне спальней. Единственными предметами обстановки были большой стол посреди комнаты и железная кровать в углу.

Покинув аэродром, я сидел один, когда внезапно услышал шаги на лестнице. Затем раздался стук в дверь, и вошел лейтенант Ёсиясу Куно, который пилотировал один из истребителей сопровождения, сопровождавших меня из Мабалаката. Его лицо подергивалось от плохо сдерживаемых чувств.

Я спросил: «Что я могу сделать для вас?»

«Я хочу верить, что вы не исключите меня из корпуса специальных атак», — заявил он, стараясь говорить как можно спокойнее. Но его показное спокойствие плохо соответствовало огню, полыхающему в глазах.

Прошлой ночью в Мабалакате, когда формировался первый отряд камикадзе, Куно мирно спал, поэтому не удивительно, что он не узнал об этом событии. Так как отряд создавался в обстановке секретности, об этом знали только офицеры штаба, которые лично сообщали об этом летчикам, которых считали возможными добровольцами.

Я прекрасно знал Куно как скромного и сдержанного человека, но полного сдерживаемого огня. Если бы я в то время находился в Мабалакате, он был бы одним из первых, кому я сделал бы предложение. Хотя организация подразделений специальных атак хранилась в тайне, нарастающее напряжение в то утро было видно в Мабалакате буквально всем. Куно почувствовал, что в воздухе носится нечто необычное, и заинтересовался: «Происходит что-то странное, господин капитан 2 ранга. Что готовится?»

Но к этому времени комплектование корпуса завершилось, и потому я не мог сказать ему ничего. Однако здесь, в Себу, завеса секретности рухнула, и я знал, что Куно будет среди первых добровольцев. Так и произошло.

Я внимательно посмотрел ему прямо в глаза и медленно ответил: «Один из 8 «Зеро», которые мы пригнали сюда из Мабалаката, зарезервирован для **вашей** специальной атаки». (Я думал именно о Куно, когда в Мабалакате приказал оснастить свой «Зеро» подвеской для 250-кг бомбы.) Он широко улыбнулся, козырнул и вышел.

Прибежал ординарец, чтобы сообщить, что в офицерской столовой, расположенной на первом этаже, подан ужин. Время ужина на каждой базе обычно считается временем отдыха. После еды офицеры могут читать, играть в шахматы и шашки или просто сидеть вокруг большого стола и беседовать. В углу холла стояло старое пианино. Лейтенант Куно, оказавшийся неплохим пианистом, часто играл различные пьесы, которых я даже не знал.

Но в этот вечер он играл просто вдохновенно. Музыка была бодрой, но в то же время полной странной внутренней меланхолии. Один из офицеров, сидевших за столом, внезапно прекратил есть и громко всхлипнул.

Глубоко задумавшись, я пошел в свою комнату.

Вскоре я погрузился в глубокие размышления о том, какую тактику специальных атак следует предложить завтра. Благодатная ночная тишина помогала спокойно думать. Лишь где-то вдали еле слышался рокот прогреваемых моторов. Механики работали и днем, и ночью.

Внезапно идиллию нарушил звук шагов. В комнату неожиданно ворвался энсэйн Тисато Кунибара из разведывательного звена. Он заговорил почти враждебно, было видно, что он старается смирить свой гнев. «Вы пригласили рядовых летчиков добровольно участвовать в специальных атаках, но при этом не упомянули об офицерах. А как же мы?»

Я усмехнулся и спросил: «Почему? Что же намерены делать офицеры?»

«Мы желаем вступить в этот корпус!» — рявкнул он.

«А тогда почему я должен спрашивать у вас, не желаете ли вы стать добровольцами?»

Гневная гримаса Кунибары плавно перешла в довольную улыбку. Он козырнул мне со словами: «Благодарю, господин капитан 2 ранга!» и выскочил из комнаты.

Когда Кунибара ушел, я снова повернулся к карте, расстеленной на столе передо мной. Часы показывали уже 21.00, именно сейчас должны были принести письменные заявления. Я услышал, что кто-то идет, стараясь шагать как можно тише, чтобы не разбудить спящих в соседних комнатах офицеров. В комнату вошел унтер-офицер со стопкой конвертов. Он козырнул, положил передо мной роковую пачку и вышел так же тихо, как появился.

Несколько секунд я глядел на конверты, не решаясь открыть их. Я не убеждал рядовых стать добровольцами и оставил за ними полное право решать свою судьбу. Я даже не считал возможным обвинять тех, кто не вызовется добровольно. А что, если все они отказались?

Эта мысль была просто ужасна, однако у меня не было времени предаваться переживаниям. Я взял со стола ножицы и приступил к неприятной работе. Из 20 конвертов лишь в двух оказались чистые листки бумаги. Позднее я узнал, что эти бланки предназначались двоим пилотам, сейчас лежавшим в лазарете.

Я сложил заявления аккуратной стопкой и вышел на балкон. Нежный ветерок долетал с гор, и море тихо ворчало где-то в темноте. Небо было усеяно мириадами мерцающих звезд.

Корпус специальных атак появился и в Себу.

Вернувшись в комнату, я заметил, что в доме царит необычная тишина. Казалось, все спали. Гадая, что же им может сниться, я невольно вернулся мыслями в прошлое, к славным дням 1942 года в Новой Гвинее, когда мы выигрывали каждый воздушный бой. Какая перемена!

Мои воспоминания прервал скрип открывающейся двери. В дверном проеме появился энсайн Масахиса Уэмура. В токийском университете Св. Павла он был капитаном футбольной команды, но прямо с университетской скамьи Уэмура попал на ускоренные курсы подготовки летчиков.

Теперь передо мной стоял красивый и возбужденный молодой мужчина, хотя и слегка робеющий. Он пришел ко мне в столь неурочное время наверняка по той же самой причине, что и Кунихара. Я пригласил его войти.

Он вошел, несколько секунд колебался, а потом начал задавать какие-то случайные вопросы, не касаясь специальных атак. Выслушав мои ответы, он, пятась, вышел из комнаты и пропал.

Я был удивлен его поведением, но у меня было много работы, и потому я вскоре забыл об Уэмура.

Однако на следующий вечер он вернулся. Уэмура снова пришел один, крадучись, словно вор. Почему он действовал так странно? Я не мог его понять.

Когда на третью ночь он снова пришел, было уже поздно. Я посмотрел ему прямо в глаза, но Уэмура смущенно устался в пол, явно не зная, что сказать. Я решил ему помочь. «Вы приходите один уже три ночи подряд... Может, я ошибаюсь, но вы, наверное, хотите вступить добровольцем в отряд специальных атак?»

Он украдкой глянул на меня и тихо ответил: «Вы не ошибаетесь, господин капитан 2 ранга. Я пришел сюда, чтобы стать добровольцем, но просто боялся сказать об этом, потому что, как вы знаете, я самый плохой летчик в нашей части».

Ошеломленный, я не сразу сумел найти ответ, однако Уэмура продолжал: «Совсем недавно я разбил самолет из-за своей неуклюжести. А ведь нам сейчас очень не хватает самолетов. Я знаю, что я недостаточно хороший летчик. Но я просто не мог отказаться от мысли стать добровольцем».

Его голос дрожал от сдерживаемых слез. Я поднялся из кресла, обнял его за плечи и сказал: «Не беспокойтесь, Уэмура. Я дам вам шанс. Не беспокойтесь и идите спать».

И тут я увидел, как он улыбнулся, впервые за три дня. Он низко поклонился и произнес: «Благодарю вас. Я буду ждать».

ГЛАВА 7

Октябрь 1944 года

ОПЕРАЦИЯ «СЁ» И ПЕРВЫЕ ВЫЛЕТЫ

Операция «Сё» была последней надеждой японцев на решающее морское сражение. Они начали выполнение этого плана, когда американцы высадились на острове Лейте в центре Филиппин. Предусматривалось нанесение удара с трех сторон. С якорной стоянки Лингга к югу от Сингапура вышли корабли Первого Ударного Соединения. Главными силами этого соединения, в которое входили суперлинкоры «Ямато» и «Мусаси», командовал вице-адмирал Такео Курита. Они должны были пройти через пролив Сан-Бернардино и на рассвете 25 октября атаковать американское десантное соединение с северного направления. Одновременно с ними с юга должны были нанести удар крейсера и эсминцы 5-го Флота вице-адмирала Киёхидэ Сима, которым предстояло пройти через пролив Суригао. Это соединение вышло из Японии, и ему требовалось пересечь Южно-Китайское море. К ним должны были присоединиться 2 старых линкора, крейсер и несколько эсминцев, отделившиеся от эскадры Куриты. Этой группой командовал вице-адмирал Сёдзи Нисимура.

Эта горстка разрозненных кораблей, все, что осталось от некогда грозного японского флота, должна была прорваться мимо многочисленных авианосцев, линкоров, крейсеров и эсминцев американцев. Надеяться на чудо не приходилось. Главнокомандующий Объединенным Флотом адмирал Соэму Тоёда прекрасно это понимал, поэтому он решил использовать остатки некогда победоносных японских авианосцев в качестве приманки. В его распоряжении оставались 1 тяжелый, 3 легких авианосца и 2 переоборудованных линкора с полетными палубами. На этих кораблях базировались всего лишь 116 самолетов. Соединение под командованием вице-адмирала Дзисабуро Одзавы должно было выйти из Внутреннего моря в Японии и направиться на юг, чтобы увести за собой быстроходные линкоры и авианосцы противника на север, подальше от района высадки на Лейте. Японцы рассчитывали, что это поможет Курите прорваться и уничтожить беззащитные американские транспорты и десантные суда. Во всяком случае, «Ямато» и «Мусаси» получили бы прекрасный шанс пустить в дело свои чудовищные 460-мм орудия.

Однако японцы надеялись не только на изощренный стратегический план. На Формозе были сосредоточены 350 самолетов 2-го Воздушного Флота, которые пилотировали лучшие летчики японского флота, а также 50 армейских бомбардировщиков. Они были сведены в мобильное авиационное соединение, которое могло нанести удар в любом пункте. После начала операции «СЁ» вице-адмирал Сигеру Фукудомэ приказал самолетам 2-го Воздушного Флота перебазироваться на Филиппины. Они должны были приготовиться к атаке американских авианосцев, как только те будут замечены.

Но это были бы обычные атаки: истребители связывают боем воздушное прикрытие авианосцев, а ударные самолеты атакуют корабли бомбами и торпедами. Я помнил, что мы потерпели сокрушительные поражения при Мидуэе и в Филиппинском море, хотя имели там гораздо более крупные воздушные силы. Поэтому я сомневался,

что наши слабые силы добьются хоть какого-то успеха в обычных воздушных атаках.

20 октября корабли адмирала Куриты прибыли на Борнео, направляясь к морю Сулу и острову Лейте. В море вышли и остальные японские корабли. Наступил самый подходящий момент попытаться реализовать предложенную адмиралом Ониси идею специальных воздушных атак.

Круглосуточно находясь на своем командном пункте на острове Себу, я напряженно ждал первых вылетов камикадзе. Первые такие подразделения были сформированы в Мабалакате, а последующие — на Себу.

Первые сообщения о контакте с крупными соединениями вражеских кораблей поступили во второй половине дня 20 октября, всего через несколько часов после того, как были набраны первые добровольцы для проведения специальных атак. Но вражеские корабли находились слишком далеко к востоку от Филиппин в открытом океане, за пределами радиуса действия наших самолетов. Было принято решение отложить атаку до более благоприятного момента. Должен сказать, что это решение командования вызвало страшное разочарование среди добровольцев.

В Мабалакате скала высотой около 20 метров поднимается чуть севернее западного конца взлетной полосы № 1. У основания этой скалы приткнулась невзрачная хижина, служившая пристанищем пилотов-камикадзе в Мабалакате. Она находилась всего в 200 метрах от взлетной полосы и была прикрыта скалой, поэтому служила хорошим укрытием для пилотов во время вражеских воздушных налетов. Именно здесь летчики ожидали приказа на вылет. Все это было мне прекрасно знакомо, поэтому, когда позднее я вернулся с Себу, и Тамаи рассказывал мне о происшедшем, я словно видел все это собственными глазами.

Несмотря на разочарование, которое постигло нас 20 октября, летчикам звена «Сикисима» не пришлось долго ждать приказа на вылет. 21 октября в 09.00 разведывательные самолеты сообщили, что обнаружили вражеское

авианосное соединение к востоку от Лейте. Летчики были подняты по тревоге и вскоре построились в полной летной форме перед командным пунктом. Ничто в их поведении не указывало на то, что им предстоит совершенно необычный вылет. Ни тени сожаления не появилось на их лицах, хотя они отправлялись на верную смерть.

Пилоты под командованием лейтенанта Секи построились, чтобы выпить прощальную чашку воды из фляги, которую держал адмирал Ониси. Их товарищи, построившиеся, чтобы увидеть их взлет, запели старинную песню. Печальная мелодия зазвучала над летным полем, слова этой песни как нельзя больше соответствовали моменту:

*Уми юкаба мидзуцуки кабанэ.
Яма юкаба куса мусу кабанэ.
Огими но хе ни косо синаме
Нодо нива синадзи.*

*Если я выйду в море, волна вынесет мой труп.
Если я выйду в горы, зеленая трава будет мой покровом.
Так во имя императора
Я не умру спокойно в своем доме.*

Был отдан приказ взлетать. Поклонившись своим товарищам, летчики побежали к самолетам, стоящим на взлетной полосе. Прогретые моторы работали, когда летчики занимали свои места в кабинах.

Лицо лейтенанта Секи было печальным и торжественным, но его глаза сияли, когда он подошел, чтобы отдать последний рапорт. Он был страшно измучен, потому что последние три дня страдал от сильнейшего поноса.

«Пожалуйста, позаботьтесь об этом, господин капитан 2 ранга», — сказал он Тамаи, передавая ему сложенный в несколько раз листок бумаги. Позднее Тамаи развернул его и обнаружил там прядь волос Секи. Эту традиционную памятку японские воины отправляли домой тем, кого любили.

Самолеты в сомкнутом строю полетели на восток к указанном месте нахождения противника. Но поиски оказались безуспешными, ничего, кроме океанских волн, найти не удалось. Все самолеты вернулись в Мабалакат. Секи со слезами на глазах извинялся за неудачу.

Я прекрасно понимал его разочарование, потому что мы в Себу, расположенном на 400 миль южнее, имели успехов ничуть не больше.

Длинный и узкий остров вытянут с севера на юг. Его венчает горный хребет, склоны которого почти всюду спускаются к самому берегу. Эти горы не поросли такими густыми джунглями, какие можно встретить на Новой Гвинее и Новой Британии и гораздо больше напоминают горы нашей родины. Себу очень похож на западный Хонсю в миниатюре.

Множество узких долин возле берега являются хорошим укрытием для наших истребителей «Зеро», которые легко спрятать под покровом листвы. В одной из таких долин находился дом пилотов только что сформированного звена «Ямато». Этот дом был, в общем-то, простой хижинкой, однако она стояла под раскидистыми зелеными манговыми деревьями, листва которых тихо шелестела на ветру.

Ожидая приказа занять места в самолетах, пилоты проводили время как могли, как и весь остальной персонал авиабазы. Кто-то читал старые журналы. Другие валялись на полу, вполуха слушая популярные японские мелодии, которые наигрывал старый, раздолбанный фонограф, стоящий в углу комнаты, — любая механика в тропиках быстро портилась. Маленькая группа ревностных служаков изучала полетные карты. Тут же валялись летные принадлежности и упакованные в маленькие коробочки завтраки. Ничто не указывало, что эти люди ожидают приказа отправиться в полет, из которого уже не вернутся.

21 октября сразу после рассвета наши разведывательные самолеты вылетели с филиппинских аэродромов на восток, чтобы найти вражеские авианосные соединения, которые поддерживали высадку на Лейте. Любое сооб-

щение о вражеских кораблях в пределах досягаемости стало бы сигналом для начала специальных атак.

В 15.00 на командном пункте в Себу раздался телефонный звонок. Сообщение гласило: «Вражеское оперативное соединение, в которое входят 6 авианосцев, замечено в 60 милях к востоку от острова Сулуан».

На аэродроме сразу началось движение. Механики выкатывали самолеты, пока я спешно готовил данные для инструктажа летчиков. Начальник технической службы сообщил, что потребуется 40 минут, чтобы подвесить бомбы к 3 «Зеро» и подготовить 2 истребителя для их сопровождения. Это было на 10 минут больше, чем подготовка к обычному вылету, но сегодня самолеты предстояло протаскать 500 метров вверх по склону, чтобы выкатить на взлетную полосу, потому что они были тщательно замаскированы в лесу, чтобы избежать обнаружения вражескими самолетами.

Через 10 минут после объявления тревоги я уже инструктировал летчиков, на этот раз медленно и тщательно, потому что время имелось. Однако едва я начал говорить, как, к моему полному удивлению, прибежал начальник технической службы и сообщил, что все 5 самолетов готовы к взлету! Это было не только удивительно, но и опасно! Самолеты на взлетной полосе легко заметить с воздуха, они становятся крайне уязвимы, их очень просто уничтожить. Я поспешно закончил инструктаж и вместе с летчиками побежал к взлетной полосе.

Когда мы приблизились к летному полю, оправдались мои самые худшие предположения. Над горами показались вражеские авианосные истребители. Наши самолеты не успевали взлететь, а у нас не было возможности замаскировать их. Отважные солдаты наземных служб успели запустить моторы всех истребителей до того, как вражеские самолеты начали обстрел аэродрома. Я крикнул, чтобы все укрылись, а сам вместе со своим помощником бросился к сомнительному убежищу, сложенному из мешков с песком. Мы скорчились за ними, осыпая бес-

сильными проклятиями врага. Обстрел с первых самолетов не причинил особого вреда, так как американцы сожгли ложные цели, расставленные по всему полю. Но, к несчастью для нас, настоящие «Зеро» также притягивали к себе огонь противника. Внезапно несколько пулеметных очередей ударили по нашему укрытию, мешая смотреть. Мы прикикли к земле, скорчившись за мешками. Недолгий обстрел с воздуха показался нам бесконечным.

Когда я в следующий раз посмотрел на летное поле, мое сердце замерло. Самолеты, которые всего несколько минут назад были готовы взлететь, оказались изрешечены. Из некоторых тек бензин, другие уже горели. В любую секунду могли взорваться бомбы, патроны и топливные баки. Но не успели улететь истребители противника, как появились его пикировщики, и погром продолжился. Бомбы сыпались градом и рвались совсем недалеко от нас. Это заставляло еще больше бояться, что взорвутся бомбы, подвешенные к истребителям. Положение было очень опасным, но нам оставалось только прятаться за мешками с песком и ждать.

Когда американские самолеты наконец улетели, наши подготовленные к взлету «Зеро» пылали. Я сразу приказал готовить еще 3 самолета, решив, что они могут последовать за вражескими пилотами, которые приведут их прямо к своим авианосцам. Тогда не будет необходимости искать столь заманчивую цель. Снова наземный персонал проявил чудеса работоспособности, и через 10 минут 2 вооруженных бомбами «Зеро» и один истребитель сопровождения стояли в готовности на летном поле. К этому моменту первая группа «Зеро» взорвалась.

В 16.25 взлетел небольшой отряд из 3 самолетов под командованием лейтенанта Ёсиясу Куно. Вместе с ними полетели наши молитвы об успехе атаки. Но самолеты встретили грозовой фронт и не нашли противника.

Два самолета вернулись, но лейтенант Куно пропал.

Я вспомнил наш разговор прошлой ночью, когда он заявил: «Учитывая острую нехватку самолетов, почему вы

отправляете сопровождение вместе с самолетами камикадзэ? Мы не ищем славы. Мы желаём только послужить Японии и умереть за императора. Пожалуйста, прекратите тратить самолеты, посылая их вместе с нами.

Я ухватился за возможность указать Куно на его ошибку. «Мы посылаем их с вами не для того, чтобы у вас имелись зрители. Они необходимы, чтобы определить результаты атаки и собрать данные, которые могут оказаться полезными при будущих атаках».

«А как насчет того, чтобы снять с наших машин пулеметы? Ведь они совершенно бесполезны при специальных атаках», — спросил Куно.

«Пулеметы тоже нужны, Куно, на случай, если вы по дороге встретите вражеские перехватчики. Кроме того, если вы будете вынуждены повернуть назад, не обнаружив цели, вы сможете защищаться от преследователей. Без пулеметов противник вас легко уничтожит. Они должны остаться на самолетах».

Куно подумал и все-таки кивнул, но потом добавил: «Если я не сумею найти противника в море, я полечу к заливу Лейте, где наверняка найдется множество целей».

Никто не видел последние минуты Куно, однако, зная его способности и энтузиазм, я был совершенно уверен, что он нашел достойную цель, чтобы направить в нее свой самолет¹.

Как уже говорилось, звену лейтенанта Секи, вылетевшему из Мабалаката, повезло ничуть не больше. В течение 3 дней подряд, начиная с 21 октября, японские разведывательные самолеты не видели ни одного американского авианосца, хотя именно эти корабли были главной целью корпуса специальных атак. Американские десантные корабли, которые высаживали войска на остров Лейте, обнаружить было совсем нетрудно, и орудия линкоров

---

¹ 21 октября ни один американский корабль не пострадал от атак камикадзэ. *Прим. авт.*

Куриты покончили бы с ними, если бы только Курита прорвался туда. Но мы знали, что Курита не сумеет прибыть к Лейте, если не будут нейтрализованы вражеские авианосцы с их сотнями самолетов.

Когда 23 октября наши самолеты-разведчики не сумели обнаружить ни одного американского авианосца, мы начали понемногу впадать в отчаяние. Соединение адмирала Куриты продвигалось вперед к проливу Сан-Бернардино и находилось в радиусе действия вражеских самолетов. Однако 23 октября внезапно стало ясно, что опасаться следует не только авианосных самолетов. Радиоволны донесли до нас очень неприятную новость. Американские подводные лодки, безнаказанно рыскавшие в водах к западу от Филиппин, потопили 2 тяжелых крейсера из состава Главных Сил адмирала Куриты — флагманский «Атаго» и «Майя». Третий тяжелый крейсер «Такао» получил серьезные повреждения и повернул назад. За это время корпус специальных атак совершил множество вылетов к месту предполагаемого обнаружения противника, но не провел ни одной атаки.

Одной из причин наших неудач стала нехватка самолетов-разведчиков. Большинство из них было уничтожено во время сокрушительных ударов вражеской авиации по нашим аэродромам. Вдобавок нас подвела погода. Погода в тропиках капризна и переменчива. Внезапно налетают грозовые тучи с сильнейшим дождевым шквалом, а уже через 10 минут прозрачное небо сияет голубизной. Дождевые шквалы полезны, когда требуется свежая пресная вода, они несут избавление от удушающей жары, но для наших летчиков они представляли смертельную опасность. Более того, они помогали противнику, служа великолепным укрытием для американских кораблей. Под прикрытием дождевого шквала американские корабли были в полной безопасности, так как наши самолеты не имели радаров. Наши пилоты-камикадзе день за днем безрезультатно возвращались назад, так как обнаруженные цели укрывались за стеной дождя.

Поэтому не приходилось удивляться горьким слезам на глазах лейтенанта Секи, который после очередного вылета сообщал о неудаче.

350 самолетов 2-го Воздушного Флота вице-адмирала Фукудомэ во время перелета на юг на новые базы на Филиппинах несколько раз видели вражеские авианосцы и атаковали их, но также не добились успеха. Однако после их прибытия численность нашей авиации возросла, что позволило запланировать на 24 октября атаку силами примерно 250 самолетов.

По сравнению с этими 250 самолетами вся численность нового корпуса специальных атак составляла всего 13 самолетов, разделенных на 4 звена: «Сикисима», «Асахи» и «Ямадзакура» в Мабалакате и «Ямато» в Себу. Однако вице-адмирал Ониси, командующий 1-м Воздушным Флотом, был совершенно уверен, что эти 4 звена сумеют гарантировать успех операции «СЁ», потопив или повредив достаточное количество вражеских авианосцев, чтобы позволить соединению Куриты уничтожить вражеский флот в заливе Лейте. Перед тем как улететь на Себу 20 октября, я спросил, действительно ли он верит, что этих 4 звеньев будет достаточно.

Он ответил: «У нас так мало самолетов, что мы ничего не можем изменить». Я уверен, что в то время он действительно намеревался ограничить специальные атаки этими 13 самолетами.

Но 24 октября ситуация стала критической. Этим утром погода была особенно плохой, что создало пилотам наших разведчиков и истребителей массу проблем. Маскированный налет 250 самолетов, запланированный адмиралом Фукудомэ, был все-таки проведен. Однако плохая погода расстроила большинство атак, и были повреждены только 2 вражеских крейсера и 3 эсминца¹.

---

¹ В действительности воздушными атаками в этот день были повреждены эсминец «Лейтце», танкер «Аштабула» и танко-десантный корабль LST-552. *Прим. авт.*

Группа из 14 истребителей «Зеро» была послана, чтобы прикрыть корабли Куриты во время перехода через море Сибуян. Однако плотный зенитный огонь с кораблей, которые они должны были охранять, вынудил истребители держаться в стороне. Зато американские авианосные самолеты, взлетевшие с авианосцев, находящихся далеко на востоке, внезапно обрушились на оказавшиеся беззащитными корабли. Наши сердца обливались кровью, когда радио начало доносить отчаянные призывы о помощи с кораблей Куриты. Эти радиogramмы били по нам ничуть не слабее вражеских бомб. Один, два, три, четыре... Уже все линкоры Куриты получили повреждения. Тяжелый крейсер «Мьёко» и суперлинкор «Мусаси» были выведены из строя и начали отходить на запад в сопровождении 2 эсминцев. На юге, в море Сулу, линкор «Фусо» и эсминец из состава соединения адмирала Нисимуры также были повреждены. А затем мы получили самый болезненный удар. Непотопляемый «Мусаси», самый сильный военный корабль в мире, скрылся под водой. Курита был вынужден повернуть на запад, с раздражением сообщив по радио, что, не имея воздушного прикрытия, его соединение будет просто уничтожено воздушными атаками.

Наши летчики были в отчаянии. Они чувствовали себя виноватыми в каждом ударе, который получила эскадра Куриты, так как единственной целью формирования корпуса камикадзе было уничтожение вражеских авианосцев, которые и наносили сейчас смертельные удары. До сих пор мы не повредили ни одного авианосца, мы даже не сумели обнаружить вражеские оперативные соединения.

Разочарование и тревога росли с каждой задержкой, с каждым неудачным вылетом. Наше терпение и наши нервы были напряжены до предела, когда мы ждали очередного сообщения от самолетов-разведчиков.

Ближе к вечеру такая радиogramма пришла, и я немедленно оповестил летчиков и механиков. В этот день командиром звена был энсайн Уэмура, который являлся ко мне три ночи подряд, чтобы добиться назначения в кор-

пус камикадзэ. Теперь мне пришлось вызвать его к себе, чтобы сообщить неприятную новость. «Сегодняшний вылет будет произведен очень поздно, и почти весь путь летчикам придется проделать ночью. Так как вы не обучались ночным полетам, я вынужден отправить другого вместо вас».

Молодой человек буквально рухнул в кресло и разочарованно покачал головой. «Мне так жаль упускать эту возможность. Пожалуйста, обещайте мне, что мне дадут возможность показать себя, как только работа будет мне по плечу».

Старший сержант Хироси Сиода радостно улыбнулся, когда ему сказали, что он поведет звено. В то же время чувствовалось, что он огорчился, видя расстроенного Уэмуру.

Звено Сиоды поднялось в воздух, однако поздно ночью оно было вынуждено вернуться назад, так как столкнулось с тропическим ливнем.

ГЛАВА 8

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Лейтенант Секи

Было бы справедливо, если бы первым добился успеха лейтенант Секи, первым вызвавшийся в качестве добровольца. Четыре дня подряд он взлетал, чтобы вернуться страшно разочарованным. Но в пятый раз все обернулось иначе. 25 октября отряд «Сикисима» вылетел из Мабалаката в 07.25. Предполагалось провести поиск кораблей противника к востоку от Филиппин, и если поиск окажется удачным, самолеты должны были атаковать вражеские корабли в заливе Лейте.

Альтернативы оказались ненужными, в 10.10 был замечен вражеский флот. В легкой дождевой завесе были обнаружены от 4 до 5 американских линкоров в сопровождении более чем 30 крейсеров, эсминцев и других кораблей. Они направлялись на север под прикрытием группы из примерно 20 самолетов. В 10.40 была замечена еще одна группа кораблей на расстоянии 90 миль от Таклобана по пеленгу 85° у восточного побережья Лейте.

В то время в Себу мы не знали деталей атаки лейтенанта Секи. Первое сообщение мы получили 25 октября вскоре после полудня, когда на аэродроме неожиданно сели

3 истребителя «Зеро». Я сидел в кресле на командном пункте, где я провел большую часть последних 5 суток.

Командный пункт располагался на склоне холма возле одной из взлетных полос. Самое здание было построено в туземном стиле — одно из тех бунгало, стоящих на сваях, фотографии которых так любят помещать учебники географии. Часть пространства под зданием использовалась в качестве склада, на остальном отдыхали в теничке ожидающие вылета пилоты.

В командном пункте стояло большое плетеное ратановое кресло, которым пользовался я один. Оно было реквизировано в одном из американских домов в городе, его бывший владелец, судя по всему, был крупным человеком. Оно было настолько велико для меня, что я чувствовал себя в нем откровенно неудобно. Однако японский флот просто не собирался обеспечивать своих офицеров нормальными креслами.

Командный пункт был расположен очень удобно, так как с него были видны все взлетные полосы. По ночам мы даже могли видеть зенитный огонь над островом Лейте, лежащем в 60 милях к востоку.

Так как наш аэродром находился вплотную к району боев, на нем часто совершали посадку самолеты других частей, вылетавшие для атаки вражеских кораблей в заливе Лейте и к востоку от Филиппин. Кроме того, все отлично знали, что так хорошо, как в Себу, не кормят больше нигде. Наш интендант утверждал, что обеспечил лучшие обеды на всех Филиппинах. Именно знаменитая столовая на Себу стала причиной того, что чужие летчики охотно сажались на нашем аэродроме.

Поэтому, когда наблюдатель доложил: «Капитан 2 ранга Накадзима, садятся 3 «Зеро», — я подумал, что они просто заглянули к нам перекусить.

Однако когда сел первый истребитель, его изрешеченный фюзеляж сразу показал, что это был не просто визит вежливости. Пилот выпрыгнул из самолета и побежал к командному пункту. Я сразу узнал в нем старшего уор-

рент-офицера Хироёси Нисидзаву, с которым познакомился 2 года назад в Рабауле. Когда он подбежал ближе, стало видно, что он страшно возбужден. Остальные офицеры это тоже заметили и сразу собрались вокруг нас.

Нисидзава прибыл, чтобы доложить о первой успешной атаке камикадзе, которую он видел. Это была атака звена «Сикисима» под командованием лейтенанта Секи. 5 «Зеро», несущие бомбы, и 4 истребителя сопровождения обнаружили вражеское авианосное соединение. Каждый пилот выбрал свою цель, и по сигналу Секи, который был ведущим, самолеты начали пикировать. В 10.45 самолет Секи первым протаранил вражеский авианосец. За этим последовал удар второго самолета, который попал в тот же корабль и почти в то же самое место. Нисидзава сказал, что пламя и дым после этих попаданий поднялись в воздух чуть ли не на километр. Авианосец затонул¹.

Третий самолет врезался в другой авианосец, который сразу загорелся. Четвертый самолет попал в легкий крейсер, который немедленно затонул. Пятый самолет, судя по всему, в цель не попал².

Летчики в Себу с огромной радостью выслушали этот рапорт. Они радовались не только успеху Секи, но и тому, что теперь рассеялись неясные предчувствия, которые мучили всех. Мы опасались, что когда самолет будет пикировать на высокой скорости, пилот инстинктивно будет закрывать глаза перед тараном и промахнется мимо цели. Эти опасения рассеялись, когда мы услышали рапорт Нисидзавы, о том, как пилоты таранили одну и ту же цель.

Я быстро передал по телеграфу эту важную новость в Манилу. Позднее мы узнали, что Токио сообщило об

---

¹ В этот день камикадзе потопили эскортный авианосец «Сен Ло».

Прим. авт.

² В этот день пилоты-камикадзе повредили эскортные авианосцы «Калинин Бей», «Киткен Бей» и «Уайт Плейнз». Похоже, что все 5 камикадзе добились попаданий, а Нисидзава неточно определил класс кораблей. *Прим. авт.*

этом событии в эпохальном коммюнике императорской ставки.

«В 10.45 отряд «Сикисима» из состава корпуса специальных атак камикадзе произвел успешную внезапную атаку вражеского оперативного соединения, состоящего из 4 авианосцев, в 30 милях к северо-западу от острова Сулуан. 2 самолета врезались в один авианосец, который достоверно потоплен. Третий самолет врезался в другой авианосец, который загорелся. Четвертый протаранил крейсер, который затонул немедленно».

Звено «Ямато» следует примеру

Мы так долго и с такой тревогой ждали сообщений об успехах специальных атак, что удача звена «Сикисима» вызвала бурю эмоций. Ведь каждый из нас внес свой вклад в этот успех, хотя наша доля была невелика. Можно только предполагать, что пережил адмирал Ониси, который был разработчиком этой тактики. С одной стороны, это был несомненный успех, но с другой — эта необычайная тактика стоила жизни нескольким летчикам.

25 октября уже после 10 вечера я покинул командный пункт, чтобы поужинать. Отправить телеграммы и подготовить планы операций на следующий день, проделать остальную рутинную работу — все это требовало времени. Когда я пришел в столовую и заказал ужин, то с удивлением услышал, что все уже съедено. Смущенный донельзя ординарец объяснил: «Это был какой-то незнакомый старший уоррент-офицер. Он пришел и потребовал ваш ужин».

Сначала я ничего не мог понять, потому что это было немислимо. Какой-то унтер требует ужин старшего офицера и съедает его! Но затем я вспомнил своего друга Нисидзаву, который был способен на любую выходку, и рассмеялся.

Нисидзава действительно заслуживал ужина. Днем он согласился передать мне свой «Зеро» и самолеты своих ведомых. Звено «Ямато» потеряло 6 самолетов 21 октября и теперь смогло отчасти восстановить свою силу.

26 октября самолет-разведчик сообщил, что вражеское авианосное соединение все еще находится к востоку от Лейте. Звено «Ямато», которое завершило подготовку накануне ночью, взлетело, чтобы атаковать эти цели. Пилоты были полны самых радужных надежд. Отряд был разделен на 2 группы. Первая состояла из 2 камикадзе и 1 истребителя сопровождения, она взлетела в 10.15. Вторая состояла из 3 камикадзе и 2 самолетов сопровождения. Она поднялась в воздух в 12.30.

О действиях первой группы не известно ничего, так как не вернулся ни один самолет. Однако один из истребителей сопровождения второй группы сумел вернуться, и пилот сообщил, что камикадзе добились успеха. Вражеское соединение, в которое входили 4 авианосца, было обнаружено в 80 милях к востоку от Суригао. Наши 3 ударных самолета сумели пробить защитную стену из 60 истребителей «Хеллкэт», прикрывавших свои корабли, и нанести им роковые удары. Один авианосец получил 2 попадания камикадзе и был достоверно потоплен. Третий камикадзе протаранил и повредил второй авианосец¹.

Однако помимо успехов этот день стоил нам ощутимых потерь. Это были молодые, отважные пилоты, летевшие на самолетах камикадзе, и пилоты истребителей сопровождения, среди которых был великий ас и мой друг Нисидзава. Пригнав свои «Зеро» в Себу, Нисидзава и 2 его ведомых должны были на транспортном самолете вернуться на авиабазу Кларк. Американские авианосные истребители атаковали этот небооруженный самолет и уничтожили его вместе со всеми пассажирами.

---

¹ 26 октября был поврежден только один эскортный авианосец «Суони». *Прим. авт.*

Нисидзава принимал участие во многих воздушных боях на Тихом океане и одержал множество побед. Он был действительно великим пилотом. Но все его летное мастерство было бесполезно, так как он был всего лишь пассажиром сбитого транспортного самолета. Его смерть стала огромной потерей для меня.

Тактика действий камикадзэ

В первый период действий корпуса специальных атак стандартная группа состояла из 3 камикадзэ и 2 истребителей сопровождения. Это количество было принято, исходя из предположения, что группа должна быть маленькой, чтобы сохранить маневренность. Взлет следовало производить тайно, когда поблизости нет вражеских самолетов, и как можно быстрее. После того как самолеты окажутся в воздухе, каждую последующую фазу атаки следовало выполнять с максимально возможной быстротой.

Маленькой группе легче, чем большой, уклониться от вражеских перехватчиков и сохранить строй в плохих погодных условиях. «Чем меньше, тем лучше» — это правило справедливо, есть говорить о скорости и маневренности. Однако были и другие соображения, по которым группа из 5 самолетов считалась оптимальной. Например, один самолет явно не способен нанести серьезные повреждения такому крупному кораблю, как авианосец.

Было решено, что 5 самолетов — оптимальный состав ударной группы, причем 3 самолета в ней будут камикадзэ, а 2 — истребителями сопровождения. Однако не следует считать эти цифры жестко фиксированными. В зависимости от погодных условий, сил противника, наличия самолетов состав группы мог изменяться.

Два истребителя сопровождения играют очень важную роль. Они должны отгонять вражеские перехватчики, пока самолеты камикадзэ не спикируют на цели. Бой против перехватчиков всегда носит оборонительный ха-

ракти. Истребители сопровождения не могут начинать воздушные дуэли, они не должны пытаться занять выгодную позицию, если атакованы. Они должны оставаться рядом с камикадзэ. Если они атакованы сзади, они не могут отвечать, если для этого нужно изменить курс. Отклониться даже ненадолго от курса группы, значит отстать, а после этого сопровождение уже не догонит камикадзэ. Пилоты истребителей сопровождения должны стараться отвлечь противника и обмануть его, а не пытаться сбить. Главная обязанность истребителей сопровождения — защищать самолеты самоубийц, даже если это означает пожертвовать своей жизнью.

Чтобы выполнять задачу сопровождения камикадзэ, от пилота требуется исключительное летное мастерство. Именно поэтому мы отвечали отказом, когда наши лучшие пилоты, вроде лейтенанта Канно, просили перевести их в камикадзэ. Такие люди были крайне нужны, чтобы охранять самолеты самоубийц, и их просто нечем было заменить. Многие летчики, занимавшие должности командиров эскадрилий и выше, сопровождали камикадзэ во время специальных атак, хотя сами постоянно просились добровольцами в самоубийцы¹.

Наши базы камикадзэ действовали просто и эффективно, пользуясь отработанной методикой. Самолет-разведчик, найдя противника, должен радировать об этом на береговую базу. Центр связи по телефону передает полученную информацию на командный пункт, расположенный рядом с взлетной полосой, где командир — в Себу это был я — дежурит, готовый поднять летчиков по тревоге. Объявив тревогу, я должен нанести на карту положение противника, указать состав эскадры, ее курс, оценить погодные условия на маршруте и в районе цели. Оценив все эти факторы, я должен решить, сколько само-

---

¹ Я оставил эту фразу в буквальном переводе, не пытаясь литературно обработать. *Прим. пер.*

летов камикадзэ поднять, когда они должны взлететь и каким курсом следовать к цели. Когда это сделано, я бегу к месту отдыха пилотов, где они уже выстроились, ожидая приказа. Им предстоит получить от меня всю необходимую информацию, а потом подготовиться к вылету.

Тем временем техники и механики выкатывают самолеты из укрытий на исходную позицию у взлетной полосы, подвешивают бомбы, заправляют бензином, прогревают моторы. Все эти картины снова проплывают в моей памяти. Пилоты забираются в кабины подготовленных самолетов... прощально машут рукой... моторы режут... и самолеты взлетают, быстро набирают высоту и исчезают на востоке.

Пересекая береговую черту, пилот в последний раз видит землю, раскидистые зеленые кроны кокосовых пальм, которые лишь сверкающая белая полоска пляжа отделяет от бескрайней синевы океана. Однако летчики не замечают всех этих красот, потому что их ждет работа. Самолеты упрямо набирают высоту, так как наверху больше шансов уклониться от вражеских перехватчиков. Пилоты надевают кислородные маски, так как на большой высоте воздух становится разреженным.

Далеко впереди на глади океана внезапно появляется горстка черных точек. Головной самолет направляется прямо к вражеским кораблям, которые теперь полным ходом идут на восток. Время от времени облака скрывают их из вида.

Пилоты-камикадзэ увеличивают свою скорость, когда приближаются к району атаки, а истребители сопровождения занимают позицию, чтобы в случае необходимости отсечь вражеские перехватчики.

Вражеские истребители быстро набирают высоту, чтобы атаковать наши самолеты, идущие прямо на цель. Головной самолет слегка покачивает крыльями и передает приказ: «Всем самолетам атаковать!» Поднятая рука лидера ясно видна всем, а кое-кто даже может различить его широкую улыбку. Каждый пилот выбирает свою цель,

предпочтительно авианосец, и пикирует в наиболее уязвимую точку — элеватор на полетной палубе. Корабль открывает огонь из всех орудий, но самолет прорывает стену раскаленной стали и таранит свою цель. После каждого удара взлетает столб пламени и поднимается высокий столб густого черного дыма.

Сидя на командном пункте после каждого вылета камикадзе, я с надеждой ждал сообщения об успехе. Ведь надежда умирает последней...

Слова императора

Атаки камикадзе продолжались, и противник усилил налеты на аэродром Себу. Но тут мы узнали, что императора проинформировали о достижениях звена «Сикисима». За этой новостью последовало сообщение, в котором приводился отзыв императора об этом подвиге. Я приказал построить весь личный состав авиабазы возле командного пункта, чтобы зачитать послание императора. Когда люди собрались, я убедился, что их моральный дух исключительно высок, хотя им приходилось трудиться круглыми сутками. Держа в руках телеграмму, я обратился к ним:

«Я должен передать вам слова его величества, сказанные начальнику Морского генерального штаба по поводу результатов, достигнутых корпусом специальных атак камикадзе».

Все насторожились, и я зачитал телеграмму адмирала Ониси:

«Когда его величеству сообщили о специальных атаках, он сказал: «Было ли столь необходимо идти на такие крайности? Они проделали поистине великолепную работу». Слова его величества показывают, что его величество глубоко озабочен. Мы должны удвоить свои усилия, чтобы избавить его величество от этих тревог.

Я уверен, что вы приложите для этого все силы».

Этой ночью мой друг капитан 1 ранга Иногути сказал мне: «Я думаю, что адмирал Ониси, находящийся в Маниле, был страшно расстроен, узнав, что сказал император. **Я думаю, что адмирал воспринял слова его величества как критику командира, который отвечает за новую тактику».**

ГЛАВА 9

СОЗДАНИЕ НОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КАМИКАДЗЭ

Аргументы адмирала Ониси

Любые угрызения совести, которые мог испытывать адмирал Ониси как создатель корпуса камикадзэ, должны были улетучиться после того, как стали ясны итоги битвы за Лейте. То, что случилось с соединением адмирала Куриты 24 октября, было только прологом к катастрофе, постигшей весь японский флот. На следующий день, задолго до рассвета, соединение под командованием адмирала Куриты, пытавшееся прорваться через пролив Суригао с юга, натолкнулось на ожидавшее его соединение американских линкоров, крейсеров, эсминцев и торпедных катеров. Японская эскадра была уничтожена в считанные минуты. Были потоплены линкору «Фусо» и «Ямасиро», а также 3 эсминца, крейсер «Могами» получил тяжелые повреждения. Эскадра адмирала Симы, следовавшая за ней, понесла такие потери, что была вынуждена повернуть назад. После рассвета американские самолеты атаковали отходящих японцев и добились поврежденных крейсера «Могами» и «Абукума».

Авианосцы адмирала Одзавы на севере столкнулись с мощным вражеским авианосным соединением и также

были уничтожены. В ходе боя у мыса Энганьо Одзава потерял все 4 авианосца — «Дзуйкаку», «Титосэ», «Тиёда», «Дзуйхо», крейсер «Тама» и несколько эсминцев.

Как ни странно, но уловка с эскадрой-приманкой сработала, Одзаве удалось отвлечь вражеские быстроходные авианосцы на север, оставив транспорты и десантные суда в заливе Лейте практически беззащитными. Адмирал Курита ночью опять повернул на восток и на рассвете 25 октября атаковал соединение прикрытия, состоящее из эсминцев и эскортных миноносцев. Однако сбитый с толку частыми дождевыми шквалами и полным отсутствием информации, а также беспокоясь о сокращающихся запасах топлива, адмирал Курита повернул назад, потопив 1 эскортный авианосец и 3 эсминца. Его эскадра ушла обратно на запад через пролив Сан-Бернардино. К сожалению, крейсера «Тикума», и «Тёкай» получили тяжелые повреждения, и их пришлось затопить. Американские самолеты атаковали и потопили отходящие крейсера «Судзюя» и «Носиро». В течение 3 дней Императорский Флот потерял 3 линкора, 4 авианосца, 10 крейсеров и 9 эсминцев — более половины всех кораблей, участвовавших в операции.

В ходе всех этих боев проявилась неспособность 2-го Воздушного Флота добиться заметных результатов методами обычных атак, хотя были использованы сотни самолетов. В самый разгар операции «СЁ» адмирал Ониси убедился, а последующее развитие событий еще больше укрепило эту убежденность, что атаки камикадзе являются единственным способом сдерживать превосходящие силы противника. Сразу после прибытия 23 октября 2-го Воздушного Флота на авиабазу Кларк адмирал Ониси встретился с его командующим, вице-адмиралом Фукудомэ. Адмирал Ониси сразу раскрыл свои карты.

«1-й Воздушный Флот в последний месяц понес чудовищные потери. У него осталось не более 50 боеспособных самолетов. Это около 30 истребителей и несколько бомбардировщиков «Бетти», «Джилл» и «Джуди».

Имея так мало самолетов, просто невозможно продолжать сражаться, используя обычную тактику. Если атаковать по-старому, это приведет к гибели оставшихся самолетов. С учетом сложившейся ситуации и после тщательного анализа всех аспектов проблемы 1-й Воздушный Флот решил предложить специальные атаки как единственные, имеющие шансы на успех. Я надеюсь, что 2-й Воздушный Флот присоединится к нам в этих атаках».

Так как адмирал Фукудомэ не сразу согласился с этим предложением, вечером того же дня адмирал Ониси еще раз встретился с ним. «Я не отрицаю значения массированных атак, которые вы отрабатывали, но их эффективность при данных обстоятельствах выглядит сомнительной. Мы твердо верим, что специальные атаки 1-го Воздушного Флота принесут желаемые результаты, однако нам требуется больше самолетов. Мы хотели бы, чтобы вы передали нам часть истребителей».

Но адмирал Фукудомэ и сейчас не согласился с ним, заявив, что он верит в эффективность обычных массированных атак. Он беспокоился, что переход к самоубийственным атакам подорвет дух летчиков. Поэтому 24 и 25 октября, в критические дни операции, 2-й Воздушный Флот провел атаки силами до 250 самолетов, но сумел при этом повредить только 2 крейсера и 3 эсминца¹. При этом только 25 октября камикадзе из состава звена «Сикисима» 1-го Воздушного Флота потопили 1 вражеский авианосец и повредили 2 или 3.

Ночью адмиралы встретились в третий раз, и Ониси заявил: «Можно уверенно сказать, что специальные ата-

---

¹ 24 октября пикировщиком был поврежден легкий авианосец «Принстон», который позднее затопили сами американцы. Горизонтальные бомбардировщики повредили эсминец «Лейтце» и танко-десантный корабль LST-552, торпедоносец повредил танкер «Аштабула». 25 октября обстрелом с воздуха был поврежден эскортный миноносец «Ричард М. Роуэлл».

Прим. авт.

ки являются нашим единственным шансом. В критической ситуации мы не можем терять драгоценное время. 2-й Воздушный Флот просто обязан перейти к специальным атакам».

К этому времени адмирал Фукудомэ убедился в эффективности самоубийственных атак, однако он все еще опасался их пагубного воздействия на моральное состояние своих летчиков. Адмирал Ониси постарался его успокоить. После совещания с офицерами штаба, которое завершилось 26 октября в 02.00, адмирал Фукудомэ наконец-то согласился принять тактику самоубийственных атак.

После согласования вопросов тактического взаимодействия двух воздушных флотов было решено, что их объединят под общим командованием адмирала Фукудомэ, а адмирал Ониси станет его начальником штаба. Капитан 1 ранга Сибата из 2-го Воздушного Флота был назначен начальником оперативного отдела, а я отвечал за проведение специальных атак. Когда эти организационные вопросы были решены, штаб Флота Юго-Западного района выпустил специальный приказ, названный «Объединенная базовая авиация».

Адмирал Фукудомэ собирался использовать в качестве камикадзэ только истребители 12-й Воздушного Флота, которые прибыли вместе с ним с Курильских островов. Остальные самолеты 2-го Воздушного Флота он предполагал оставить для проведения обычных атак. Но летчики этого флота буквально рвались в корпус камикадзэ, поэтому к 27 октября одна только 701-я авиагруппа сформировала 4 отряда камикадзэ под командованием капитана 1 ранга Тасихико Кида.

Боевой дух летчиков 12-го Воздушного Флота также был исключительно высоким. Они были переведены в корпус специальных атак сразу после прибытия 26 октября на авиабазу Кларк. На следующий день 17 самолетов под командованием лейтенанта Канно, в том числе 13 самолетов, только прибывших с севера, улетели из

Мабалаката в Себу, на передовую базу камикадзэ. По пути группа над Мариндюком столкнулась с 16 вражескими истребителями «Хеллкэт» и была вынуждена принять бой.

Вскоре после вылета один из пилотов группы обнаружил, что шасси его самолета не убираются, однако он не повернул назад. Вместо этого он последовал за лейтенантом Канно, который позднее рассказал, что ему стоило больших трудов защитить этот самолет во время воздушного боя с американскими авианосными истребителями.

После того как тактику камикадзэ согласились использовать 2-й Воздушный Флот и другие авиационные части, прибывшие с севера, наше положение на Филиппинах значительно улучшилось в плане организации специальных атак.

Необычное подразделение

Во время трехдневной битвы на севере у берегов Лусона я оставался в Мабалакате. 26 октября я вернулся в штаб с рапортом о ходе формирования подразделений специальных атак. Прибыв в Манилу, я был просто поражен количеством грязи на улицах. Люди выглядели испуганными и нервными. Многие покидали город, таща на плечах огромные тюки. Над гаванью плыли густые клубы дыма после вражеских воздушных налетов. На позициях зенитных батарей вдоль берега солдаты прибирали стреляные гильзы и разбирали завалы после очередной бомбежки. Вся Манильская бухта была наглядным свидетельством ярости вражеских воздушных налетов. Меня особенно потрясло огромное количество потопленных кораблей, от которых теперь остались только кончики мачт, торчащие из воды. Я гадал, сможем ли по-прежнему доставлять на Филиппины военные грузы при столь сильных ударах с воздуха.

Когда я прибыл в штаб, то обнаружил, что офицеры 1-го и 2-го флотов работают вместе. Мне сообщили о моем новом назначении и обязанностях.

На следующий день рано утром около 40 вражеских авианосных самолетов атаковали Манилú. Удар был нанесен по стоящим на якоре судам, портовым сооружениям и зенитным батареям. Волна за волной истребители, бомбардировщики и пикировщики атаковали аэродром Николс. Наш штаб подвергся пулеметному обстрелу.

Мы с адмиралом Ониси укрылись в одном из маленьких бомбоубежищ в саду. В перерыве между налетами адмирал сказал: «Иногути, вы знали, что капитан 1 ранга Эитиро Дзэ уже просил назначить его командиром подразделения самоубийц? Я думаю, что после возвращения из Рабаула именно он первым предложил использовать эту тактику, совершенно правильно заметив, что в нашем положении просто не остается иного выхода. В то время я не понял, что он имеет в виду, и не мог принять его предложение. Но сегодня я сам пришел к тому же решению и начал претворять его в жизнь».

Раздались новые пулеметные очереди, и адмирал пригнулся, укрывшись за стенкой, после чего продолжил: «То, что мы видим здесь и сейчас, показывает, насколько ошибочной была наша стратегия». После долгой паузы Ониси добавил: «Это совершенно необычное подразделение».

А мне вспомнилась сцена, которая происходила примерно два с половиной года назад. В то время главнокомандующий Объединенным Флотом адмирал Исороку Ямамото еще искал возможность одержать решающую победу. Я тогда служил в Отделе личного состава морского министерства в Токио, возглавляя секцию лейтенантов и капитан-лейтенантов. В один из мартовских дней 1942 года торпедист из штаба адмирала капитан 2 ранга Армима пришел ко мне и заявил: «Мне нужны несколько исключительно способных офицеров».

«И что вы намерены с ними делать?» — поинтересовался я.

«Они необходимы для укомплектования экипажей сверхмалых подводных лодок, предназначенных для атаки портов Диего-Суарес и Сидней».

Я был страшно удивлен и не сумел этого скрыть. «Но разве стоит повторять атаку миджетов, которая была проведена ранее в Пирл-Харборе? Тогда мы согласились на такую операцию, потому что считали, что от нее многое зависит. Но это почти гарантированное самоубийство. Просто возмутительно со стороны старшего командира отдавать такой приказ. Не имеет значения, как велики заслуги адмирала Ямамото, если он обратится к самоубийственной тактике, историки будут проклинать его многие сотни лет».

Арима ответил: «Я думаю, что у адмирала Ямамото есть свои соображения, вам не известные».

«Может быть. Но сама идея выглядит чудовищной. За такие бесчеловечные поступки придется отвечать на небесах».

И вот теперь я, который когда-то назвал идею чудовищной, соглашаюсь с адмиралом Ониси и помогаю ему организовать точно такие же операции. Какая злая ирония судьбы! И все-таки имелись определенные различия. Разве сам адмирал Ониси не сказал только что, что тактика камикадзе совершенно необычная? Японский флот все поставил на успешную оборону Филиппин. Наши базовые самолеты не имели иного способа эффективно помочь надводным кораблям, кроме как используя тактику камикадзе. И я подумал, что при подобных обстоятельствах она может быть приемлема.

Все там же, в маленьком бомбоубежище в Маниле, в промежутках между разрывами бомб, адмирал Ониси продолжил: «Когда 20 октября я вернулся сюда после завершения формирования корпуса специальных атак в Мабалакате, я пошел прямо в штаб Флота Юго-Западного района, чтобы попросить задержать выход соединения адмирала Куриты до тех пор, пока самолеты камикадзе получат возможность атаковать противника. Когда я был в штаб, то узнал, что корабли вышли в море 2 часа

назад. Если бы им был отдан приказ возвращаться, это привело бы к всеобщему хаосу, поэтому я отказался от этой идеи и ушел».

Адмирал Ониси говорил совершенно спокойно. Однако я без труда мог представить, какая буря бушует в его душе, когда он вспоминает потери японского флота вокруг Лейте к этому дню.

Когда вражеский воздушный налет закончился, мы вышли из убежища. Вражеские самолеты повернули на восток и летели в идеальном строю. Их никто не атаковал, им никто не мешал. А над гаванью плыло новое облако густого черного дыма.

Только вопрос времени

Этим вечером я отдыхал прямо в штабе. Неожиданно в темном дверном проеме появился молодой офицер в летном костюме. Он подошел ко мне и сказал: «Я Тада, господин капитан 2 ранга. Здесь ли адмирал Ониси?»

Это был лейтенант Кейта Тада, который окончил Военно-морскую академию в 71-м выпуске. Ему едва исполнилось 20 лет. Я всегда испытывал теплые чувства к молодым выпускникам академии, потому что сам учился там до войны.

«Я рад видеть вас, лейтенант Тада. И что вы делаете здесь в такое время?» — поинтересовался я.

«Я желаю видеть адмирала Ониси».

«Очень хорошо, он на верхнем этаже. Я покажу вам его комнату».

Тада быстро подошел к двери, которую я указал. На пороге он произнес: «Добрый вечер, дядя», и вошел. Его голос звучал совсем неофициально.

Я спустился по лестнице и взял бумаги молодого человека. Его отцом был вице-адмирал Такоэ Тада¹. Тада и

---

¹ Будущий заместитель морского министра. *Прим. авт.*

Ониси учились в одном классе академии и дружили еще с тех самых пор. Их семьи также были очень близки. У адмирала Ониси не было детей, поэтому он любил молодого Таду, как своего собственного сына.

Из приказов лейтенанта Тады я узнал, что он служит в 252-й авиагруппе 2-го Воздушного Флота. Он прибыл на аэродром Николс 23 октября и был зачислен в отряд специальных атак. И теперь он пришел попрощаться.

Было уже 10 часов вечера, и здание штаба погрузилось во тьму, когда два человека спустились по лестнице. В саду адмирал пожелал молодому человеку удачи. Тада поклонился, надел фуражку и ушел.

Старый человек долго смотрел в темноту, не проронив ни слова, а потом, тяжело ступая, пошел обратно. Когда он поднимался по лестнице, я представил, какое горе и отчаяние он должен испытывать, зная, что этот молодой пилот вскоре отправится на смерть.

Так вышло, что на следующий день лейтенанта Таду перевели в другой отряд камикадзэ. Только 19 ноября он вылетел к заливу Лейте, и больше о нем никто ничего не слышал.

Вскоре после этого я улетел на истребителе в Себу. Это место находилось всего в 60 милях от Лейте, поэтому здесь в полной мере ощущалось напряжение боев. Летные полосы работали с полной нагрузкой, самолеты взлетали и садились чуть ли не ежеминутно. Это были разведчики, камикадзэ, истребители сопровождения. Но среди постоянно мелькающих лиц я заметил несколько пилотов, знакомых мне по дням учебы в Военно-морской академии Этадзимы. Например, лейтенанта Кендзо Накагаву, который командовал 165-м отрядом истребителей.

Несколько дней назад противник высадился в Таклобане, и теперь на плацдарм хлынул поток войск и техники, предназначенных для захвата всего острова Лейте. Наша пехота закрепилась на холмах, пытаясь сдержать наступление противника. Однажды вечером я находился на ко-

мандном пункте в Себу, когда прилетела группа из 6 истребителей. Когда командир группы докладывал о прибытии начальнику аэродрома, я узнал его. Это был мой племянник Сатоси Иногути. Вероятно, он также заметил меня, потому что немного позднее подошел в мою комнату. Он только что прилетел с авиабазы Кларк, где приземлился сегодня утром после перелета из Японии. Его отлет из Японии задержался, так как возникли проблемы с подбором 6 самолетов для укомплектования отряда.

Мой племянник учился в академии в одном классе с лейтенантом Тадой. Они закончили академию 15 сентября 1943 года, и большинство выпускников сразу были направлены в центр подготовки летчиков ВМФ. В октябре он получил офицерское звание. Эти 6 самолетов были переброшены на Себу, чтобы войти в состав 165-го отряда истребителей лейтенанта Накагавы.

Я не видел мальчика несколько лет и был счастлив услышать его рассказ о службе после окончания академии. Когда рассказ закончился, он с волнением спросил: «Вы что-нибудь знаете о моем отце?»

Его отец и мой брат капитан 1 ранга Тосихира Иногути в августе 1944 года был назначен командиром линкора «Мусаси» и стоял на мостике этого корабля 24 октября. В этот день соединение Куриты, двигаясь на восток через море Сибуян, было атаковано вражескими самолетами. Они наносили удары от рассвета и до заката. Американцы добились множества попаданий бомбами и торпедами в «непотопляемый» «Мусаси». Его действительно оказалось очень трудно потопить, но ни один корабль не мог выдержать таких ударов. Я уже узнал, что капитан остался на мостике, приказав команде спастись¹.

---

¹ Интересная неувязка. С.Э. Морисон в книге «Leyte», Boston, 1963 год, на стр. 430 сообщает, что линкором «Мусаси» командовал контр-адмирал Дж.Иногути. В книге Акиры Ёсимуры «Battleship «Musashi», New York, 1999 год, говорится о капитане 1 ранга Тосихира Игути. *Прим. пер.*

Я сообщил все это его сыну, добавив: «Я понимаю, почему он пошел на дно вместе с кораблем».

Молодой человек беспомощно вскрикнул и повторил: «Вместе с кораблем». В этот самый день он летел над морем Сибуян, чтобы приземлиться на Себу. Он выглядел просто убитым, и я понял, что он готов стать камикадзе. Я не мог решить, что посоветовать юноше, и в конце концов, решил, что выбор он должен сделать совершенно самостоятельно. Было уже поздно, и зная, что племянник, вероятно, страшно устал, я предложил ему немного отдохнуть. Мы отправились спать.

В полдень 2 ноября разведывательный самолет заметил более 80 вражеских самолетов на аэродроме в Таклобане. Была спешно собрана группа, чтобы атаковать эту соблазнительную цель на следующее утро. В пред-рассветном полумраке над аэродромом поплыли голубые дымки выхлопов, когда 12 истребителей под командованием лейтенанта Накагавы готовились к взлету. Мой племянник, который стоял в пункте управления полетами в обычном мундире, вдруг отлучился на минутку и вскоре появился в полной летной форме. Он вылетел в дверь и побежал к самолетам, часть которых уже вырывалась на взлетную полосу. Когда громкий рев моторов и скользящие по земле черные тени возвестили, что первые истребители уже поднялись в воздух, ошарашенный уоррент-офицер подошел ко мне и сообщил: «Лейтенант Иногути сказал мне: «Я полечу вместо тебя», — и забрал мой самолет».

Когда начало светать, в направлении Таклобана стали видны клубки разрывов зенитных снарядов. Наши самолеты атаковали вражеский аэродром. Я молился за их успех.

Примерно через 30 минут вернулся один наш самолет. Только один! Когда пилот выбрался из кабины, мы увидели, что у него все лицо залито кровью. «Сильнейший зенитный огонь уничтожил нашу группу, когда мы пролетали над горами. Вероятно, наши самолеты были обна-

ружены радаром противника, и его зенитные батареи находились в полной готовности. Не стоит и говорить, что внезапная атака не удалась», — сообщил он.

«Лейтенант Ино...?» Я не договорил. Выражение лица пилота подсказало мне, что спрашивать не о чем.

Это произошло всего лишь через 10 дней после того, как его отец погиб вместе с линкором «Мусаси». А теперь и сын нашел место упокоения не слишком далеко от отца.

ГЛАВА 10

ЖИЗНЬ НА БАЗЕ КАМИКАДЗЭ

Лейтенант Фукабори из 701-й авиагруппы

27 октября, через день после того, как адмирал Фукудомэ согласился с использованием тактики камикадзэ, мой друг Иногути был назначен на новую штабную должность, связанную с организацией подразделений специальных атак. После ужина я сидел на командном пункте в Себу и удивлением услышал, что над летным полем взревел мотор какого-то самолета. Я вышел наружу, чтобы выяснить, кто это. Огоньки на крыльях показывали, что это наш самолет. Я побежал к летному полю и увидел, что там готовятся осветить затемненную посадочную полосу, чтобы самолет мог сесть.

Освещение посадочной полосы на этом фронтовом аэродроме было самым примитивным. Аккумуляторные фонари использовались только для подачи сигналов садящимся ночью самолетам. Чтобы очертить полосы, мы просто расставляли вдоль нее на равных интервалах солдат, каждый из которых держал керосинку. По сигналу с командного пункта солдаты зажигали лампы... Эту операцию следовало тщательно рассчитывать по времени, чтобы керосинки загорались как раз перед тем, как самолет коснется земли, и гасли, едва он сядет. Затянувшееся ос-

вещение полосы могло привлечь внимание противника, которые прилетали почти каждую ночь.

Как только мы приготовились осветить полосу, появились 2 вражеских самолета. Наш летчик, не подозревая о присутствии противника, несколько раз просигналил: «Подготовьтесь к посадке!» Американские пилоты в свою очередь совершенно не замечали наш самолет и его отчаянные попытки сесть. Когда противник немного удалился от аэродрома, мы поспешно зажгли лампы, чтобы самолет мог сесть. Но освещение привлекло оба вражеских самолета обратно, и нам пришлось погасить лампы и бежать в укрытия. Противник в конце концов сбросил несколько бомб вдали от аэродрома и улетел. После этого я просигналил с командного пункта, что теперь можно сажать самолет. Лампы загорелись, и сбитый с толка пилот, описав еще один круг, благополучно приземлился.

Пилота звали Наодзи Фукабори, вскоре он пришел на командный пункт, чтобы доложить мне. Он был из 701-й авиагруппы 2-го Воздушного Флота, и сегодня утром был назначен командиром 2-го корпуса специальных атак камикадзе. Его отряд вылетел с аэродрома Николс, чтобы разыскать вражеские корабли рядом с островом Лейте. По пути Фукабори обнаружил, что взрыватель его бомбы неисправен, и приземлился в Легаспи, чтобы исправить поломку. Когда это было сделано, он снова взлетел, но когда самолет Фукабори прибыл к заливу Лейте, солнце уже садилось. В темноте пилот не сумел обнаружить цели и полетел в Себу.

Этот рапорт был отдан самым обычным, невозмутимым тоном. В заключение Фукабори сказал, что хотел бы вылететь рано утром, чтобы завершить выполнение боевой задачи. Он совсем не был похож на человека, который только что вернулся после неудачного самоубийственного вылета и жаждал заполучить другой шанс закончить с жизнью.

Вслушав его доклад, я сказал: «Ну, хорошо, вы протараните противника самостоятельно завтра утром. Но не

лучше ли будет вернуться на базу и дожидаться случая провести скоординированную атаку с другими камикадзе?»

Я напомнил ему, что одиночный самолет камикадзе имеет гораздо меньше шансов прорваться к цели, чем когда летит в составе группы в сопровождении эскорта. Он сидел молча, пока я говорил. Мы оба знали, что в обязанности каждого пилота-камикадзе входит сделать все, что только от него зависит. Фукабори глубоко задумался. Затем он заговорил, тихо, но совершенно твердо: «То, что вы говорите, совершенно правильно. Но мои товарищи уже провели свои атаки. Я последую за ними завтра».

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я уже не пытался переубедить его. Вероятно, Фукабори хорошо выспался, потому что на следующее утро выглядел свежим и хорошо отдохнувшим, когда пришел на командный пункт. Я спросил, успел ли он позавтракать. Он кивнул и сказал: «Они даже успели выдать мне ленч. А вы позавтракали?» Спокойствие и невозмутимость, с которыми он говорил, придавали особый смысл этим простым словам. Я никогда не забуду их.

Он выразил нам благодарность за то гостеприимство, которое встретил в Себу, и передал мне письменный рапорт, чтобы переслали его в Мабалакат. Было еще темно, когда он взлетел на своем пикировщике «Джуди» в сопровождении 4 истребителей.

Когда истребители вернулись, их пилоты так и не смогли сказать ничего определенного. Они оставили Фукабори незадолго до того, как группа прилетела к заливу Лейте, и не видели его последнего пике. Как раз в то время, как его самолет должен был появиться над заливом, пилоты увидели, как небо заполнили разрывы зенитных снарядов.

Я думаю, что атака Фукабори была успешной¹.

---

¹ 28 октября 1944 года в заливе Лейте попаданием камикадзе был поврежден легкий крейсер «Денвер». *Прим. авт.*

Его последний рапорт был образцом подлинной скромности:

«27 октября 1944 г.

Кому:

Командиру 701-й авиагруппы, аэродром Николс,
Капитан-лейтенанту Эма, аэродром Мабалакат-Восточный

Сегодня я совершил вынужденную посадку в Легаспи из-за проблем с взрывателем моей бомбы. После того, как неполадка была устранена, я присоединился к своей группе, и мы проследовали к заливу Лейте, куда прибыли в 18.50. Мы кружили над заливом на высоте 1000 метров, но солнце уже село, поэтому увидеть вражеские корабли не удалось. На их присутствие указывал плотный зенитный огонь. 2 самолета, находившиеся со мной, кажется, спикировали на противника, но света было слишком мало, чтобы найти заслуживающие внимания цели. Поэтому я отменил атаку и направился на аэродром в Себу.

Благополучно приземлился в Себу примерно в 20.30. Я намерен вылететь отсюда рано утром на следующий день и найти подходящую цель для атаки. Я сделал следующие выводы, которые перечисляю в надежде, что они будут полезны тем, кто последует за мной.

1. Взрыватель бомбы следует тщательно проверять перед вылетом.

2. Самолет с подвешенными одной 250-кг и четырьмя 60-кг бомбами может лететь со скоростью 125 узлов. Это обязательно необходимо учитывать при расчете времени вылета. Определить класс корабля становится сложно, если самолет прибыл в район атаки в 18.20 или позже. С воздуха трудно найти цель даже при ярком лунном свете.

3. Если правильно рассчитать время прибытия в сумерках, то я полагаю, что даже авианосный пикировщик типа «Вэл» сможет успешно выполнить специальную атаку.

4. Я рекомендую проводить атаки на рассвете, используя Себу как аэродром подскока. При атаке на рассвете

шансы столкнуться с истребителями противника меньше, дополнительные запасы топлива на самолете увеличивают силу удара.

5. Кроме того, не следует терять терпение. Выжидайте, пока условия для атаки не станут благоприятными. Если пилот потеряет терпение, он может спикировать на малозначимую цель.

Наодзи Фукабори

Постскриптум: Высокий дух наших пилотов заставляет меня верить, что престиж империи не пострадает. Наши пилоты молоды, но их поведение великолепно. Нет необходимости беспокоиться о подборе пилотов-камикадзэ. Я желаю вам удачи и здоровья. Прощайте».

Отдых пилотов

Во время отчаянных боев с использованием столь жестокой тактики, какой же была атмосфера на наших аэродромах, где пилоты-камикадзэ ожидали своей очереди на вылет? Как командир летного состава в Мабалакате и Себу я общался с большинством этих пилотов и потому могу честно сказать, что я не замечал у них никаких следов подавленности и грусти. Например, вечеринки с выпивками были совершенно обычными.

Как-то в середине ноября гарнизон Себу подарил дюжину бутылок сакэ пилотам корпуса специальных атак. Пилоты-камикадзэ воздерживались от выпивки, если существовала вероятность того, что им предстоит отправиться в полет. Однако поблизости не было замечено никаких вражеских соединений, поэтому я приказал доставить подарок в общежитие.

После ужина на командный пункт прибежал посыльный с сообщением, что меня приглашают на вечеринку. Лейтенанта Канно, который еще не залечил рану ноги,

также пригласили, и его принесли на плечах несколько улыбающихся пилотов. Стол был завален множеством всяких деликатесов, сакэ лилось рекой. Для прифронтового района такая вечеринка была просто великолепной, и все мы прекрасно провели время.

Один пилот, который уже успел хорошо набраться, огорошил меня, когда подошел и спросил: «Когда я совершу специальную атаку? Почему вы до сих пор не отправили меня?»

Его вопрос подтолкнул вмешаться соседа: «Меня зачислили в корпус специальных атак, когда его только формировали, однако добровольцы, пришедшие позднее, уже сделали свое дело. Сколько мне придется еще ждать?»

Ответ на эти вопросы я должен был найти немедленно, и тут меня осенило. «Ты помнишь, как самый знаменитый из величайших японских воинов Масасигэ Кусуноки накануне своей последней битвы вызвал к себе своего сына-воина и приказал ему отправляться домой к матери? Рано или поздно настанет время каждого из нас. Специальные атаки самого различного характера будут продолжаться, пока не установится мир во всем мире. Поэтому, ребята, думайте о себе как о первых среди многих и не жалуйтесь, что вы отправляетесь на задание на пару дней позже кого-то другого».

Они кивнули, однако первый летчик все-таки заметил: «Да, я понимаю, что вы хотите сказать. Но я думаю, что все-таки лучше быть **старшим Кусуноки**».

Тема беседы сменилась, когда один из пилотов спросил: «А существует ли субординация согласно званиям в храме Ясукуни?»

Я ответил: «В храме Ясукуни нет никакой табели о рангах. Первенство полностью определяется временем прибытия».

«В таком случае я обойду вас, господин капитан 2 ранга, потому что вам предстоит послать в полет многих перед тем, как вылететь самому».

«А что мы сделаем с капитаном 2 ранга, когда он появится в Ясукуни?» — спросил кто-то.

«Давайте назначим его дежурным по кухне!» — За этим последовал взрыв хохота.

Немного позднее я решил покинуть вечеринку. Двое или трое пилотом вышли следом за мной, и тут же начали упрашивать выбрать их для специальных атак как можно скорее. Часть товарищей услышала их просьбы и принялась кричать: «Нечестно! Нечестно! Никаких любимчиков!» Эти странные слова затерялись в общих криках, но я не мог их забыть.

Новые пилоты, которые прибывали на замену отправившимся в полет, также горели желанием ринуться в бой. Нам не требовались какие-то специальные меры для подъема боевого духа. Но в Мабалакате, Себу и во всех других пунктах базирования камикадзэ новичкам следовало не только рассказать о важности их задачи, но и ознакомить их с расположением и состоянием наших авиабаз на Филиппинах. Обычно я читал эти лекции среди высоких кустов на краю аэродрома. Туда даже притащили большую грифельную доску. Однако иногда лекцию приходилось читать в плохо освещенном помещении казармы. И почти всегда их сопровождал рев моторов вражеских самолетов где-то в небе.

Многие пилоты корпуса специальных атак отправлялись в полет в тот же самый день, когда их зачисляли в корпус. Никто не мог предугадать, что произойдет завтра. Летчики внимательно изучали обстановку, задавали мне вопросы, которые выказывали их искреннюю заинтересованность. В их отношении к делу не было ни малейшего признака подавленности и сожаления. Они оставались по-прежнему веселыми и общительными, когда собиралась компания, и такими же старательными в работе. Они просто были людьми, которые старались выполнить свой долг.

На каждой лекции появлялись новые лица и пропадали старые. Инструктор и предмет лекции оставались прежними, но аудитория постоянно менялась. Поэтому я заметил одно лицо, которое мелькнуло несколько раз. Это был энсайн Ёносукэ Игути, которого перевели к нам в

201-ю авиагруппу из отряда специальных атак «Дзимму» Второго корпуса камикадзэ. Ранее он был штурманом авианосного пикировщика «Джуди», а теперь начал службу в Первом корпусе камикадзэ.

Каждый раз на моей лекции он устраивался в заднем ряду и старательно записывал все, что я рассказывал. Когда я кончал говорить и летчики начинали задавать вопросы, Игути неизменно находил, о чем спросить. Его многочисленные посещения и повышенное внимание не оставляли сомнений, что летчик желает быть в курсе всего и не собирается оставлять на волю случая ни малейшей детали.

Вечером 13 декабря самолеты-разведчики обнаружили в проливе Суригао крупное вражеское соединение, идущее на запад. Было ясно, что противник, закрепившись в Таклобанае на острове Лейте, подготовил новую десантную операцию. После этого сообщения на командном пункте в Мабалакате началась лихорадочная активность. 7 истребителей «Ирвинг» и 4 гидросамолета-бомбардировщика утром следующего дня были подняты в воздух, чтобы обнаружить противника у острова Негрос. Хотя поиски результатов не дали, было решено поднять ударную группу для атаки невидимого противника. В этот день мы подготовили самую мощную атаку корпуса. Группа обеспечения состояла из 2 разведывательных самолетов «Мирт», которые должны были провести разведку перед самой атакой, 13 истребителей «Зеро» и 23 истребителей «Джордж», которые должны были прикрывать камикадзэ. Первый отряд специальных атак состоял из 17 истребителей «Зеро», второй отряд — из 3 пикировщиков «Джуди», третий — из 6 истребителей «Фрэнсис». 2 «Зеро» должны были проверить результаты атаки. Энсайн Игути должен был командовать второй группой камикадзэ, он летел на самолете, который пилотировал унтер-офицер 2 класса Такедзэ Такебэ.

Одновременно приказ на вылет получили истребители «Зеро», базирующиеся на аэродроме Мабалакат-Западный, и пикировщики «Джуди» на аэродроме Мабалакат-

Восточный, которые находились в 2 километрах от командного пункта. Самым главным был немедленный взлет. Я прекрасно помню, как Игути собрал своих людей и помчался к восточному аэродрому. «Зеро» еще поднимались в воздух, когда прилетело звено пикировщиков, идущих в сомкнутом строю. Все самолеты собрались вместе и в 07.30 направились к цели.

Предполагалось провести поиск неприятеля у острова Негрос и в море Минданао, начиная от Думагета на юго-восточной оконечности Негроса, и атаковать противника сразу, как только он будет обнаружен. Однако группе пришлось рассеяться, так как она столкнулась с вражескими истребителями над Батангасом, в 50 милях южнее Манилы. Попыткам восстановить строй помешала плохая погода, и самолеты не сумели найти вражеские корабли. Вечером им пришлось садиться на первых попавшихся аэродромах, и только половина из них вернулась на базу на следующий день.

Но это неблагоприятное стечение обстоятельств ничуть не обескуражило Игути. Он продолжал лететь указанным курсом, несмотря на плохую погоду. Позднее он передал радиограмму: «Противника вокруг Думагета нет. 11.50». Мы решили, что он должен повернуть назад, поэтому его следующая радиограмма просто потрясла нас. «Бомба не хочет отделяться!»

Было ясно, что Игути продолжал поиск противника, несмотря на плохую погоду, но безуспешно. Он уже поставил бомбу на боевой взвод, так как намеревался таранить американский корабль, а теперь пытался избавиться от бомбы, чтобы приземлиться в Себу.

Игути и его пилот испробовали все способы избавиться от бомбы. Следующая радиограмма гласила: «Мы атакуем противника в заливе Лейте». Тогда нам стало ясно, что они так и не сумели сбросить бомбу. После очередной радиограммы: «Мы над заливом Лейте. 12.25» все находившиеся на командном пункте начали возносить молитвы за успех Игути. Он совершенно спокойно радировал:

«Вражеских истребителей в воздухе нет». Поэтому мы были уверены, что он готовится совершить последнее пикирование.

Голос Игути был на удивление тихим и спокойным. Но если нет вражеских истребителей, то зенитный огонь должен быть особенно плотным. Мы, затаив дыхание, смотрели на репродуктор. «Мы пикируем. 12.37. *Тэнно хэйка банзай!*»

Из этих сообщений видно, насколько высоким было чувство долга наших летчиков. Однако более важным было то, что энсайн Игути и унтер-офицер Такебэ абсолютно все делали правильно. Оторвавшись от товарищей во время воздушного боя, попав в зону плохой погоды, не сумев сбросить взведенную бомбу, они не растерялись. Игути знал, насколько ему хватит топлива и где найти цель. Тщательная подготовка операции принесла плоды. И мы все верили, что он достиг того результата, которого желал.

Моральный дух

Анализируя отношение этих людей к происходящему, следует помнить, что они считали атаки камикадзе составной частью своих обязанностей. Довольно часто мне приходилось слышать такие высказывания: «Когда мы стали солдатами, то отдали свои жизни императору. Когда мы отправляемся в полет, мы твердо уверены, что, выполняя свое обещание умереть за него, мы помогаем разбить врага. Поэтому «специальная атака» — не более чем просто название. Эта тактика, хотя и необычная по форме, просто еще один способ исполнить наш долг военных».

Это мнение было всеобщим, и его разделяли все пилоты 201-й авиагруппы на Филиппинах. Их вылеты происходили обыденно. Не было ни театральных жестов, ни истерик. Они просто выполняли свой долг.

Обычно камикадзе поднимались в воздух вскоре после обнаружения вражеского соединения. Давайте представим, что самолет-разведчик обнаружил противника в 08.00. Ра-

диограмма сразу отправляется в штаб в Манилу, где выбирают, с какого аэродрома будет нанесен удар. Обычно это занимает до 2 часов. К тому времени, когда пилоты будут подняты по тревоге и получают инструктаж, техники готовят самолеты и те взлетят, пройдет еще около 2 часов. Это означает, что от момента обнаружения до вылета отряда специальных атак пройдет примерно 4 часа.

Это довольно много, и потому пилоты получали завтрак в специальной упаковке. После получения сообщения о замеченных силах противника моя обычная работа на аэродроме практически прекращалась до момента взлета самолетов. Я должен был готовить вылет. Когда я прибежал, чтобы проинструктировать пилотов, они видели, как я замотан и устал, а потому то один, то другой предлагал свой завтрак мне.

Пока летчики ждали моих инструкций, они тихо переговаривались между собой, и я слышал замечания, вроде: «А что, если целиться в трубу авианосца? Это может быть очень эффективное попадание, так как трубы слабо защищены».

«Да, но трубы обычно изогнуты, поэтому в них сложно попасть».

Такие разговоры больше напоминали обсуждение мест удачной рыбалки, чем анализ места встречи со смертью. Глядя на пилотов 201-й авиагруппы, я был убежден, что их боевой дух вполне соответствует той задаче, которую им предстоит выполнить.

Когда начала разворачиваться программа специальных атак, люди старались приложить все свои силы, чтобы обеспечить ее успех. Особенное рвение проявляли механики. Они часто высказывали опасения за исправность подготовленных ими самолетов. Плохо подготовленный самолет означал сорванное задание. Если он вернется на базу из-за какой-то поломки, пилот будет страшно разочарован. Видя чувства летчиков в подобных случаях, наземный персонал делал все возможное и невозможное, чтобы содержать самолеты в идеальном

состоянии. Иногда перед самым вылетом пилот прибежал ко мне и просил: «Дайте мне другой самолет! У этого неисправен мотор!»

В таких случаях не было времени готовить другую машину, так как отряд не мог ждать. Я старался придумать хоть какое-то объяснение, чтобы втолковать разочарованному пилоту, что ему придется забыть о сегодняшнем вылете. «Другие уже улетели. Вы просто не сумеете догнать их. Мне очень жаль, но я ничем не могу помочь. Идите отдыхайте. Наверное, это жест божественного провидения. В следующий раз вам повезет больше».

Мне всегда было больно смотреть на пилота, не сумевшего вылететь по приказу. Он молча уходил и следил, как его товарищи исчезают вдаль. Никакие слова не могли его утешить. Один корреспондент сказал мне, что нет более жалостного зрелища на земле, чем такой летчик. Но ничуть не менее жалко было смотреть на механиков, которые допустили оплошность.

Механики и техники работали практически круглосуточно. Однажды я собрал их, чтобы выразить свою благодарность за прекрасную работу, и посоветовал хотя бы изредка отдыхать. Я напомнил, что война еще будет продолжаться много месяцев, поэтому им крайне важно отдыхать, что не обессилеть окончательно. Но механики ответили, что я могу не беспокоиться о них. «Мы можем валяться в тени самолета, потому что днем все равно больше нечего делать», — сказал один.

Но наземному персоналу приходилось не только ремонтировать и обслуживать самолеты. Люди также засыпали бомбовые воронки и расчищали взлетные полосы от осколков после каждого вражеского налета. Если такой осколок оставить на полосе, он может проткнуть шину самолета. Так как противник совершал налеты ежедневно, расчищать полосы приходилось очень часто.

У нас был один авиамеханик, который долго и тщательно чистил кабину каждого самолета, предназначенного камикадзе. Он считал, что самолет становится гро-

бом летчика, а потому в нем не должно быть ни единого пятнышка. Один из пилотов был так поражен этой заботой, что специально вызвал механика и поблагодарил его, сказав, что чистота в кабине очень много для него значит. На глазах механика заблестели слезы, он не мог говорить. Однако когда самолет выруливал для последнего взлета, механик долго шел рядом, держа за крыло.

Когда самолеты возвращались на аэродром после вылета — те, которые возвращались, — их встречал наземный персонал. Как только пилот выпрыгивал из кабины, механики на руках закатывали самолет на место замаскированной стоянки, чтобы укрыть от вражеских налетов. Иногда ремонт и заделка пробоин начинались еще до того, как пилот успевал прибыть на командный пункт для доклада. Меня всегда удивляла скорость работы этих людей и их энтузиазм. Такое же рвение проявляли буквально все, находившиеся на базе, в том числе медики и служба снабжения, которые обычно прямо не участвуют в обеспечении боевой деятельности. Но все люди стремились нам помочь и прилагали максимум усилий, словно каждый из них был пилотом-камикадзе.

Однажды меня пригласили осмотреть макет самолета, который сколотили плотники в своей мастерской. Мы расставляли эти макеты в качестве приманки для вражеских летчиков. Выкрашенный темно-зеленой краской, с красными кругами на крыльях и фюзеляже, он выглядел совсем как настоящий истребитель «Зеро». Я окрестил эту модель «Изделием Себу № 1» и спросил плотника, как быстро они могут строить такие «самолеты».

Он ответил: «Мы можем делать по две штуки в день».

«Отделение Себу авиастроительного завода ВМФ в месяц производит до 60 самолетов», — сказал я, немало развеселив плотников.

Несколько этих фальшивых самолетов были расставлены вдоль старой взлетной полосы и небрежно укрыты листьями и травой. Это должно было произвести впечатление, что самолеты старались замаскировать, но не очень

аккуратно. Я следил за работой в бинокль с веранды командного пункта. Все выглядело очень реалистично.

Тем временем наши настоящие самолеты, отлично замаскированные, стояли глубоко в лесу и у подножья гор. Даже кончики пропеллеров были старательно укрыты. Дорожки, ведущие от летного поля к стоянкам, также были тщательно замаскированы, чтобы их нельзя было обнаружить с воздуха.

После того как эти приготовления завершились, мы с нетерпением стали ждать очередного вражеского налета. Это было странно, так как обычно мы такие налеты ненавидели и боялись их. Особенно волновались плотники, строившие макеты.

Когда наконец прозвучал сигнал воздушной тревоги, я начал гадать, какая же часть аэродрома подвергнется удару. Когда американские «Хеллкэты» появились над горами к западу от Себу, не осталось сомнений, что они заглотили приманку. Вражеские истребители раз за разом яростно обстреливали фальшивки, не обращая внимания на наш зенитный огонь. Я следил за ними из безопасного убежища и улыбался, глядя, как американцы ожесточенно уничтожают макеты. Мне даже было немного жаль пилотов, которые рисковали жизнью ради этих ложных целей.

Под некоторыми макетами были расставлены канистры с бензином, но почему-то ни одна не загорелась. После обстрела последовала бомбежка, а потом налет закончился. Половина наших ложных самолетов была повреждена пулеметным огнем, а один совершенно уничтожен. Уловка достигла цели.

Производство фальшивок продолжалось, и они исправно обманывали противника. Но выиграть этим войну мы не могли.

ГЛАВА 11

Октябрь 1944 — январь 1945 года

ПОСЛЕДНИЕ ОПЕРАЦИИ НА ФИЛИППИНАХ

Формирование второго корпуса камикадзэ

После провала операции «СЁ» и гибели половины флота адмирала Куриты первоначальная цель формирования корпуса специальных атак — обеспечение прорыва Куриты в залив Лейте путем нейтрализации американских авианосцев — отпала. Однако корпус не был распущен, и использование самоубийственных таранов не прекратилось.

Новой целью корпуса камикадзэ стало взаимодействие с армией, которая пыталась уничтожить высадившиеся вражеские войска после того, как не удалось ликвидировать плацдармы в момент высадки. Оценив ситуацию, командование японских войск на Филиппинах решило, что вражеские войска на Лейте можно удержать, если обороняющая остров 16-я пехотная дивизия получит достаточно подкреплений. Поэтому, начиная с ноября, действия японской авиации были направлены на поддержку доставки подкреплений гарнизону Лейте. Для этой цели

японские самолеты сосредоточили свои атаки на транспортных противника, пытаясь нарушить его перевозки. Сначала все усилия камикадзе были направлены против вражеских авианосцев, но теперь было решено, что и транспорты также заслуживают внимания.

Поэтому морская авиация была использована для поддержки действий армии.

Однако в 1-м Воздушном Флоте осталось не более 50 самолетов еще до того, как начались специальные атаки. Вскоре он полностью израсходовал свои силы, как и 2-й Воздушный Флот. Однако, несмотря на продолжающиеся отважные атаки пилотов-камикадзе, вражеские авианосные соединения продолжали крейсировать в водах к востоку от Лейте. Они поддерживали свои войска на плацдарме в Таклобане, которые быстро строили временные аэродромы. Вскоре стало ясно, что в любое время можно ожидать высадки нового американского десанта.

В конце октября и начале ноября японская базовая авиация понесла очень тяжелые потери, поэтому стало ясно, что немедленно требуются пополнения. В Японии командование прилагало все силы, чтобы отправить на юг как можно больше самолетов для пополнения потрепанных эскадрилий на филиппинских аэродромах. Однако вице-адмирал Ониси, занимавший пост начальника штаба базовой авиации флота, был убежден, что любые действия, использующие обычную тактику, совершенно бесполезны. В начале ноября он спешно вылетел в Токио, чтобы лично проинформировать Генеральный штаб и командование Объединенного Флота о критической ситуации, сложившейся на Филиппинах. Он намеревался потребовать 300 самолетов для оснащения корпуса специальных атак. Ониси верил, что, имея 300 самолетов, он сумеет помешать противнику высадиться на Лусоне.

Так как я входил в состав штаба адмирала, то сопровождал его во время полета в Японию. Я должен с грустью отметить, что к этому времени страшное напряжение военного времени начало сказываться на здоровье адми-

рала. Он чувствовал себя настолько плохо, что во время обратного перелета его доставили на борт бомбардировщика «Бетти» на носилках.

Императорскую ставку наконец-то удалось убедить, что положение сложилось действительно отчаянное. Однако, несмотря на это, найти 300 самолетов для Филиппин не удалось. Отчаянными усилиями удалось наскрести в учебных центрах Омур, Гензана, Цукубы и других не более 150 машин. Эти самолеты пилотировали энсайны резерва, ни один из которых не имел и 100 часов налета, курсанты и инструкторы. Все они были переданы 1-му Воздушно-му Флоту, сведены в новый корпус специальных атак и переброшены на Формозу для прохождения специальной подготовки.

Поэтому, когда адмирал Ониси возвращался на Филиппины, я долетел вместе с ним только до Формозы, где должен был организовать тренировку новых пилотов-камикадзе. Именно их подготовка стала моей главной обязанностью. К тому времени, когда первые отряды прибыли на Формозу, на аэродромах Тайчу и Тайнаня, которые должны были стать основными учебными базами, все было уже готово.

Вводный курс и тактика

Вводный курс новых пилотов корпуса камикадзе занимал всего лишь 7 дней. Первые 2 дня они проводили, отрабатывая только взлет, то есть период от момента поступления приказа на вылет до того, как все самолеты будут в воздухе и построятся. Следующие 2 дня посвящались отработке полета группой, хотя продолжало уделяться внимание взлету. Последние 3 дня были отданы в основном изучению и отработке приближения к цели и атаке. Но и сюда, опять-таки, включались взлет и групповые полеты. Если бы позволяло время, этот курс обязательно был бы повторен.

Первые 2 месяца операций камикадзэ показали, что определенные методы атаки позволяют добиться более высокого процента попаданий. Особый упор делался на то, чтобы пилоты использовали все возможные преимущества. Далее мы приведем кое-какие особенно важные нюансы.

Подход к цели

Мы обнаружили, что для таких легких и скоростных самолетов, как истребитель «Зеро» и пикировщик «Джуди», при специальных атаках наиболее эффективными являются 2 метода подхода к цели. Это следует делать либо на максимально большой, либо на максимально малой высоте. Хотя с точки зрения точности штурманской работы и обеспечения максимальной видимости полет на средних высотах идеален, но в данном случае приходилось принимать во внимание иные соображения.

Большие высоты (от 6000 до 7000 метров) были предпочтительны, потому что позволяли уклониться от вражеских истребителей. Самолет на такой высоте нелегко заметить с поверхности моря. Хотя вражеский радар мог засечь наши самолеты на большом расстоянии, истребителям требовалось время, чтобы набрать высоту и выйти в атаку. Кроме того, чем больше высота, тем сложнее действовать перехватчикам. Выше 4000 метров воздух становится разреженным, и пилот должен пользоваться кислородной маской. На высоте 7000 метров способность пилота сражаться резко снижается, так как он не может точно целиться. На этой высоте проблемы с кислородной маской могут привести к тому, что пилот потеряет сознание и управление самолетом. Все эти факторы делают подход на большой высоте наиболее выгодным с точки зрения уклонения от вражеских истребителей.

При подходе на сверхмалых высотах наши самолеты должны держаться над самой поверхностью моря, чтобы

избежать обнаружения радаром. В конце 1944 года считалось, что вражеский радар имеет дальность обнаружения более 100 миль для высотных целей и менее 10 миль для низколетящих целей. Воздушному патрулю обнаружить визуально самолеты, скользящие над самой водой, исключительно сложно, что также снижает вероятность перехвата вражескими истребителями.

Во время боев на Филиппинах в октябре и ноябре мы с успехом использовали оба метода. Когда имелись несколько атакующих отрядов, подходы на больших и малых высотах с различных направлений использовались одновременно. Когда появлялась цель, самолеты всех отрядов стягивались к исходной точке для последнего пике.

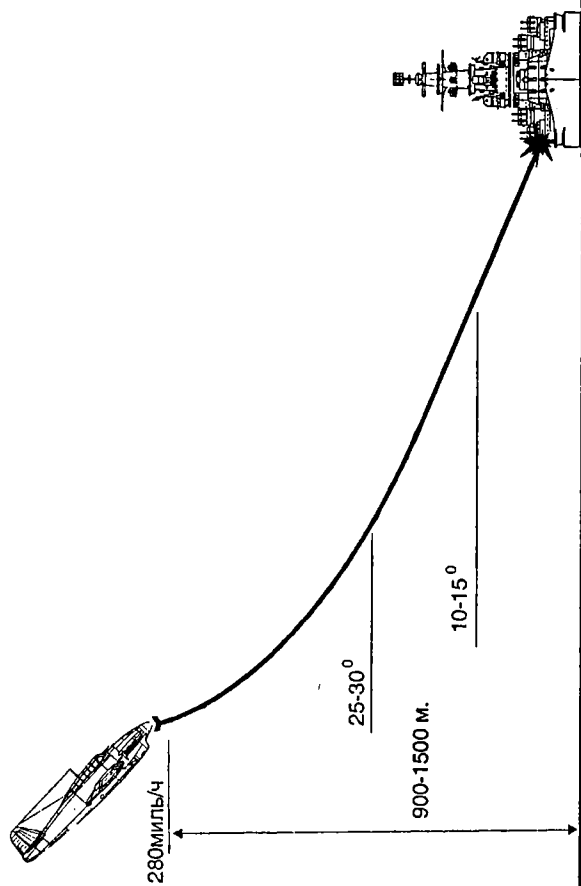
Угол атаки

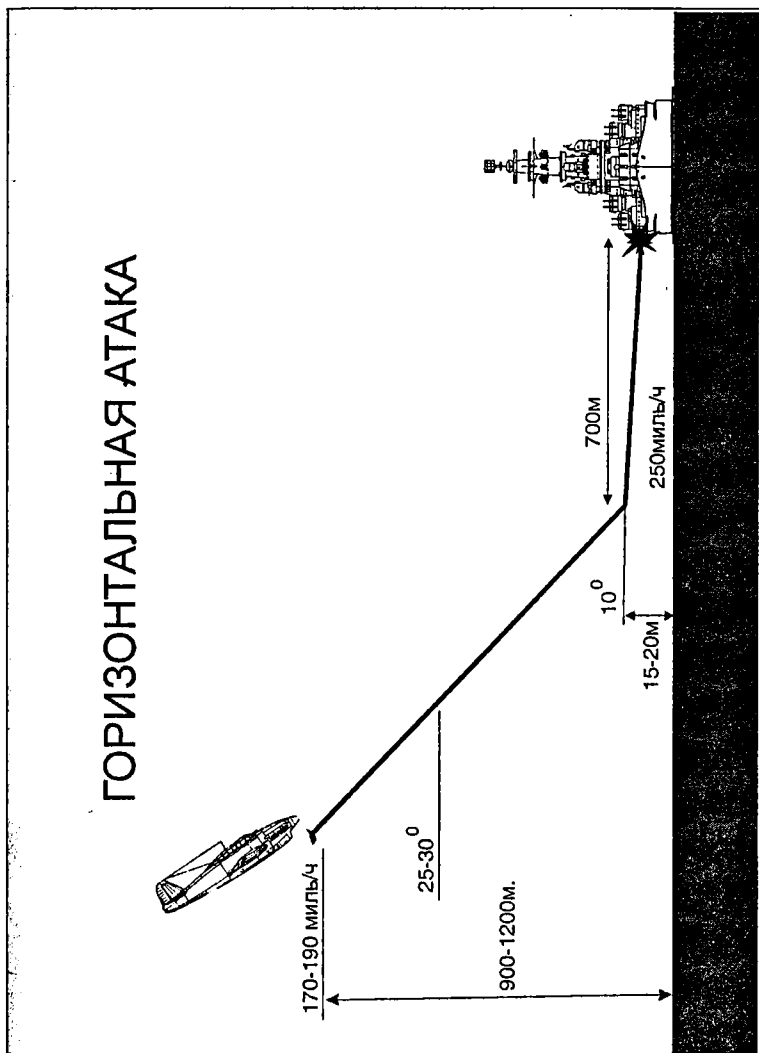
При подходе на большой высоте следовало проявлять осторожность, чтобы угол пикирования на последней фазе атаки был не слишком велик. При долгом крутом пикировании ускорение нарастает слишком быстро, самолет становится трудно управлять, и пилот может потерять контроль над ним. Поэтому особенно важно держать минимальный необходимый угол пикирования, тщательно учитывая направление ветра и перемещения цели.

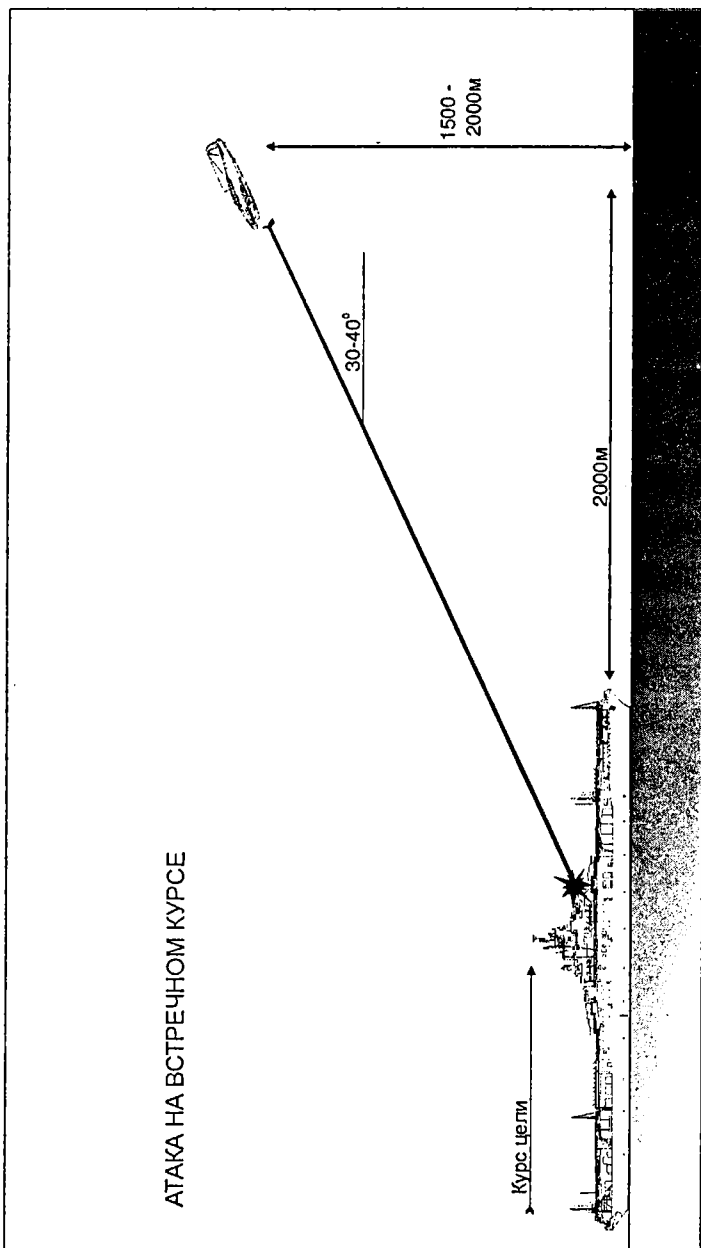
Самолет, который идет к цели на малой высоте, обнаружив вражеский корабль, должен резко подняться до 400—500 метров, прежде чем спикировать на цель. Такой метод требовал высокого летного мастерства, потому что пилот должен был направить свой самолет на палубу вражеского корабля, чтобы попадание было максимально эффективным.

Приведем один пример. Однажды отряд из нескольких истребителей «Зеро» вылетел из Себу. Держась на малой высоте, самолеты сделали большой крюк и через пролив Суригао вышли к Таклобану. Возле Дулага они внезапно

АТАКА С ПИКИРОВАНИЯ

заметили вражеский крейсер. Один из самолетов резко набрал высоту и спикировал почти вертикально на этот корабль. Крейсер разломился пополам и затонул. Так как об этой атаке сообщили самолеты, летевшие на большой высоте, атакованный корабль мог быть эсминцем, а не крейсером¹. Однако его быстрая гибель подтвердила эффективность удара по палубе под большим углом.

Точка прицеливания

При атаке авианосца наилучшей точкой прицеливания был центральный элеватор, либо точка в одной трети длины корабля, считая от носа. Достаточно хорошими точками прицеливания считались носовой и кормовой элеваторы — это наиболее уязвимые места авианосца. Уничтожение элеваторов неизбежно выводило корабль из строя. При атаке других классов кораблей следовало целиться в основание мостика, где расположен «мозг» корабля. Прямое попадание туда почти наверняка приводило к потере управления и выводило корабль из боя. При атаке эсминцев и других малых кораблей следовало целиться между мостиком и миделем. Попадание в эту точку часто становилось роковым для корабля. Малые военные корабли и транспорты, которые не имели бронированных палуб, были крайне уязвимы для воздушных атак. Одно прямое попадание камикадзе могло отправить такой корабль на дно.

---

¹ Камикадзе не потопили ни одного корабля крупнее эсминца.
Прим. пер.

Выбор цели

Если бы мы не испытывали нехватки самолетов, то для атаки большого авианосца отправляли бы по 4 камикадзэ: 2 для удара по центральному элеватору и по одному для носового и кормового. В теории 2 или 3 самолета считались идеальным составом ударной группы для атаки эскортного авианосца. Однако на практике мы столкнулись с тем, что у противника было слишком много авианосцев, а у нас — слишком мало самолетов, чтобы выполнить эти требования. Поэтому мы обычно отправляли по одному самолету для атаки каждого авианосца, надеясь на удачное прямое попадание.

При подготовке камикадзэ особый упор делался на правильный выбор цели. Когда целей слишком много, крайне важно выбрать самую ценную. Например, 30 октября отряд камикадзэ вылетел из Себу, чтобы атаковать вражеское авианосное соединение, находившееся в 40 милях от острова Сулуан по пеленгу 150°. В 14.30 эти самолеты обнаружили 3 американских авианосца и 1 линкор на SSO от острова Сулуан. Из 3 ударных самолетов первой группы 2 врезались в большой авианосец, а один — в средний. После того как подтвердились эти 3 попадания, в атаку пошла вторая группа из 3 камикадзэ. Один из них снова врезался в большой авианосец, второй — в малый авианосец, третий — в линкор. Большой и средний авианосцы потеряли ход и стояли, извергая огромные клубы дыма, маленький авианосец и линкор получили тяжелые повреждения¹.

Это был прекрасный пример правильного выбора целей. Требовалось приложить максимальные усилия, чтобы добиться от пилотов такой же правильной оценки ситуации.

---

¹ В этот день атаками камикадзэ были повреждены авианосец «Фрэнклин» и легкий авианосец «Белло Вуд». *Прим. авт.*

Взлет

При проведении специальных атак очень важно, чтобы пилот, поднимая свой самолет в воздух, имел максимум информации и следовал к цели на предельной скорости. Хорошо замаскированный самолет, припаркованный в стороне от взлетной полосы, редко получает повреждения при налете вражеской авиации. Но когда камуфляж снят и самолет подготовлен к взлету, он отчетливо виден и становится таким же уязвимым, как сидящая на воде утка. Даже после того как пилот-камикадзе поднимется в воздух, он все равно остается уязвимым для вражеских атак, так как 250-кг бомба сковывает самолет, снижает скорость и маневренность. Поэтому пилоты-камикадзе особенно тщательно отработывали взлет, чтобы успеть набрать высоту и скорость.

Моральный дух летчиков-камикадзе был исключительно высоким, поэтому некоторые отправлялись в полет, хотя моторы их самолетов имели неисправности. Это было откровенной глупостью, которая приводила к невыполнению задания, вынужденным посадкам и повреждению самолетов. Чтобы не допустить подобных неумных порывов, пилотам не раз повторяли, что они должны тщательно проверять самолеты и немедленно сообщать о любой неисправности.

При взлете на тяжело нагруженном самолете важно не поднимать его нос слишком рано и плавно действовать ручкой управления, держать высоту 50 метров, пока не будет набрана крейсерская скорость. Пилотам также рекомендовали стараться беречь силы перед вылетом и не отвлекаться во время взлета.

Последним важным элементом начала вылета было построение группы при минимальных затратах времени и сил. Чтобы выстроить группу без лишних кругов над аэродромом, самолеты должны держаться в воздухе с интервалами 100 метров вслед за лидером, а потом постепенно смыкать строй. Мы не раз подчеркивали, что от-

дельные самолеты должны держать свое место в строю, какую бы погоду не встретила группа.

Навигация

Штурманская подготовка особенно важна, когда пилоту предстоит обнаружить цель, имея только ее координаты. Поэтому курсантам-камикадзе неоднократно подчеркивали необходимость тщательно выдерживать курс, рассчитывать время полета и пройденную дистанцию. Но отряды корпуса специальных атак готовились так поспешно, что удавалось дать пилотам только самые азы. Это приводило к грубым ошибкам.

Например, в середине ноября пришло сообщение, что к востоку от бухты Ламон замечено вражеское авианосное соединение, и 3 камикадзе были отправлены атаковать его. На следующий день один из самолетов вернулся на базу. Пилот сообщил, что когда они прибыли в указанную точку, то встретили зону плохой погоды и не нашли вражеские корабли. Прочесывая район, самолеты разделились. Когда этот пилот потерял своих товарищей и не смог обнаружить противника, он повернул на запад, чтобы найти остров Лусон и свою базу. Наконец он увидел землю и сел на первом пригодном участке. Это оказалось местечко Эшагуе в 150 милях к северу от Манилы! На следующий день он полетел на юг, следуя вдоль долин, пока не приземлился на родной авиабазе Кларк.

Когда командование решило проверить эту невероятную историю, то выяснилось, что у пилота не было ни карты, ни даже часов! Он отсчитывал время по бурчанию пустых кишок. Потеряв лидера группы, он летел практически вслепую. И это был не единичный случай!

Мы постоянно требовали, чтобы каждый летчик кроме полетной карты имел схему Филиппин, нарисованную им собственноручно, и чтобы он знал, хотя бы в общих чертах, район операций. Но в нервной спешке и суматохе об этих

предосторожностях часто забывали, надеясь, что каждый пилот сам тщательно подготовится к вылету. Но это была попытка принять желаемое за действительное, которая уже дорого обошлась нам при Мидуэе.

Предохранители бомб

Самолеты сопровождения иногда сообщали о прямых попаданиях камикадзэ во вражеский корабль, после которых не было видно взрывов. Это было результатом того, что пилот по какой-то причине не снимал бомбу с предохранителя перед последним пике. Такие случаи были особенно неприятны потому, что мы теряли незаменимого пилота, тогда как вражеский корабль получал лишь незначительные повреждения. Причины этого каждый раз были свои: размышления о божественном статусе камикадзэ, сомнения в необходимости самопожертвования, усталость, чрезмерное возбуждение и т.д. Сказать точно мы не могли. Скорее всего, летчик оказывался настолько поглощенным желанием поразить цель, что просто забывал сделать важнейший шаг к выполнению своей задачи.

Первым пилотам-камикадзэ рекомендовалось ставить бомбу на боевой взвод сразу после того, как они поднимутся в воздух и окажутся над морем. Но затем, если они не могли обнаружить цель, бомбу следовало сбросить, чтобы самолет смог благополучно приземлиться на базе. Чтобы прекратить это расточительство позднее появился новый приказ: снимать бомбу с предохранителя, как только будет обнаружен противник. Однако часть пилотов все равно забывала об этом. В общем практика ставить бомбу на боевой взвод при обнаружении противника сохранилась. Но ведущему истребителей сопровождения при подходе к цели было рекомендовано приближаться к камикадзэ и убедиться, что каждый пилот снял бомбу с предохранителя. Часто он должен был дать специальный сигнал забывчивому пилоту.

Таковы были основные черты того курса подготовки, разработанного мной, который проходили пилоты-камикадзе на Филиппинах. Курсанты занимались с огромным энтузиазмом. Специального курса подготовки к полетам на малых высотах не проводилось, потому что крутой набор высоты и резкое пикирование были слишком опасными. Но мы учили пилотов пикировать под углами от 45 до 55 градусов, используя в качестве цели командный пункт аэродрома. Пилоты выполняли пикирование на такой скорости, что у всех на командном пункте возникало ощущение неминуемой катастрофы. Было страшно видеть, как низко они выходили из пике, но желание учиться заставляло курсантов забывать об осторожности. Несмотря на кратковременность подготовки, она была достаточно эффективной, и многие пилоты, подготовленные на Формозе, добились блестящих результатов.

Моральный дух нового корпуса

У солдат на фронте, ежедневно сражающихся с противником, почти не возникает проблем с моральным духом. Люди, которые сталкиваются с леденящим душу кошмаром воздушных налетов, с разрывами бомб, грохотом орудий, треском пулеметов; люди, которые видят, как гибнут их товарищи, — такие люди всегда готовы сражаться и могут рисковать жизнью в бою. Но зародить такое желание, не говоря уже о том, чтобы поддерживать его, у солдат, находящихся в тылу, во много раз сложнее. Не было никаких проблем с высоким боевым духом у пилотов на Филиппинах, которые сами подвергались безжалостным вражеским воздушным налетам и видели бесполезность обычных атак против вражеских кораблей. Но после провала операции «СЁ» на театре военных действий требовались новые пилоты и новые самолеты, если мы желали продолжать тактику специальных атак. Самой серьезной проблемой для всех, занимавшихся организацией новых

подразделений, было привить пилотам агрессивность и высокий моральный дух, необходимый камикадзэ, во время тренировок в Японии.

Императорская ставка отдала приказ о формировании новых корпусов, одолеваемая самыми мрачными предчувствиями. Личный состав подразделений был совершенно неопытным, а техника находилась в отвратительном состоянии. По оценкам, из первых 150 самолетов, выделенных камикадзэ, не более половины могли добраться до Филиппин. Даже имея опытных пилотов и хорошие самолеты, при перелетах из Японии не более 70% машин прибывали на Филиппины. Например, однажды было обещано отправить 15 истребителей для усиления авиации на Филиппинах. Их прибытия ожидали с нетерпением, но отправка несколько раз откладывалась. Наконец, пришло сообщение, что из Каноя вылетели 12 самолетов. В следующем сообщении говорилось, что они задержались в Ороку на Окинаве. С этого аэродрома, в конце концов, сумели взлететь только 10 самолетов. Следующая посадка состоялась на острове Миякодзима, еще одна на острове Исигакисима, и лишь 8 самолетов прилетели на Формозу. Хотя последний отрезок пути был сравнительно простым — пересечь пролив Баси и сесть на Лусоне, — только 5 из 8 самолетов долетели до Манилы и сели на аэродроме Николс. Из них один при посадке сломал шасси, а другой — хвостовое колесо. В итоге прибыли только 3 исправных самолета. Это была настоящая трагедия. С учетом подобного, чего мы могли ожидать от неопытных пилотов-камикадзэ?

Ожидались самые различные задержки при наборе добровольцев и их переводе к новому месту службы. Первая группа из 150 самолетов, собранная в Гензане (Корея) и Цукубе (Япония), двинулась в путь короткими прыжками через Омура, Каноя и Ороку. К всеобщему удивлению, через 7 дней после начала операции почти все самолеты прибыли на Формозу. Еще более удивительно, что 140 самолетов и 148 летчиков из запланированных

150 прибыли в Тайнань для обучения. Только 10 самолетов из-за неисправностей не добрались до Формозы, и 2 пилота были отчислены по болезни. 8 летчиков остались без самолетов, но это не остудило их желания следовать в район боев.

Подготовка новых кандидатов в корпус камикадзе была завершена с максимальной скоростью. Каждый отряд, по мере готовности, отправлялся на Филиппины. В первых числах декабря противник начал бомбежки и обстрелы наших позиций в бухте Ормок на западном берегу острова Лейте, после чего высадил там десант. Поэтому эпицентр наших атак переместился из залива Лейте на подходы к бухте Ормок и в море Камотес. Однако, несмотря на все наши усилия, мы не смогли отразить вторжение противника. 14 декабря американцы двинулись на север в море Минданао и высадились на острове Миндоро, очевидно, готовясь к высадке уже непосредственно на Лусон.

К этому времени моя интенсивная программа подготовки была почти завершена. Но тут я выяснил, что у меня имеются 28 пилотов и только 13 истребителей «Зеро».

Я собрал всех пилотов и сказал: «Так как у нас осталось всего 13 самолетов, не все из вас смогут лететь дальше. Мы отправим остальных, как только позволят обстоятельства».

Это создало серьезную проблему. Пилоты, которым было приказано остаться, начали обыскивать ангары и мастерские, обшаривать все уголки авиабазы. Они подкупали механиков, чтобы те из списанных самолетов собрали нечто, способное летать. Обломки многих самолетов ржавели здесь уже довольно долго. Механики заразились энтузиазмом летчиков и работали круглыми сутками, подталкиваемые и упрашиваемые нетерпеливыми юношами. К намеченному времени отлета они собрали еще 12 самолетов, что довело численность группы до 25 машин. Еще 3 пилота заявили, что согласны лететь в отсеках радиоаппаратуры, и попросили взять их на Филиппины. Но при свете дня выяс-

нилось, что ни один из 12 наспех собранных самолетов нельзя без риска поднять в воздух. Поэтому, несмотря на заявления пилотов, что они готовы рискнуть на этих руинах, взлетели лишь 13 самолетов.

Но в любом случае, эти кое-как подготовленные пилоты сумели доставить на Филиппины гораздо больше самолетов, чем ожидали от них. Это показывает тот высокий моральный дух, которым отличались новобранцы корпуса камикадзэ. Молодые пилоты полностью сознавали меру своей ответственности. Такой дух подталкивает людей совершать невозможное.

После отправки последних самолетов моя работа на Формозе была завершена, и я вылетел вместе с группой из 13 «Зеро». Мы приземлились на авиабазе Кларк вечером 23 декабря. Там я обнаружил, что штаб 1-го Воздушного Флота уже эвакуирован из Манилы. Он обнаружился на маленьком холме возле аэродрома Бамбан, на самой северной оконечности авиабазы Кларк.

Отступление на Формозу

Причиной эвакуации из Манилы было то, что противник продолжал наступление. Судоходство через пролив Суригао было очень интенсивным и осуществлялось практически без помех, если не считать наших обычных воздушных атак против военных кораблей и транспортов, которые проводились почти каждую ночь. Они были почти бесполезны, учитывая огромные силы противника, но самолеты камикадзэ в этих ударах не участвовали, потому что командование стремилось сберечь их для решающей битвы, которая начнется после неизбежной и совсем скорой высадки на острове Лусон.

Японское командование стремилось сберечь как можно больше камикадзэ. Одновременно основная часть войск на Лусоне была сосредоточена на севере вокруг Багио, лишь несколько разрозненных подразделений армии и

флота должны были защищать Манилу до последнего человека. Отход на север уже начался.

Было достигнуто соглашение между базовой авиацией флота и армейскими частями, базирующимся на авиабазе Кларк, относительно взаимодействия в грядущем сражении. На этих переговорах морскую авиацию представляли командир 26-й воздушной флотилии контр-адмирал Усиэ Сугимото и начальник штаба 1-го Воздушного Флота капитан 1 ранга Тосихико Одавара. Одавара был известным летчиком, талантливым писателем и обладал сильным характером. Это показывает, насколько тяжелая сложилась ситуация, если два таких высокопоставленных офицера были вынуждены заниматься вопросами наземной обороны.

Главным узлом обороны авиабазы Кларк была выбрана гора в 3 милях к западу от Бамбана. Там было построено множество укреплений, которые начинались с высоты примерно 300 метров. Адмирал Ониси передал руководство всеми воздушными операциями адмиралу Фукудомэ и посвятил всю свою энергию организации обороны на земле. Путешествуя по опасным горным тропинкам, он несколько раз лично посещал будущие оборонительные позиции, чтобы дать указания по строительству укреплений. Судя по всему, он был намерен погибнуть здесь, где многие молодые мужчины, реализовавшие предложенную им тактику специальных атак, отправились в свой последний полет.

1 января 1945 года в Бамбане все собрались на небольшой площади возле бомбоубежища. Построившись, мы поклонились в сторону далекой родины и вознесли молитву за здоровье императора. Последовал традиционный ужин с рисовыми кексами, так мы отпраздновали наступление Нового Года. Эта было настоящее пиршество, если учесть скудные продовольственные пайки и осточертевший жиденский бататовый суп.

В этот вечер в здании штаба царила праздничная атмосфера. Мы варили бататы, а ёкан (сладкое бобовое желе),

доставленный из Японии, служил украшением стола. Порции *ёкана* шли по кругу, и оставалась еще одна, когда из радиорубки принесли сообщение. Адмирал Ониси остановил посыльного, когда он уже собирался выйти из комнаты, и отдал ему последнюю порцию.

Когда наш старший шифровальщик Мисака вскоре после этого совершал обход аэродрома, он услышал подозрительное шевеление в радиорубке. Решив выяснить, что там происходит, он увидел 10 возбужденных молодых радистов, пытавшихся разрезать маленькую порцию сладкого желе на 10 равных кусочков.

Эти юноши прибыли с последним кораблем, прорвавшимся на Филиппины. Они работали в радиорубке по много часов каждый день, полуголые, обливаясь потом. Радиорубка размещалась в душном отсеке бомбоубежища, не имевшем вентиляции.

Когда Мисака рассказал, какой восторг вызвала эта несчастная порция *ёкана*, мы невольно пожалели радистов. Испытывая голод и лишения, они безропотно обслуживали рации круглыми сутками. Когда позднее нам пришлось отступить, они ушли далеко в горы вместе со своей тяжелой аппаратурой и продолжали работать, не выражая недовольства. По-своему они не уступали людям, которые встретили смерть, протаранив вражеские корабли.

Празднование Нового Года стало последним радостным днем в Бамбане, да и вообще на Филиппинах. Ровно через неделю буквально весь американский флот появился в заливе Лингаен, находящемся в 100 милях на север от Манилы. В течение 2 дней орудия самого сильного флота в мире обстреливали западный берег Лусона, а сотни авианосных самолетов ревели в небе. 9 января противник начал высадку десанта с армады, насчитывающей более 1000 кораблей.

Во время этих предварительных операций противника самолеты наших подразделений специальных атак продолжали делать все, что только могли. Однако к моменту высадки американцев в заливе Лингаен численность японской авиации на Филиппинах упала ниже 100

самолетов. Этого было совершенно недостаточно, чтобы остановить продвижение врага.

Задолго до высадки в заливе Лингаен исход битвы стал совершенно ясен японскому верховному командованию. Уже было принято решение создать основную оборонительную позицию в горах севернее Манилы. Основная масса войск была отведена на север, лишь горстка солдат должна была сражаться на улицах Манилы. Теперь, когда наши авиационные части остались практически без самолетов, следовало решить, что делать с освободившимися офицерами и рядовыми.

Вскоре после полудня 4 января адмирал Ониси вызвал меня в свой кабинет. Там находился также контр-адмирал Томодзо Кикүти, начальник штаба 2-го Воздушного Флота.

Адмирал Ониси сразу перешел к сути дела. «Теперь, когда у нас не осталось самолетов, я принял решение эвакуировать личный состав 2-го Воздушного Флота на север и оставить здесь сражаться до последнего 1-й Воздушный Флот. Что вы думаете об этом, Иногути?»

Я задумался, пытаюсь принять во внимание ответственность, лежащую на адмирале. «Так как этот район входит в зону ответственности 1-го Воздушного Флота, и так как мы более не способны проводить здесь воздушные операции, я также думаю, что следует отвести 2-й Воздушный Флот на север, где у него еще будет шанс встретить врага».

Адмирал Кикүти глубоко задумался. А потом, после некоторых колебаний, он сказал: «Мне не нравится идея бросить 1-й Воздушный Флот. В конце концов, наши структуры еще действуют».

Адмирал Ониси посмотрел по очереди на нас обоих. «Благодарю вас, господа. Я сообщу это адмиралу Фукудомэ».

Через 2 дня мы узнали, к чему привела беседа двух адмиралов. Все это время личный состав 1-го Воздушного Флота готовил свои горные позиции к последней битве на земле. Пилотов, которым сейчас было просто нечего делать, было решено отправить первыми. Они

пешком поднялись в горы, неся на себе оружие, продукты, палатки.

6 января адмирал Ониси снова вызвал нас к себе. На этот раз присутствовал начальник штаба 1-го Воздушно-го Флота Одавара. Адмирал Ониси начал с того, что зачитал приказ командующего Объединенным Флотом, который был получен в штабе Командования Юго-Западного района в Багио. Суть приказа сводилась к следующему:

«1. 2-й Воздушный Флот потерял боеспособность и расформируется. Его авиационные подразделения передаются 1-му Воздушному Флоту.

2. Зона ответственности 1-го Воздушного Флота распространяется также на Формозу.

3. Штаб 1-го Воздушного Флота будет переведен на Формозу.

4. Пилоты и старшие радисты будут эвакуированы на Формозу.

5. Этот приказ вступает в силу 8 января 1945 года».

Адмирал Ониси объяснил, что приказ передан раньше времени, и потому должен быть исполнен немедленно. Он спросил, что мы об этом думаем. Так как капитан 1 ранга Одавара не желал говорить, я произнес: «Господин адмирал, забирайте своего адъютанта и немедленно улетайте. Мы с капитаном 1 ранга Одаварой позаботимся здесь обо всем и поможем командиру 26-й воздушной флотилии».

Я твердо верил, что только адмирал Ониси способен найти выход из той ужасной ситуации, в которой мы оказались. Когда я сопровождал его в Токио в конце ноября, я рекомендовал своим друзьям в Бюро личного состава и Морском генеральном штабе немедленно отозвать его в Японию для общего руководства войной. Война в воздухе приобретала все большее значение, а он был «воздушным адмиралом» до мозга костей. Ониси был тем самым человеком, который должен принимать решения в критические моменты. Я сказал об этом в Токио, а сейчас

еще более уверился в своей правоте. Именно поэтому я сейчас убеждал его вернуться в Японию и руководить операциями из Токио, где он получит возможность полностью реализовать свой потенциал.

Ониси резко ответил: «Вы прекрасно понимаете, что я не могу в одиночку заменить весь свой штаб».

Я ответил: «Разумеется. Но ваш штаб последует за вами при первой возможности. Пожалуйста, улетайте, как только сможете. То, что срок исполнения приказа постоянно сдвигается вперед, ясно показывает, что командование хочет сохранить вас в живых для новых операций».

«Нам не одержать победу, даже если я вернусь в Японию».

Я возразил: «Вы не сможете победить, но можете продолжать сражаться. Наши надводный флот и авиация понесли колоссальные потери, но наши подводные лодки еще могут сражаться».

Он пробормотал: «Люди скажут, что Ониси принял поспешное решение. Более того, меня не слишком устраивает ход подготовки к боям на земле, поэтому я не могу переложить на кого-либо ответственность за это, так как я сам не чувствую уверенности».

«И как долго вы собираетесь приводить дела в порядок, чтобы обрести эту уверенность?» — спросил я.

«Мне нужно, по крайней мере, еще 10 дней», — ответил адмирал.

«За 10 дней невозможно исправить ситуацию. А если вы попытаетесь остаться еще на 10 дней, попытка, скорее всего, закончится отставкой. Вы должны принять решение об эвакуации немедленно».

«Я не могу принять решение, пока не переговорю с контр-адмиралом Сугимото и вице-адмиралом Кондо¹. Они будут отвечать за этот район, если я улечу, поэтому было бы справедливо узнать их мнение».

---

¹ Контр-адмирал Усиэ Сугимото был командиром 26-й воздушной флотилии, а вице-адмирал Каздума Кондо — начальником арсенала ВВС. *Прим. авт.*

Эти переговоры состоялись, и после их окончания некоторые подразделения были извещены, что летчиков, которых эвакуировали в горы, следует срочно вернуть.

Этот приказ было особенно трудно исполнить. Бескрылые летчики успели рассеяться по горным лесам. Приходилось рассылать людей по самым дальним горам и ущельям, чтобы вернуть каждого из них чуть ли не по одиночке.

Кроме того, возникла серьезная моральная проблема. Количество летчиков, которых предстояло эвакуировать на Формозу, было строго ограничено количеством имеющихся транспортных самолетов. Поэтому количество извещенных пилотов следовало держать в пределах этого лимита, так как мы опасались, что известие об эвакуации подорвет пока еще высокий боевой дух войск.

Несмотря на все трудности, все требуемые люди были собраны в штабах к вечеру следующего дня. Я сделал все возможное, чтобы подготовить их эвакуацию на север в тот же день, 7 января.

В результате совещаний адмирала Ониси с адмиралами Сугимото и Кондо по их требованию было решено, что Ониси и его штаб задержатся еще на 3 дня. Они эвакуируются, только если противник высадится на самом Лусоне. Адмирал Ониси также согласился оставить двух офицеров штаба: капитана 2 ранга Миямото, отвечавшего за ведение боев на земле, и капитана 2 ранга Ямагути из службы вооружений. Когда адмирал сообщил мне об этом и приказал начать приготовления, я возразил: «Если вы решили оставить двух членов вашего штаба, позвольте остаться всем. Если штаб должен эвакуироваться, то в полном составе».

Адмирал Ониси снова встретился с адмиралом Сугимото, чтобы обсудить это, и они пришли к решению, что будет эвакуирован весь состав штаба 1-го Воздушного Флота.

В течение следующих 3 дней половина пилотов и штабных офицеров отправилась по земле в Тугегарао, откуда они должны были на самолетах переправиться на Фор-

мозу. Этой группе по пути пришлось несколько раз отбивать нападения филиппинских партизан. Лишь с огромными трудностями они добрались до цели.

В полночь 9 января остатки штаба простились с адмиралом Сугимото на холме рядом с Бамбаном и отправились на авиабазу Кларк, где нас ждал самолет на Формозу.

Однако мы вылетели с аэродрома Кларк только в 03.35. наш отлет задержался более чем на час, потому что адмирал Ониси ввязался в спор с командиром авиагруппы, остающейся здесь, и не желал уходить, пока не убедит того.

Поэтому солнце уже стояло высоко в небе, когда мы подлетали к Формозе. Это вызывало серьезную тревогу, так как в дневное время противник полностью господствовал в воздухе, даже над Формозой, и мы опасались атаки американских истребителей. Еще больше осложняло дело то, что остров оказался закрыт низкими тучами, которые сделали посадку невозможной.

Пока мы металась взад и вперед, разыскивая просвет в тучах, нас приветствовал огонь зениток в окрестностях Такао. Чтобы обойти их, мы сделали широкую дугу в сторону моря и попытались снова пройти район, теперь на малой высоте. Нам повезло, мы нашли участок чистого неба над Тайнанем и благополучно приземлились на аэродроме Такао. Пока самолет рулил к месту стоянки, прозвучал сигнал воздушной тревоги, а через 5 минут после того, как мы убрались со взлетной полосы, вражеские авианосные самолеты начали очередной мощный налет на аэродром. Мы едва спаслись.

Адмирал Ониси позднее вспомнил этот инцидент и заметил: «Если бы нас сбили в тот день, мы избежали бы многих проблем».

Он часто думал о людях, оставшихся на Филиппинах, и пока мы находились на Формозе, я не раз слышал, как он говорит: «Как-нибудь я спрыгну на парашюте в горах рядом с авиабазой Кларк и нанесу визит Сугимото».

ГЛАВА 12

Декабрь 1944 — январь 1945 года

ИСХОД С ФИЛИППИН

Последний вылет из Мабалаката

То, что происходит в штабах, в войсках становится известно далеко не сразу. Но мы в Мабалакате в течение всего ноября и декабря прекрасно знали, что положение на Филиппинах стремительно ухудшается. 23 декабря, когда мой друг Иноуги наконец прилетел во главе группы из 13 «Зеро», мы уже знали, что новых подкреплений с Формозы не будет.

Новые самолеты всегда прилетали в Мабалакат перед наступлением темноты, чтобы противник не получил лишней возможности перехватить их. Мы с капитаном 2 ранга Тамаи обычно встречали самолеты на летном поле и следили, как они садятся, чтобы потом приветствовать летчиков.

Однажды вечером мы смотрели, как садится очередная группа самолетов, прилетевшая с Филиппин, и Тамаи одобрительно кивнул.

«Какая отличная посадка, Накадзима! Это удивительно, учитывая их молодость и неопытность».

Наземный персонал уже был наготове и ждал. Они перехватывали самолеты, как только те завершали пробежку, и откатывали машины в укрытие. Самих пилотов доставили на командный пункт на автомобиле. Командир выстроил летчиков перед капитаном 2 ранга Тамаи и громко отрапортовал:

«Лейтенант Каная из 201-й авиагруппы прибыл вместе с 12 пилотами». Затем он указал на одного летчика, стоявшего немного поодаль, и высокомерно добавил: «А этот человек не из моей группы».

Слова Канаи, а главное — его тон показывали, что лейтенант считает этого летчика нежеланным довеском. Я не смог сдерживать улыбки, потому что пилот, о котором он говорил, был одним из ветеранов 201-й авиагруппы, который только что выполнил специальное задание, прилетев с Формозы обратно на Филиппины. Но в то же время я невольно подумал, что этот «лейтенант Каная» — очень многообещающий юноша.

Он сразу признал справедливость нашего совета взлетать как можно скорее и почти весь день посвятил тренировке. Он со своими летчиками бегал от командного пункта к самолетам и отрабатывал спешную подготовку к взлету. Таким способом Каная хотел свести к минимуму время между приказом и взлетом. Несмотря на теплую погоду, пилоты тренировались в полной летной форме.

Однажды я следил, как Каная в очередной раз гоняет своих пилотов, но тут неожиданно прозвучал сигнал воздушной тревоги. Я увидел большую группу вражеских тяжелых бомбардировщиков В-24, приближающуюся с востока. Было уже слишком поздно прятаться в бомбоубежище, и я приказал всем укрыться по способности. Так как на поле не было ни блиндажей, ни щелей, то самым лучшим укрытием казались заросли бамбука, где были замаскированы наши самолеты.

Лично для себя я нашел канавку глубиной 5 дюймов и лежал в ней на спине, следя, как пролетают огромные бомбардировщики. Они летели точно вдоль нашего рас-

*«Отец» камикадзэ
вице-адмирал Ониси.*

*Командир
первого отряда камикадзэ
лейтенант Секи.*

Аэродром Мабалакат на Филиппинах, вылет первых камикадзэ.

Напутствие товарищей на смерть.

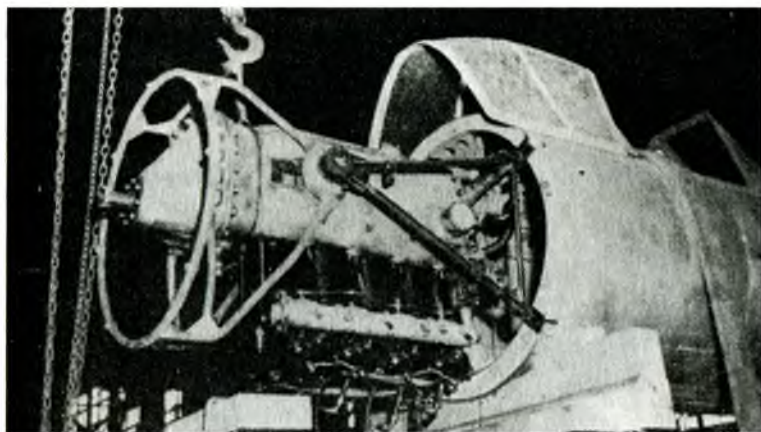

Йокосука «Ока» Модель 11 на аэродроме Ионтан, Окинава.

Пилот камикадзэ.

*4-цилиндровый мотор Хитачи,
часть двигателя пилотируемой бомбы «Ока» Модель 22.*

Американцы осматривают пилотируемую бомбу «Ока».

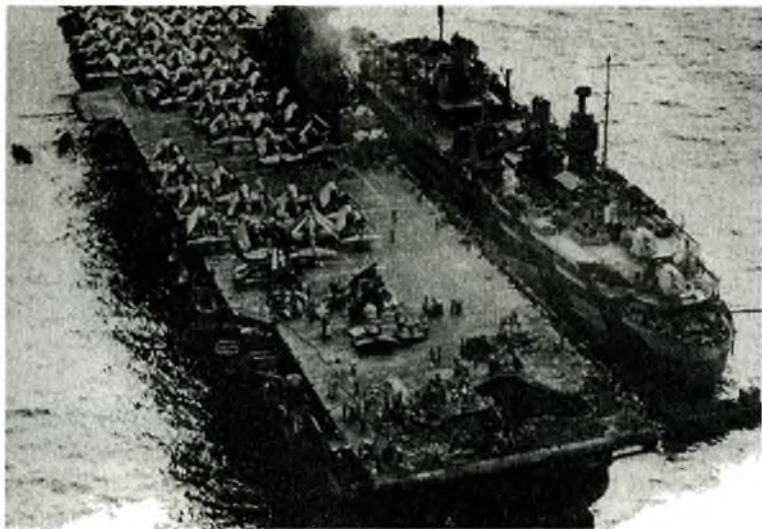

Камикадзе приближается к линкору «Миссури».

Авианосец «Банкер Хилл» после попадания камикадзе.

*Повреждения авианосца «Рандольф» выглядели страшными,
но оказались не слишком серьезными.*

*Эскортный авианосец «Сен Ло»
после попадания камикадзэ.*

Апофеоз войны.

положения на высоте около 3000 метров, и я с ужасом подумал, что произойдет, если американцы вдруг вздумают сейчас сбросить бомбы. Затем, когда они это сделали, я с облегчением сообразил, что бомбы лягут перелетами.

В воздух поднялось огромное облако пыли, и земля содрогнулась, словно началось землетрясение, ведь бомбы разорвались не так уже далеко от цели. Затем на некоторое время повисла мертвая тишина, после чего отдаленные разрывы на авиабазе Кларк подтвердили, что мы живы. Вражеские самолеты улетели.

Мы выползли из своих щелей и норок и даже рассмеялись, так как напряжение спало. Пилоты не говорили этого, но каждый из них явно подумал: «Нам повезло. Пока мы не протаранили противника, наши жизни имеют огромную ценность. Мы просто не имеем права погибнуть по глупости или неосторожности».

Летчики Канаи продолжали тренировки, и время взлета группы неуклонно сокращалось. Но эти результаты не устраивали командира, и на следующий день он начинал тренировку заново.

При организации специальной атаки я должен был просить у командира каждого отряда список личного состава с указанием готовности пилотов. На основании этих списков я подбирал состав группы, который представлял на утверждение командиру. В каждом списке, представленном лейтенантом Канаей, на первой строке красовалась его собственная фамилия. Получив первый такой список, я не выбрал лейтенанта и объяснил ему, что если он погибнет, то никто уже не станет заботиться о летчиках его отряда. Тем не менее, когда в следующий раз потребовались кандидаты из его отряда, Каная упрямо вписал самым первым самого себя. Такие поступки лучше всяких слов доказывали высокий боевой дух корпуса специальных атак. Канаей был образцовым воином корпуса камикадзе.

После того как противник закрепился на Лейте и высадился на Миндоро, в начале января он высадил крупный десант на Лусоне. В этой битве приняла участие вся

наша авиация, в том числе и тщательно подобранные подразделения специальных атак. Но мощь противника оказалась неодолимой. Разведывательный самолет сообщил: «Группа из 300 вражеских кораблей к западу от острова Миндоро. Курс норд, скорость 14 узлов». За этим последовало новое сообщение: «Группа из 700 вражеских кораблей замечена южнее первой. Курс норд, скорость 12 узлов».

Эти донесения и потрясали, и ужасали. Никогда раньше мы не встречались с такими огромными силами. Но в то время мы не знали, что была еще и третья группа, состоящая примерно из 400 кораблей, которая следовала за первыми двумя. Воды от Миндоро до Лейте просто кишели вражескими кораблями. В их число входило множество военных кораблей, ощетинившихся стволами зениток, как еж иглами. Они должны были отбивать наши специальные атаки.

Сообщение наших самолетов-разведчиков имели огромное значение, однако в них ничего не говорилось о месте, куда следуют корабли противника. Собираются ли американцы высадиться в Маниле? Или в заливе Лингаен? Или их целью является Апарри на севере Лусона, ведь в этом случае они отрежут нам пути эвакуации с Филиппин. Обо всем этом мы могли только гадать. Но было одно печальное обстоятельство, сомневаться в котором нам не приходилось. 201-я авиагруппа имела **всего 40 исправных самолетов**, чтобы противостоять полчищам врага.

Командование приказало произвести атаку всеми имеющимися самолетами. Одновременно было отдано распоряжение сжечь все неисправные самолеты. После этого личный состав авиационных частей должен был превратиться в пехоту. В соответствии с этим приказом, мы собрали 40 самолетов для одной последней атаки значительно превосходивших нас сил противника.

5 января 1945 года в 19.45 Каная повел 2 самолета сопровождения и 15 несущих бомбы камикадзе из Мабалаката, чтобы атаковать корабли противника, следующие на

север, когда те окажутся к западу от острова Лубанг. Теперь мы уже знали, что эти корабли направляются в залив Лингаен. Пришло сообщение, что самолет Канаи врезался в один из них¹. Это был последний день запланированных операций 1-го Воздушного Флота на Филиппинах. Канай хорошо заботился о своих летчиках и выполнил свой долг до конца. Цель его жизни была достигнута.

Так закончился день 5 января. Все исправные самолеты улетели. Все лишнее и неисправное оборудование было сожжено. Летный состав получил пехотные ботинки. Настало время приземляться.

Однако утром 6 января меня разбудили неожиданным сообщением. На поле стояли 5 относительно исправных «Зеро», которые могли взлететь! За долгие месяцы работы с самолетами механики настолько привязались к машинам, что приказ сжечь неисправные самолеты оказался непосильным для них. Они работали всю ночь напролет, заделывая пробоины и выбирая целые детали из обломков, валяющихся на аэродроме. Благодаря их сверхчеловеческим усилиям, 5 самолетов родились заново и сейчас были готовы взлететь!

Капитан 2 ранга Тамаи сообщил об этом достижении в штаб и получил разрешение отправить эти самолеты в атаку. Вот она и стала **самой** последней атакой базовой авиации флота во время боев за Филиппины. Когда улетит эта пятерка, всякая разница между пилотами, механиками и техниками исчезнет. Все они превратятся в пехотинцев, которым предстоит сражаться в горах. Таким было сегодня жалкое положение наших некогда победоносных воздушных флотов.

---

¹ Невозможно определить, в какой корабль врезался самолет лейтенанта, но 5 января попаданиями камикадзе между островом Лубанг и заливом Лингаен были повреждены 7 американских кораблей. Это были эскортные авианосцы «Манила Бей» и «Саво Айленд», крейсер «Луисвилл», эсминец «Хелм», эскортный миноносец «Стаффорд», база гидросамолетов «Орка» и буксир «Апач». *Прим. авт.*

Однако мы на аэродроме в Мабалакате столкнулись с проблемой: как выбрать пилотов для этих 5 отремонтированных самолетов? У нас оставалось около 30 летчиков, и лишь 5 из них могли стать последними камикадзэ. Те, кто останется, навсегда потеряют возможность участвовать в специальных атаках, хотя они сами вызвались добровольцами.

5 самолетов — это было ничтожно мало по сравнению с бесчисленными воздушными армадами врага. Однако наши пилоты жаждали принять участие в специальных атаках, видели в этом свое предназначение, и было бы нечестно лишать их такой возможности. Однако предстоящие бои на земле означали небольшую отсрочку смерти, и потому некоторые из летчиков могли передумать.

Люди, бывавшие на нашей авиабазе, часто спрашивали меня: трудно ли отдавать приказ на вылет пилотам корпуса специальных атак? На такой вопрос очень сложно ответить, так как очень сложен сам вопрос. Он очень тяжел и имеет множество аспектов. Отдать приказ на вылет пилоту-камикадзэ было равносильно тому, что приказать: «Иди и умри в бою!» Если бы приказ противоречил желаниям пилотов, он был бы неопишимо жесток. Я не мог бы отдавать приказы, если бы считал, что люди не могут выполнить их.

В ходе специальных атак в полет отправлялись десятки и сотни пилотов, которым я был вынужден отдать роковой приказ. Ни моя совесть, ни души этих пилотов не могли бы быть спокойными, если бы этот приказ был просто волевым решением командира. В критический период истории империи чрезвычайные обстоятельства требовали чрезвычайных мер, и молодые пилоты прекрасно понимали ситуацию. Мой приказ на вылет полностью вписывался в рамки действующей системы, а мое присутствие внутри системы почти столь же противоречило здравому смыслу, как и существование самой системы.

С учетом исключительных обстоятельств можно было считать 201-ю авиагруппу практически расформирован-

ной. И вот, вместо того чтобы назначать летчиков, я решил вызвать добровольцев.

Я приказал всем пилотам построиться перед убежищем. Когда они собрались, я обратился к группе, обрисовав наше положение, и объяснил, что самоотверженная работа механиков дала нам дополнительные 5 самолетов.

Я подчеркнул: «Это не первоклассные машины. Два из них не смогут нести 250-кг бомбы, поэтому их придется вооружить двумя 30-кг бомбами. Когда будут отправлены эти самолеты, наша воздушная битва завершится, и остальные из нас будут продолжать сражаться как пехотинцы. Готовя планы последней специальной атаки, я хотел бы знать ваши пожелания».

Здесь я сделал паузу, чтобы дать им возможность подумать. Когда стало ясно, что до них дошел смысл моего сообщения, я продолжил: «Если кто-то хочет добровольно участвовать в сегодняшнем вылете, пусть поднимет руку».

Я не успел закончить, как все они дружно подняли правую руку и закричали: «Здесь!» Все пилоты, как один, сделали шаг вперед. Я был озадачен и даже растерялся, видя такой энтузиазм. Мое сердце забилось чаще, а душа наполнилась гордостью за несокрушимый дух этих молодых людей. Я глубоко вздохнул и напряг мышцы лица, чтобы на нем не отразились обуревающие меня чувства.

«Так как все вы хотите лететь, нам придется прибегнуть к обычной процедуре отбора. Разойдись!»

Я повернулся, чтобы уйти в убежище, но несколько пилотов подбежали и схватили меня за руки, говоря: «Пошлите меня! Пожалуйста, пошлите меня! Меня!»

Я обернулся и крикнул: «Все хотят лететь. Не будьте эгоистами!»

Они умолкли, и я нырнул в убежище, чтобы вместе с командиром авиагруппы обсудить список. Мы сразу пришли к согласию относительно кандидатуры командира группы. Недавно лейтенант Накано был отправлен в госпиталь в Маниле с диагнозом «туберкулез». После излечения он сказал мне: «Я выздоровел, но никто

не может гарантировать, что не случится рецидив. Если бы это выздоровление было окончательным, я мог бы ждать своей очереди, как все другие. Но если болезнь вернется, у меня не будет шанса выполнить свой долг. Поэтому, пожалуйста, отправьте меня в полет при первой же возможности».

Помня его просьбу, я всегда имел его в виду, когда готовились вылеты на небольшое расстояние, которые не слишком утомляли пилотов. Этот полет не должен был стать долгим, и это был его последний шанс. Учитывая все эти факторы, я решил, что Накано будет идеальным командиром группы.

Остальные 4 пилота были отобраны с учетом их летного мастерства. Для первого звена были выбраны уоррент-офицеры Гото и Тануити, для второго — лейтенант Накао и уоррент-офицер Тихара.

Все это время продолжались налеты вражеской авиации, поэтому мы не рисковали даже поднять голову. Вражеские корабли заполнили залив Лингаен, а десантные суда просто невозможно было сосчитать.

Взлет был назначен на 16.45. Подготовленные 5 самолетов были укрыты на стоянках вокруг аэродрома Маба-лакат, но теперь маскировка была снята, и моторы прогреты. Бесчисленные тренировки принесли пользу, мы не потеряли ни секунды. Пилоты быстро заняли свои места в кабинах. Первый самолет начал рулежку, и остальные сразу последовали за ним.

Летное поле было все усеяно воронками, но, следуя моим сигналам, самолеты аккуратно вышли на исходную позицию, не попав в ловушки. Когда я махнул правой рукой, приказывая взлететь, лейтенант Накано сдвинул фонарь и крикнул: «Капитан 2 ранга Накадзима! Капитан 2 ранга Накадзима!»

Опасаясь какой-нибудь неприятности, я подбежал к его самолету, чтобы узнать, что встревожило пилота. Но его лицо осветила широкая улыбка. «Спасибо, господин капитан 2 ранга. Большое спасибо!»

У меня перехватило горло при виде этого предельного самоотречения. Я страстно хотел найти какие-то слова, соответствующие этому волнующему моменту, и не мог. Потом, поняв, что в любую минуту могут появиться вражеские самолеты, я безмолвно дал сигнал взлетать.

Самолет Накано с ревом побежал по полю. В то мгновение, когда он поравнялся со мной, вой мотора на миг ослабел, и пилот крикнул: «Капитан 2 ранга! Капитан 2 ранга!» Я энергично махнул ему рукой, но сквозь рев мотора прорвался голос Накано: «Спасибо, что выбрали меня!» Я не уверен, что расслышал его слова, и все-таки они ранили мое сердце. Сцена повторялась, когда мимо меня пробежал очередной самолет. Я махал рукой каждому пилоту. Третий... Четвертый... Пятый... Каждый пилот отвечал мне, а потом самолет улетал навстречу судьбе, обдав меня облаком пыли.

Построившись, пятерка сделала круг над аэродромом и полетела на север. Вечернее солнце ярко сверкало на их крыльях... Пилоты должны были чувствовать, что все их товарищи, оставшиеся на земле, шлют следом свои благословения и с трепетом следят, как самолеты исчезают в вечернем небе.

Эти 5 самолетов проскочили мимо вражеских перехватчиков и спикировали на цели в заливе Лингаен. Следовавший за ними самолет-разведчик сообщил, что один врезался в линкор, второй — в крейсер, а три остальных поразили крупные транспорты¹. Каждое попадание сопровождалось сильным взрывом. Разведчик сфотографировал эти взрывы, но в ходе последующих боев на земле все

---

¹ В этот день в заливе Лингаен ударами камикадзе были повреждены линкоры «Нью Мексико» и «Калифорния», крейсера «Луисвилл», «Миннеаполис» и «Коламбия», эсминцы «Аллен М. Самнер», «Уок», «О'Брайен», тральщик «Саутхард», быстроходный транспорт «Брукс». Эсминец-тральщик «Лонг» был потоплен. Определить, какой самолет поразили конкретный корабль, невозможно. Но некоторые из этих попаданий наверняка принадлежат Накано и пилотам его отряда. *Прим. авт.*

фотографии пропали, поэтому у нас не осталось материальных свидетельств героических действий этого отряда.

Так закончились действия корпуса специальных атак, базировавшегося в Мабалакате. А вскоре закончились действия камикадзэ и с других филиппинских аэродромов. Корпус был сформирован совсем недавно — 20 октября. Однако за совсем небольшой промежуток времени с авиабаз на Филиппинах взлетели 424 самолета камикадзэ. Согласно наиболее точным отчетам, имевшимся в то время, они добились следующих результатов:

	Потоплены	Повреждены
Авианосцы	5	13
Линкоры	1	3
Крейсера	5	8
Эсминцы	3	1
Транспорты	23	34
Всего	37	59

После войны стало известно, что цифры выглядели несколько иначе:

	Потоплены	Повреждены
Авианосцы	2	23
Линкоры	0	5
Крейсера	0	9
Эсминцы	3	23
Эскортные миноносцы	0	5
Транспорты	5	12
Прочие	6	10
Всего	16	87

Пехотинцы поневоле

Я не сразу получил сведения о действиях последних камикадзэ из Мабалаката, так как меня вызвали в штаб в

Бамбан на совещание вскоре после того, как они улетели. Прибыв в Бамбан, я выяснил, что на совещании обсуждаются два очень различных вопроса, хотя они имели некоторую связь. Первым из них была проблема превращения подразделений 1-го Воздушного Флота в боеспособные пехотные части. Вторым — организация прощальной вечеринки для 2-го Воздушного Флота в связи с его перебазированием на Формозу.

Как офицер 1-го Воздушного Флота, я должен был сопровождать своего командира. После окончания летной школы в Касумигауре я 12 лет прослужил летчиком. Однако теперь, после того как во второй половине дня улетели 5 самолетов под командованием лейтенанта Накано, моя карьера летчика подошла к концу, и я должен был стать пехотинцем.

Во время совещания было много споров и криков, но мало разумных предложений. Дело в том, что приходилось обсуждать проблемы, о которых мы, морские летчики, не имели ни малейшего представления. Однако теперь, судя по всему, нам предстояло заниматься строительством оборонительных позиций, размещать там свои части, научиться обращаться с оружием и боеприпасами, наладить снабжение.

Единственным стрелковым оружием, имевшимся у нас, оказался десяток карабинов, которые мы выдавали часовым. Кроме того, с поврежденных самолетов были сняты несколько легких пулеметов. Однако 20-мм пушки «Зеро» оказались слишком тяжелыми и громоздкими, чтобы использовать их на наших горных позициях. Меня серьезно беспокоила перспектива боев на земле, и я лихорадочно пытался вспомнить основы пехотной подготовки, которым меня учили в военной академии 20 лет назад.

Когда обсуждение вопроса о действиях на земле закончилось, я вместе со своим командиром подошел к группе офицеров, обсуждавших второй вопрос. Сразу после прибытия на Филиппины 2 месяца назад 2-й Воздушный Флот оказался в самой гуще жестоких боев и стойко

выносил их тяжесть вместе с нами. Теперь мы собрались вместе с улетающими офицерами, чтобы попрощаться с ними. На длинных столах были расставлены тарелки с сушеной рыбой и чашки сакэ. Когда прибыл адмирал Фукудомэ вместе с офицерами своего штаба, вечеринка началась.

Выпивка сопровождалась дежурными пожеланиями: «Приятного путешествия», «Удачи вам», «Вскоре увидимся» и тому подобными. Но в глубине души мы понимали, что прощаемся навсегда.

Вечером с Формозы должны были прилететь 2 бомбардировщика, чтобы забрать штаб 2-го Воздушного Флота. После окончания вечеринки мы должны были увезти их на автомобилях из нашей горной крепости к ожидающим самолетам на авиабазу Кларк.

Вечер еще не закончился, когда пришло сообщение, что к западу от Иба замечен большой конвой, который движется на север. Никто не сомневался, что американцы направляются к заливу Лингаен.

Отправка документов на Формозу

6 января незадолго до полуночи мы с капитаном 2 ранга Тамаи уже собрались отправиться к себе отдыхать, когда прибежал ординарец и сообщил, что адмирал Ониси хочет видеть нас. Тамаи повел меня запутанными подземными коридорами к помещению, где жил командир. Хотя я часто бывал в помещении штаба, это был мой первый визит в личную комнату адмирала. Комната была небольшой, но содержалась в идеальном порядке. Обстановка была спартанской — кровать, стол, несколько стульев.

Когда мы обменялись приветствиями, Ониси пригласил нас садиться и заговорил, медленно и решительно. «Принято решение оставить 1-й Воздушный Флот обороняться в этих горах, и это обсуждению не подлежит. Однако я считаю исключительно важным, чтобы кто-ни-

будь сохранил истинный дух корпуса специальных атак и донес его до нашего народа. Я верю, что именно вы двое лучше всего подходите для этого. Так как 201-я авиагруппа остается в горах, а Тамаи является ее командиром, то я не могу приказать ему ничего другого, как оставаться со своими людьми до конца. Поэтому я полагаю, Накадзима, что вам придется лететь одному».

Такой поворот событий застал меня врасплох. До сих пор 201-я авиагруппа и ее люди были для меня частью моей жизни, и я намеревался сражаться и умереть вместе с ними. Поэтому, когда я внезапно столкнулся с необходимостью покинуть их, у меня в душе началась буря. Ониси внимательно смотрел на меня, но я не мог говорить.

В маленькой комнатке повисла напряженная тишина. Казалось, воздух буквально сгустился. И я никак не мог найти подходящие слова, чтобы выразить свои чувства. Адмирал заговорил снова, и его слова показали, что он прекрасно понимает меня. «Я знаю, Накадзима, что это очень трудно — думать, что ты бросаешь своих людей. Но сейчас не время руководствоваться личными чувствами. Наш народ дома не представляет, что такое корпус специальных атак, и что он сделал. Кто-то должен рассказать им всю правду. Если вы не желаете лететь, я вам прикажу».

Это заявление уже не оставило места возражениям, хотя не разрешило моих внутренних сомнений. Однако было бы позорно дожидаться официального приказа, поэтому я согласился. Почти против своей воли я произнес: «Я полечу и доставлю отчет».

Адмирал Ониси улыбнулся. Он поднялся из кресла, подошел ко мне и тепло пожал руку. «Это прекрасно. Я полностью полагаюсь на вас».

Мы уже эвакуировались из города Мабалакат и теперь жили в бомбоубежище рядом с аэродромом. Я покинул адмирала Ониси и отправился к себе на автомобиле, размышляя о важности своей миссии. Было неожиданно и немного пугающе думать, что именно я выбран, чтобы представлять моих отважных товарищей соотечественни-

кам дома. Я один их всего личного состава 1-го Воздушного Флота не должен был погибнуть в горах Филиппин.

Весь день и всю ночь я был занят, собирая документы и рапорты корпуса специальных атак, описания его структуры и отчеты о его действиях. Набрались два полных чемодана. Один чемодан я взял с собой, а второй отдал лейтенанту Такеси Симидзу, который должен был лететь в другом самолете. Это было сделано, чтобы увеличить вероятность благополучной доставки документов по назначению. Были подготовлены 2 разведывательных самолета. Их пулеметные турели были сняты, чтобы освободить место для нас и наших документов.

Мы вылетели из Мабалаката на рассвете 8 января, провожаемые громкими пожеланиями удачи от наших товарищей. Два самолета летели на малой высоте, сначала на восток, чтобы уклониться от вражеских самолетов, которые могли патрулировать в районе залива Лингаен, а потом на север вдоль берега по направлению к Формозе. Шасси моего самолета заклинило, и пилот не сумел его убрать, что заметно снизило скорость. Поэтому второй самолет быстро опередил нас и скрылся.

Предполагалось, что каждый самолет полетит своим курсом, чтобы хоть один благополучно добрался до цели, если второй будет сбит. Но судьба распорядилась иначе. Второй самолет прилетел к Формозе намного раньше нас и столкнулся с густым туманом, закрывшим остров. Он долго кружил и ждал, чтобы туман рассеялся, но при этом врезался в гору рядом с Такао. Пилот погиб, а Симидзу получил серьезные ранения. Но к тому времени, когда мы прилетели к Тайнаню, туман уже рассеялся, и мы благополучно приземлились.

Прием, оказанный мне, был просто ничем по сравнению со встречей, оказанной адмиралу Ониси 2 дня спустя. Штаб Объединенного Флота признал, что адмирал Ониси является одним из самых выдающихся авиационных командиров Японии. Лично я радовался, как ребенок, потому что знал, насколько велика опасность столкнуть-

ся с вражескими истребителями в небе между Лусоном и Формозой.

Услышав, что приземлился самолет адмирала Ониси, я помчался на машине в его штаб, находящийся немного восточнее Такао. Глубоко под землей в бункере я нашел адмирала, который уже работал вместе с офицерами штаба 1-го Воздушного Флота. Мой друг Иногути приветствовал меня широкой ухмылкой. Даже лицо адмирала на мгновение осветила печальная улыбка, когда он увидел меня. Ониси сказал: «Ну, вот мы и снова вместе».

Меня слишком переполняли чувства, и я не мог вымолвить ни слова, но сумел отдать честь. Тяжесть важной задачи, которую поручили мне в Бамбане 4 дня назад, — собрать документы корпуса камикадзе и доставить их в безопасное место — наконец-то свалилась с моих плеч.

ГЛАВА 13

Январь 1945 года

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР НАД ФОРМОЗОЙ

Реорганизация 1-го Воздушного Флота

На Формозе у нас было более чем достаточно дел. Перед 1-м Воздушным Флотом сразу после эвакуации с Филиппин поставили задачу сформировать новые подразделения для продолжения операций камикадзэ.

Для этого пришлось забирать учебные самолеты, которые уже находились на Формозе. Кроме них, имелась горстка машин самых различных типов, которые успели перелететь сюда с Филиппин. И всё!

Положение с пилотами было таким же сложным. У нас остались те, кто сумел эвакуироваться из Тугегарао и Апарри. Можно было надеяться, что еще кое-кому удастся спастись с Филиппин. Поэтому формировать новые подразделения камикадзэ в таких условиях было задачей совсем не простой. Это мы поняли довольно быстро. Но при этом лишнего времени в нашем распоряжении не было.

Военное положение Японии ухудшалось с той же скоростью, с какой нарастала мощь ударов вражеского

флота. Императорский Генеральный штаб и командование Объединенного Флота ожидали, что следующая высадка будет произведена на Окинаве. Поэтому основные силы авиации были развернуты на Кюсю — самом южном из островов собственно Японии, в результате чего на Формозу можно было перебросить в качестве подкреплений не более 100 самолетов. Хотя этого было ничтожно мало, но все-таки даже такие подкрепления вселяли надежду. Однако эти самолеты должны были лететь на Формозу через острова Рюкю, что сразу ставило под вопрос их благополучное прибытие, потому что архипелаг подвергался постоянным атакам вражеской авиации.

Самолетам, вызвавшим пилотов с Филиппин, приходилось совершать посадку на Формозе в редких промежутках между американскими налетами. Большинство эвакуированных пилотов было собрано на аэродромах Тайчу и Тайнань. Там они тренировались и ждали, когда их распределят по новым частям.

На Формозе ощущалась сильнейшая нехватка опытного наземного персонала, однако вывезти его с Филиппин было просто невозможно, хотя этот вопрос обсуждался несколько раз. В частности, там остались техники и механики 26-й флотилии, которые сражались в качестве простых пехотинцев, а потом превратились в партизан.

К 5 февраля реорганизация 1-го Воздушного Флота завершилась, и все эвакуированные пилоты были распределены по четырем новым авиагруппам, которые получили номера 132, 133, 205 и 765. Так как в будущем все операции предполагалось проводить в районе Окинавы, значительная часть самолетов 1-го Воздушного Флота была перебросена на север Формозы. Некоторые подразделения были даже переведены на Исигакидзиму и Миякодзиму, расположенные между Окинавой и Формозой. Начиная с апреля, все они участвовали в боях над Окинавой.

Формирование отряда «Ниитака»

Свирепость и интенсивность вражеских воздушных атак нарастали. Их проводила теперь не только авианосная авиация, но и бомбардировщики В-29 «Сверхкрепость» с баз материкового Китая. Поэтому мы были вынуждены напрягать все свои силы. На Формозе был сформирован новый корпус специальных атак, что стало следствием коренного изменения военной ситуации. В него вошли истребители «Зеро» и авианосные пикировщики «Джуди» из авиакорпуса «Тайнань».

Официальная церемония присвоения названия новому корпусу происходила 18 января в 17.00 на авиабазе Тайнань. В ней принял участие сам адмирал Ониси. Это был первый корпус специальных атак, сформированный на Формозе, и он был назван отрядом «Ниитака» в честь одноименной горы на этом острове. Адмирал Ониси произнес речь, как и полагается в подобных случаях, причем он почти дословно повторил то, что говорил 3 месяца назад в Мабалакате. Но на этот раз он сделал одно важное изменение, добавив: «Даже если мы потерпим поражение, благородный дух корпуса камикадзе поможет нашей стране восстать из руин. Без этого духа после поражения останутся одни руины».

Слова «даже если мы потерпим поражение» прозвучали более чем странно для нас, кто до сих пор думал только о победе в этой войне. Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что адмирал Ониси был полон решимости продолжать использовать эту сверхчеловеческую¹ тактику не только для того, чтобы победить в войне. Скорее всего, он преследовал далеко идущую цель: постараться сохранить Японию, даже после поражения в войне.

После церемонии присвоения имени был устроен небольшой праздник. Тушенка, вяленая каракатица и дру-

---

¹ Может, правильнее сказать «нечеловеческую»? *Прим. пер.*

гие подобные лакомства были редкостью для нас, кто совсем недавно вернулся с фронта. Все даже получили по маленькой чашке сакэ. Это была очень веселая вечеринка, к которой присоединились адмирал и офицеры его штаба. Адмирал Ониси выпил сакэ в честь только что отобранных пилотов камикадзэ.

После вечеринки я должен был прочитать новым пилотам-камикадзэ небольшую лекцию о методах атаки и других важных для них вещах, но услышав, что собираются показывать кино, я объявил, что лекция откладывается. Кинофильм был хорошим лекарством для летчиков, позволяя им расслабиться и немного забыться. Я вернулся в свою комнату, но вскоре с удивлением услышал стук в дверь. Это был старший из офицеров только что сформированной группы. Он попросил меня прочитать лекцию, как было намечено. Я попытался возражать, сказав, что люди должны отдохнуть, посмотреть фильм, а лекцию можно прочитать и чуть позже. Однако он отверг все мои возражения, твердо заявив: «Мы назначены в корпус специальных атак и должны выполнить важную задачу, уничтожив вражеские корабли. Если противник появится завтра утром, нам придется взлетать, так и не выслушав ваши наставления, поэтому мы будем чувствовать себя не так уверенно. Все люди собрались в холле и просят вас прочитать лекцию вместо кинофильма. Не согласитесь ли выйти и поговорить с нами?»

Перед такой настойчивостью нельзя было устоять, и я мог только гордиться своими пилотами.

Я никогда не встречал еще таких заинтересованных и внимательных слушателей. Они ловили буквально каждое мое слово, а когда лекция кончилась, начали задавать вопросы, и это затянулось за полночь. Даже после того, как я ушел, летчики продолжали перечитывать свои записи и обсуждать различные вопросы чуть ли не до самого утра. Их энтузиазм не стал меньше и в день решающего вылета.

Вылет отряда «Ниитака»

Решение провести атаку силами отряда «Ниитака» было принято 21 января, когда штаб 1-го Воздушного Флота получил сообщение, что вражеское оперативное соединение замечено к юго-западу от южной оконечности Формозы. Отряд был разделен на 3 звена, которые имели следующий состав:

Первое звено (из Синко)

Ударные: 2 «Джуди»

2 «Зеро»

Эскорт: 2 «Зеро»

Второе звено (из Тайтунга)

Ударные: 2 «Джуди»

2 «Зеро»

Эскорт: 2 «Зеро»

Третье звено (из Тайбу)

Ударные: 2 «Джуди»

Эскорт: 2 «Зеро»

Я особо хочу отметить два момента, относящиеся к этому вылету. Первый: точка сбора после взлета находилась к северу от аэродрома. Второй: полет к точке сбора должен был проходить на минимальной высоте. Эти меры должны были снизить угрозу от возможного вражеского налета. Особенно важным было то, чтобы самолеты покинули аэродром как можно быстрее. Если они будут лететь на малой высоте, то снижается риск их обнаружения противником. Счет шел буквально на секунды.

Приказав подготовить самолеты, я взобрался на бруствер, сложенный из мешков с песком, и внимательно осмотрелся вокруг. Погода была прекрасной. Рваные белые облака шли на высоте около 100 метров и покрывали примерно 30 процентов неба. В направлении Такао

небо было чистым. Не было видно ни одного вражеского самолета. Я приказал ударной группе взлетать.

Механики и техники, которые до этого стояли совершенно тихо, заметались по летному полю, как стая мышей. Взревели мощные моторы. Все сразу осознали важность происходящего. Несмотря на возбуждение и тревогу, что внезапно начнется вражеский воздушный налет, все люди делали свое дело просто образцово, самолеты быстро заняли исходные позиции для взлета. Здесь в очередной раз сказались многочисленные тренировки и учения.

Стоя на гребне бруствера, я следил за подготовкой пикировщиков и истребителей «Зеро». Никто не сомневался, что истребители сумеют быстро подняться в воздух, однако оставались кое-какие сомнения насчет того, смогут ли это сделать «Джуди». Это был первый вылет подобного рода для этих более тяжелых самолетов. Хотя все тренировки и учения прошли успешно, я боялся, что пилоты все позабудут, когда подойдет время настоящего боевого вылета.

Дальнейшие события показали, что мои страхи были необоснованными. Через 3 минуты после запуска моторов первый «Джуди» начал рулежку к взлетной полосе, за ним тут же последовал второй, за тем — третий. Я с удивлением следил за ними, и впервые закралась мысль, что именно **истребители** могут оказаться причиной задержки. Я с облегчением увидел, что они взлетели сразу за пикировщиками. Первый «Зеро» замер на миг на южном конце полосы, потом дал газ и побежал вперед, быстро набирая скорость. Остальные сразу последовали за ним с минимальными интервалами. Они пропали за северным горизонтом, летя на малой высоте, как и предусматривалось планом. Взлет первого звена прошел прямо-таки образцово.

Два остальных звена тоже были готовы и выстроились на поле. Я снова осмотрел горизонт. Вражеских самолетов не было видно, и наш поисковый радар также ничего не обнаружил. Я приказал обоим оставшимся звеньям взлетать. Когда первый самолет вырулил на взлетную полосу,

чтобы стартовать, я с возмущением отметил, что он из третьего звена, а не из второго. Третье звено взлетело, как на учениях, но я беспокоился о проклятом втором. После длительной задержки, когда я в любую секунду ожидал появления вражеских самолетов, самолеты второго звена поползли по полю к взлетной полосе. Я с облегчением проследил, как они разбегаются и поднимаются в воздух. Но это облегчение быстро сменилось тревогой, так как второе звено принялось кружить над аэродромом. Едва я успел подумать, что во втором звене собрались сплошные разгильдяи и недоучки, как оно к допущенным ошибкам добавило еще одну, полетев на юг!

Но в любом случае мы немного успокоились, так как все самолеты находились в воздухе, и летное поле было чистым. Затем прозвучал сигнал воздушной тревоги. Этот звук просто обязательно вызывает страх у всех, кто его слышит. На юге над Такао появились крошечные точки приближающихся вражеских самолетов. Издалека долетел гром выстрелов зенитных орудий. Я с горечью подумал, что второе звено отряда «Ниитака» оказалось прямо на пути противника. Летя на юг, чтобы обогнуть горы, а затем повернуть на восток, они почти наверняка встретятся с американцами. Задержка со взлетом увеличила опасность. Нам оставалось только надеяться и молиться, чтобы все обошлось благополучно.

Через несколько минут после того, как вражеские самолеты были замечены над Такао, они оказались над нашим аэродромом. К грохоту зениток присоединился резкий треск вражеских пулеметов. Однако все наши самолеты уже находились в воздухе, поэтому вражеский налет на наш аэродром вызвал только некоторое раздражение. Мы укрылись в убежищах и с удовлетворением думали, что противник может подвергнуть аэродром самой сильной бомбежке и обстрелу, однако потопить его не сумеет (аэродром — не авианосец!), как и другие аэродромы Формозы. Теперь мы все молились за успех нашей сегодняшней атаки.

Мы все испытали огромное облегчение, когда самолеты благополучно взлетели с аэродрома. Теперь я сидел на командном пункте и нервно курил, а мои мысли летели вслед за камикадзэ. Минуты летели одна за другой, и самолеты уже должны были приближаться к цели, и тогда мои страхи ожили вновь. В голове перемешались надежды на желанный успех и мрачные опасения неудачи. Но я старался отогнать их прочь...

Сумеют ли пилоты обнаружить цель? Разумеется! Они не могут пролететь мимо! Не сорвут ли вражеские истребители атаку? Нет, нет, наши самолеты обязательно проврвутся к цели.

К этому времени атака уже должна была завершиться, и самолеты сопровождения уже должны повернуть назад. Нашли атакующие свои цели или нет? Сумели они добиться попаданий? Если они не нашли противника, то смогут ли наши самолеты благополучно вернуться обратно на базу?

Ожидание, казалось, тянулось бесконечно. Цели атаки находились на расстоянии около 200 миль от аэродрома. Только обратный полет должен был занять около полутора часов. Но, когда ждешь, каждая секунда кажется часом, а минута — бесконечностью.

Мы, на земле, могли только терпеливо ждать. Надеяться. Ждать. Молиться. И ждать. Это было невыносимо. Затем, когда прошли целые сутки (или больше?), наблюдательный пост сообщил: «Два «Зеро» на такой-то высоте с такого-то пеленга». После этого нам оставалось только ждать новых рапортов, которые, как все ожидали, будут самыми обычными и рутинными.

К несчастью, в этот день рапорты не были обычными. Второе звено, которое задержалось с вылетом, встретило вражеские истребители над горами. Наши самолеты летели на малой высоте, поэтому в завязавшемся бою оказались в крайне невыгодном положении. Однако истребители сопровождения встретили противника, и пикировщики «Сюзэй» полетели дальше. В результате 3 ис-

требителя сопровождения потеряли контакт с камикадзэ, и им не оставалось ничего иного, как вернуться на базу. Один самолет был так серьезно поврежден, что не смог приземлиться, и пилоту пришлось выпрыгнуть с парашютом, чтобы спастись. Пилоты истребителей сопровождения страшно жалели, что не смогли сопровождать пикировщики до цели. Поэтому мы не получили никаких сообщений о результатах, достигнутых вторым звеном отряда «Ниитака».

Вскоре на базу вернулись самолеты сопровождения первого и третьего звеньев. Они сообщили, что были достигнуты несколько попаданий во вражеские авианосцы. Одна из успешно атакованных целей была опознана как американский авианосец «Тикондерога»¹.

Напутствие матери

В один из весенних дней на базу 765-й авиагруппы в Кидзине, Формоза, приехала пожилая женщина. Ее встретил командир авиагруппы капитан 1 ранга Сёго Масуда, который знал, что госпожа Мисао Кисанаги — жена члена Верховного суда Тайхоку. Она передала капитану 1 ранга Масуда шарф и прядь волос, попросив, чтобы один из пилотов-камикадзэ взял их с собой в полет. Ее сын, который был курсантом-пилотом, скончался от болезни, не успев закончить летную школу. Госпожа Мисао чувствовала, что заветное желание ее сына исполнится, если эта память о нем примет участие в бою. На шарфе она написала краткое напутствие:

«Я молюсь за прямое попадание.
Мисао»

---

¹ В этот день пилоты-самоубийцы повредили авианосец «Тикондерога», легкий авианосец «Лэнгли» и эсминец «Мэддокс». *Прим. авт.*

Капитан I ранга Масуда принял эти дары, и когда звено специальных атак перебазировалось из Кидзина на передовой аэродром, он вручил их командиру. Командир звена взял шарф и локон с собой, когда позднее спикировал на вражеский корабль.

ГЛАВА 14

Февраль 1945 — март 1945 года

ОПЕРАЦИЯ «ТАН»

Камикадзэ над Иводзимой

Чтобы получить время для пополнения потрепанной базовой авиации и подготовить новых пилотов, нам требовалось постараться задержать наступление противника как можно дольше. Командование 5-го Воздушного Флота, который был сформирован в начале февраля, предложило для этой цели нанести воздушный удар по вражеской передовой базе на Улити.

Однако еще до того, как появилась возможность провести такую операцию, вражеский флот неожиданно атаковал район Токио—Иокогама (равнина Канто). Эта атака укрепила нашу уверенность, что следующую высадку противник предпримет на остров Иводзима.

3-й Воздушный Флот, который был развернут в районе Канто, попытался отразить вражескую атаку, но не сумел добиться никаких серьезных результатов, применяя обычную тактику. Нам снова ясно дали понять, что обычными способами вражеское наступление не остановить. Пилоты 3-го Воздушного Флота сами добровольно предложили сформировать корпус специальных атак. После

этого 16 февраля вице-адмирал Кимпей Тераока приказал командиру 601-й авиагруппы капитану 1 ранга Риити Сугияме создать такое подразделение.

601-я авиагруппа предназначалась для действий с авианосцев и была специально обучена для этого. Моральный дух в ней был даже выше, чем в обычных авиагруппах, несмотря на то, что она постоянно находилась в бою. Капитан 1 ранга Сугияма намеренно задержал приказ о наборе добровольцев для того, чтобы позволить пилотам осознать неудачные итоги боев над Канто. Он объявил об этом 18 февраля, и от добровольцев-курсантов не было отбоя.

Капитан-лейтенант Синтаро Такеда как командир летного состава отвечал за выбор летчиков. Но, когда он выполнил приказ, неожиданно возник конфликт. Летчики, которые не были отобраны, подняли бурю протестов. Понимая, что Такеда не может ничего изменить, они пошли прямо к капитану 1 ранга Сугияме. Не выбранные добровольцы приходили к нему поодиночке и группами всю ночь, чтобы выразить свое несогласие с выбором Такеды.

Нужно было как-то успокоить возмущенных летчиков, и это добавило забот Сугияме. Он оставил за собой выбор командира подразделения специальных атак, и одно это уже само по себе было сложной задачей. Выбирать приходилось между лейтенантом Муракавой, который командовал авианосными бомбардировщиками, и лейтенантом Хидой. Первый требовал выбрать именно его на том основании, что бомбардировщики составляли большую часть группы. Хида был старше и поэтому требовал выбрать его. Ни один не желал уступать. В конце концов Сугияма выбрал Муракаву. Хида возмущался так громко, что Сугияме пришлось дать обещание при первой же возможности обязательно дать ему возможность участвовать в атаке.

19 февраля адмирал Тераока дал отряду название «Митате» № 2. Он состоял из 32 самолетов, разделенных на 5 групп:

- № 1: 4 истребителя, 4 авианосных бомбардировщика
- № 2: 4 истребителя, 4 авианосных бомбардировщика
- № 3: 4 истребителя, 4 авианосных бомбардировщика
- № 4: 4 авианосных торпедоносца
- № 5: 4 торпедоносца

Рано утром 21 февраля эти группы поднялись в воздух с авиабазы в Катори, дозаправились на Хатидзодзиме, а затем атаковали вражеские корабли вокруг Иводзимы и в районе островов Титидзима. По донесениям, полученным к вечеру, были потоплены 1 американский авианосец и 4 транспорта, еще 1 авианосец и 4 других военных корабля были повреждены. После войны стало известно, что в этот день атакой камикадзе был потоплен эскортный авианосец «Бисмарк Си»¹.

Самой интересной особенностью этих атак было то, что несколько пилотов истребителей сами попытались таранить корабли противника после того, как их задача по сопровождению камикадзе была выполнена. Также интересно отметить, что во время остановки на Хатидзодзиме командир группы № 2 лейтенант Иидзима и командир группы № 5 лейтенант Сакураба обнаружили, что на их самолетах неисправны моторы. Не колеблясь, они пересели на другие самолеты, чтобы выполнить поставленную задачу. Наблюдатели сообщили, что Иидзима врезался в транспорт, а Сакураба спикировал на авианосец типа «Саратога». Это показывает, что моральный дух 601-й авиагруппы был исключительно высоким.

---

¹ В этот день вблизи от Иводзимы были повреждены авианосец «Саратога», эскортный авианосец «Лунга Пойнт», сетевой заградитель «Кеокук» и танко-десантные корабли LST-477 и LST-809. *Прим. авт.*

Отряд «Адзуса» атакует Улити

Однако общее военное положение Японии продолжало неотвратимо ухудшаться. Бои на острове Иводзима с самого начала приняли неблагоприятный для нас характер. После длительного обстрела берега кораблями американского флота и многодневных бомбардировок с воздуха американцы высадились на остров 19 февраля. Японский гарнизон оказывал им ожесточенное и упорное сопротивление, но численный перевес противника и превосходство в вооружении решили исход боев. Японский гарнизон был уничтожен, а остров был полностью занят противником 16 марта. Однако уже 6 марта американцы захватили и начали использовать аэродромы Иводзимы.

Когда вражеский флот завершил поддержку операции на Иводзиме, он повернул на юг. Данные радиоперехвата показали, что американские корабли направляются на Улити. Разведчик 4-го Воздушного Флота, вылетевший с Трука, 9 марта провел разведку и подтвердил, что вражеские корабли стоят на якоре в лагуне. Когда была получена эта информация, было принято решение провести давно запланированную операцию «ТАН». Ее целью было уничтожение американских кораблей в лагуне Улити. Приказ провести атаку был отдан 10 марта, в нем было предусмотрено следующее:

1. Одна летающая лодка покинет бухту Кагосима в 03.00, чтобы провести метеоразведку по курсу от мыса Сата через Окиноторисиму к Улити.

2. Четыре базовых бомбардировщика вылетят из Канои в 04.30 и будут патрулировать впереди главных сил.

3. Четыре летающие лодки вылетят из Кагосимы в 07.30, чтобы провести главные силы к Улити.

4. Главные силы из 24 бомбардировщиков «Фрэнсис» встретятся с самолетами наведения над мысом Сата и проследуют к Улити, чтобы провести специальную атаку вражеских кораблей. Каждый самолет будет нести одну 800-кг бомбу.

Был сформирован отряд специальных атак «Адзуса». 10 марта самолеты вылетели, чтобы атаковать Улити, но были отозваны после неожиданного сообщения с Трука. В этой радиограмме уточнялись данные фоторазведчика, пролетевшего над американской базой накануне. На снимках был обнаружен только один американский авианосец.

Только после того, как отряд «Адзуса» вернулся на базу, пришла новая радиограмма, в которой говорилось, что на самом деле на Улити находятся **восемь** авианосцев и **семь** эскортных авианосцев. Но было уже поздно, чтобы в этот же день снова отправлять самолеты. Однако 11 марта в 09.20 отряд встретился с самолетами наведения над мысом Сата и полетел дальше, чтобы атаковать противника.

Раннее утро 11 марта было ясным, но возле острова Окиноторисима были встречены дождевые шквалы, и нашим ударным самолетам пришлось набрать высоту, чтобы перескочить через погодный фронт. Они спустились сквозь тучи, когда предположительно подошли к цели, но даже не сумели увидеть атолл. Примерно в 18.30 бомбардировщики «Фрэнсис» отделились от самолетов наведения. Вскоре после этого в 20 милях к востоку они увидели остров Яп и смогли лечь на правильный курс.

Солнце село в 18.52, и Улити скрылся во тьме, когда камикадзе подлетели к нему. Они прилетели к атоллу с задержкой не только из-за навигационной ошибки, но и потому, что встречный ветер заметно снизил их скорость. Из 24 бомбардировщиков, которые вылетели утром, у 13 во время перелета возникли неполадки в моторах, и они были вынуждены отказаться от атаки. Большинству из них повезло совершить аварийные посадки на островах вдоль маршрута, но 2 самолета произвели вынужденную посадку на воду. Оставшиеся 11 бомбардировщиков сумели незаметно подобраться к целям, которые не соблюдали затемнение. Первый «Фрэнсис» спикировал на цель в 19.05, а к 19.30 все бомбардировщики атаковали вражеские корабли. Так как самолетов сопровождения не

было, проверить результаты атаки не удалось, поэтому никто не знал, имелись попадания или нет.

На следующий день разведывательный самолет «Мирт» с Трука подтвердил, что поврежденных авианосцев на якорной стоянке Улити нет. Стало ясно, что атака завершилась неудачей¹.

---

¹ Не полной. 11 марта 1945 года на якорной стоянке Улити камикадзе протаранил авианосец «Рандольф». *Прим. авт.*

ГЛАВА 15

Февраль 1945 — июнь 1945 года

ВОЙНА ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ЯПОНИИ

Последние приготовления

К началу 1945 года японские военные лидеры столкнулись с тяжелой проблемой: как остановить неотвратимое продвижение огромных сил противника к Японии? После падения Иводзимы и захвата Филиппин японская метрополия оказалась отрезанной от сырьевых ресурсов южных районов в Малайе, на Борнео и Суматре. Теперь противник мог свободно выбирать, где нанести следующий удар. Где будет высажен следующий десант? На Формозе? На Окинаве? На южном побережье Китая? Командование армии и флота пришло к заключению, что следующий удар противника будет нанесен по Окинаве, входящей в архипелаг Рюкю. Поэтому, начиная с января, на острове начались лихорадочные приготовления к обороне.

Так как в июне японский флот потерял значительную часть своих надводных кораблей в бою у Марианских островов, а в октябре у Филиппин были потоплены почти все оставшиеся, он больше не мог вступить с противником в сражение. Все наши надежды на защиту соб-

ственно Японии теперь были связаны только с базовой авиацией.

11 февраля 1945 года все воздушные флоты ВМФ были переформированы, чтобы увеличить ударный потенциал авиации флота. Из 3-го Воздушного Флота вывели 25-ю воздушную флотилию и другие части, которые вместе с 12-й воздушной флотилией Объединенного Флота были сведены в 5-й Воздушный Флот. Он дислоцировался на острове Кюсю и имел задачу воспрепятствовать высадке противника на Окинаве.

1 марта был создан 10-й Воздушный флот, в который вошли 11-я, 12-я и 13-я объединенные авиагруппы, которые проходили подготовку в Японии. Это соединение должно было стать резервом для 5-го Воздушного Флота. Остатки 3-го Воздушного Флота были развернуты на равнине Канто, чтобы прикрывать восточные подходы к центральной Японии.

К началу марта 1945 года численность японской морской авиации и ее дислокация были следующими:

Воздушный флот	Количество самолетов	Дислокация
Первый	300	Формоза
Третий	800	район Токио
Пятый	600	Кюсю
Десятый	400	Хонсю
Итого	2100	

На первый взгляд, 2100 самолетов представляли собой грозную силу, но мы не имели такого количества опытных пилотов и членов экипажа. Большинству не хватало опыта и тренировки. Они не были готовы к боям. Летчики 10-го Воздушного Флота вообще пока что проходили базовую подготовку. Так как следующее крупное наступление противника ожидалось в начале апреля, было совершенно понятно, что у нас практически нет шансов отразить его, используя обычную тактику.

1-й Воздушный Флот на Формозе после эвакуации с Филиппин перешел на методы специальных атак. Имперский генеральный штаб в Токио отправил депешу командующим 5-го и 10-го воздушных флотов, что больше не осталось никаких альтернатив массированному применению специальных атак, во время которых даже неопытный пилот может добиться попадания. Было решено использовать лучше подготовленных летчиков 5-го Воздушного Флота против вражеских авианосных соединений, а курсантов 10-го Воздушного Флота — против транспортов и мелких кораблей.

Реактивные бомбы «Ока»

Кроме обычных самолетов, использованных для специальных атак на Филиппинах в октябре 1944 года, к началу боев на Окинаве была готова еще одна машина, работы над которой начались летом прошлого года.

19 июня 1944 года вице-адмирал Сигеру Фукудомэ, командующий 2-го Воздушного Флота, инспектировал аэродром 341-й авиагруппы в Татеяме, расположенный к юго-западу от Токио. Капитан 1 ранга Мотохару Окамура, командир 341-й авиагруппы, использовал эту возможность, чтобы изложить свои взгляды адмиралу. «В сложившейся ситуации я твердо уверен, что единственным способом повернуть ход войны в нашу пользу является использование нашими самолетами таранных атак. У нас нет другого выхода. Мы найдем более чем достаточно добровольцев, желающих попытаться спасти свою страну, и я желал бы командовать такой операцией. Дайте мне 300 самолетов, и я изменю ход войны».

Капитан 1 ранга Окамура давно был связан с морской авиацией, так как еще в 1925 году завершил летные курсы. Поэтому вполне естественно, что в сложившихся критических обстоятельствах он решил, что только летчики могут спасти страну. Он также был твердо

убежден, что нет альтернативы предложенной им отчаянной тактике.

За 4 дня до этого противник высадился на Сайпане, и теперь на острове шли ожесточенные бои. В это же время наши авианосцы вели сражение к западу от Марианских островов. Эта островная цепочка являлась ключевым звеном в японском оборонительном периметре на западе Тихого океана. Однако понемногу становилось ясно, что долго острова не продержатся.

В ответ на настоятельные просьбы Окамуры адмирал Фукудомэ заявил: «Не в моей власти удовлетворить вашу просьбу, однако я доложу о ней в Токио».

Несколько дней спустя Фукудомэ встретился с вице-адмиралом Сейити Ито, заместителем начальника Морского генерального штаба, и изложил ему взгляды Окамуры. При этом Фукудомэ добавил, что подобные мнения получили широкое распространение и обсуждаются во фронтовых частях морской авиации. Поэтому верховному командованию, безусловно, следовало бы прислушаться.

«Я доложу о предложениях Окамуры начальнику Морского генерального штаба. Но лично я думаю, что для такой отчаянной тактики еще не настало время», — ответил Ито.

Противник захватывал Марианские острова, один за другим, и положение Японии стало еще более трудным. Каждое поражение и каждое отступление укрепляли уверенность Окамуры, что тактика таранных ударов является единственным решением проблемы. Он продолжал пробивать свою идею с такой энергией по всем официальным и неофициальным каналам, что в августе 1944 года было принято решение изучить ее.

В конце лета 1944 года энсайн Ота, который ранее летал на транспортных самолетах в Рабаул, предложил построить пилотируемый ракетный снаряд, который будет подвешиваться к базовому бомбардировщику ВМФ «Бетти». Авиационный исследовательский отдел Токийского императорского университета помог ему подготовить чер-

тежи, которые были переданы в Морское бюро авионавтики в Йокосуке. Таким образом сошлись в одном месте и в одно время тактическая концепция специальных атак и новый тип оружия, созданный как раз для этих атак.

После тщательного изучения командование флота и Бюро авионавтики решили принять проект Оты. Были спешно проведены нужные эксперименты, и в конце 1944 года снаряд, названный «Ока» (цветок вишни), был запущен в производство. Впервые я услышал о нем после возвращения в Японию с Формозы, но увидел воочию только в апреле 1945 года, после перевода в 721-ю авиагруппу.

В сентябре 1944 года капитан 1 ранга Окамура был назначен командиром этого подразделения. Он должен был сформировать подразделение специальных атак на базе в Ко-но-Икэ, расположенной к северо-западу от Токио. Окамура немедленно приступил к работе и начал обучение пилотов. Тренировки не прекратились, даже когда 721-я авиагруппа перебазировалась в Каною во время реорганизации воздушных флотов.

Снаряд «Ока» представлял собой маленький деревянный планер, содержащий 1800 кг взрывчатки. Двухмоторный бомбардировщик должен был доставить его на расстояние 20 км к цели, после чего сбрасывал. «Ока» планировал на цель, разгоняясь с помощью 5 ракетных ускорителей. Если снаряд сбрасывали на высоте 6000 метров, он имел дальность полета около 30 км. Пилот самолета-снаряда должен был находиться в бомбардировщике-носителе до момента выхода в район атаки. Там он через бомбовый отсек бомбардировщика перебирался в тесную кабину «Оки». После того как вражеские корабли будут замечены и опознаны, пилот человекоуправляемого снаряда должен был сообщить о своей готовности пилоту бомбардировщика. Потом он дергал рычаг сброса и отправлялся в последний полет, который длился всего несколько минут. После отделения от самолета-носителя для пилота «Оки» уже не было обратного пути. Когда американцы узнали об этом оружии, они окрестили его «Бака» (дурак, глупец).

Во внезапно сложившихся чрезвычайных обстоятельствах нетрудно принять решение умереть. Но для юношей, обучавшихся пилотировать самолеты-снаряды, жизнь превращалась в затянувшуюся агонию, потому что более 6 месяцев отделяли начало подготовки от первой возможности умереть в бою. Их тщательно отбирали по всем авиационным частям, и все они были великолепно обучены. Во время долгого периода обучения они еще более совершенствовались свое мастерство. Пилоты самолетов-снарядов показали себя такими же надежными и способными солдатами, как пилоты-камикадзэ, которые отдали свои жизни во время боев на Филиппинах.

Первые вылеты

Перед высадкой на Окинаве 19 и 20 марта американское авианосное соединение провело серию атак против авиабаз на Сикоку, Кюсю и западном Хонсю. В первый день навстречу противнику вылетели около 50 пилотов-камикадзэ, которые повредили вражеские авианосцы «Энтерпрайз», «Йорктаун», «Интрепид» и «Франклин»¹. Наши перехватчики утверждали, что сбили несколько десятков вражеских самолетов. Однако потери в Каное и на других авиабазах были тяжелыми.

20 марта отряд специальных атак, состоящий из 20 пикировщиков «Джуди», атаковал вражеское соединение, и пилоты сообщили, что повреждены по одному авианосцу типа «Эссекс» и типа «Саратога». На рассвете 21 марта самолет-разведчик обнаружил 3 вражеских авианосца возле юго-восточной оконечности Кюсю, примерно в 320 милях от Тоидзаки по пеленгу 145°. Самолетов

---

¹ 19 марта были повреждены авианосцы «Эссекс», «Франклин» и «Уосп», но не атаками камикадзэ. «Эссекс» пострадал от огня своих же кораблей, остальные два были повреждены атаками обычных бомбардировщиков. *Прим. авт.*

воздушного патруля над авианосцами не было. Это можно было считать доказательством того, что корабли накануне получили повреждения.

Вице-адмирал Матомэ Угаки, командовавший 5-м Воздушным Флотом, увидел в этом сообщении долгожданную возможность испробовать в деле снаряды «Ока». Поэтому всем имеющимся истребителям было приказано сопровождать ударную группу. Но, несмотря на весь свой пыл и твердую уверенность, что снаряды «Ока» могут добиться успеха, капитан 1 ранга Окамура не был уверен в результатах атаки. Его постоянно беспокоила слабость истребительного сопровождения. Он понимал, что бомбардировщики, и без того не слишком скоростные, с подвешенным тяжелым снарядом еще больше потеряют в скорости, поэтому им необходимо сильное сопровождение, чтобы они сумели прорваться к целям.

Когда был отдан приказ поднимать в воздух бомбардировщики, вооруженные снарядами «Ока», капитан 1 ранга Окамура прибежал в оперативный отдел штаба и спросил: «А нельзя ли выделить дополнительные истребители?»

Начальник штаба Угаки контр-адмирал Тосиюки Ёкои объяснил: «Все истребители 201-й авиагруппы получили приказ прикрывать атаку. Но эта группа в последнее время понесла тяжелые потери, поэтому она вряд ли найдет более 55 самолетов».

«Нельзя ли послать больше? Я думаю, этого будет мало», — продолжал настаивать Окамура.

Ёкои возразил: «У нас нет иного выбора, разве что вообще отменить атаку». Он повернулся к командующему флотом и сказал: «Господин адмирал, вы все слышали. Нам отменить атаку?»

Адмирал Угаки, который постоянно находился в оперативном отделе с начала вражеских налетов 18 марта, встал из кресла, положил Окамуру руку на плечо и ответил: «Если снаряды «Ока» нельзя использовать в сложившейся ситуации, в будущем их вообще нельзя будет использовать».

Капитан 1 ранга Окамура заметно вздрогнул, у него на лице промелькнула тень внутренней боли, однако он выдал: «Мы готовы начать атаку, господин адмирал». После этого он козырнул и вышел из комнаты.

Пилот «Ока» был с самого начала обречен, однако для Окамуры было мучительно больно думать, что он посылает людей в полет, с его точки зрения бессмысленный и безнадежный. Им предстояло погибнуть ни за что. Окамура желал, чтобы пилоты человекоуправляемых снарядов гибли не только героически, но с и пользой, чтобы их деяния запомнились навсегда.

Капитан 1 ранга Окамура был опытным пилотом и прекрасно знал возможности вражеских истребителей Грумман «Хеллкэт». Он также понимал, что пилотам 55 японских истребителей не хватает подготовки, поэтому они не смогут дать отпор многочисленным американским перехватчикам. Поэтому, выйдя из помещения оперативного отдела, он решил лично возглавить атаку.

Ударная группа состояла из 18 бомбардировщиков «Бетти», причем только 2 не имели снарядов «Ока». Командиром группы был назначен капитан-лейтенант Горо Нонака, талантливый летчик и ветеран, давно летавший на торпедоносцах. Он был жестким человеком, который большое значение придавал поддержанию традиционно самурайского духа. Но в то же время он постоянно заботился о своих людях. Это была спаянная группа, которая верила своему командиру, гордилась им и была готова пойти за ним на смерть.

Подготовка к взлету уже шла полным ходом, когда лейтенант Каи, один из молодых пилотов, обратился к Нонака с просьбой уступить ему место в головном самолете. Каи прекрасно понимал опасность подобных вылетов и желал отдать свою жизнь вместо командира. Причины его просьбы были совершенно понятны, однако Нонака, полностью поглощенный сиюминутными заботами, просто оттолкнул Каи в сторону и не стал даже разговаривать с ним.

В этот момент появился Окамура, который сказал: «Нонака, я намерен возглавить сегодняшнюю атаку».

Нонака сразу понял намерения старшего офицера и, отбросив в сторону свою обычную почтительность, грубо закричал: «Что это, господин капитан 1 ранга? Вы не доверяете мне? На сей раз я отказываюсь выполнить ваш приказ!»

Эти слова поразили Окамуру до глубины души, и он был вынужден признать, что не может лишить Нонака чести возглавлять атаку.

Приготовления шли полным ходом, и гул моторов уже наполнил воздух. Экипажи выстроились перед командным пунктом. Нонака стоял впереди шеренги, когда к нему подошел лейтенант Игути, старший из пилотов снарядов «Ока», и почтительно произнес: «Господин капитан-лейтенант, я молюсь за наш сегодняшний успех».

Игути не должен был лететь сегодня. Вместо него командовать человекоуправляемыми снарядами был назначен лейтенант Кинтаро Михаси, хотя он был младше Игути.

Был отдан приказ подготовиться к взлету, и экипажи бомбардировщиков поспешили к своим самолетам. Михаси и Игути обнялись и попрощались. Игути сказал: «Надеюсь, сегодня все пройдет гладко».

Михаси рассмеялся и ответил: «Не беспокойся об этом вылете. Лучше думай о следующем!»

Пилоты снарядов на бегу выкрикивали прощания, когда бежали к своим самолетам-носителям вместе с их экипажами. Нонака улыбнулся и заметил: «Прямо как в Минатогаве»¹, после чего занял место в кабине головного бомбардировщика. Адмирал Угаки стоял рядом с командным пунктом во время взлета ударной группы. Когда он

---

¹ Часовня под таким названием находится в Кобе. Она воздвигнута в память Масасигэ Кусуноки, знаменитого воина XIV века, который сказал перед смертью: «Если бы я имел семь жизней, чтобы отдать за свою страну». *Прим. авт.*

смотрел на взлетающие бомбардировщики, у него на глазах выступили слезы.

В 11.35 бомбардировщики начали разбегаться, и головной самолет Нонака поднялся в воздух, а следом за ним остальные. Все зрители ясно видели белые повязки *хатимаки* на головах пилотов.

Из 55 истребителей, выделенных для прикрытия самолетов-носителей, прибыли только 30. Часть истребителей просто не смогла взлететь, еще несколько были вынуждены повернуть назад из-за проблем с моторами. Тем временем в штаб 5-го Воздушного Флота поступили новые сообщения разведчиков, в которых говорилось, что вражеское соединение разделилось на группы, состоящие из 3, 2 и 2 авианосцев соответственно. Противник двигался на юг, и неожиданно выяснилось, что он гораздо сильнее, чем предполагалось.

Когда пришла эта радиограмма, стало ясно, что успех сегодняшней атаки становится еще более сомнительным. Кое-кто предлагал отозвать самолеты обратно, но адмирал Угаки твердо решил продолжать операцию. Все штабные офицеры собрались вокруг раций, с тревогой ожидая сообщения, что бомбардировщики заметили противника. Однако наши самолеты не передали ни единого слова, и люди начали заметно нервничать. Время шло и шло, самолеты уже должны были находиться прямо над целью. Тишину в штабе нарушало только тиканье больших часов, отсчитывающих бесконечные минуты. Если наши самолеты еще не повернули обратно на базу, им может просто не хватить топлива.

Когда напряжение достигло предела, капитан 1 ранга Окамура не выдержал. «Что там случилось?»

Но ответом ему стала лишь томительная тишина.

Ударной группе по радио был отправлен приказ, который мы все выслушали с надеждой: «Если противник не обнаружен, следовать на остров Маркус». Теперь нам оставалось только ждать, но человеческие нервы не могут вынести подобного напряжения.

Наконец маленькая группа истребителей сопровождения вернулась на базу, и пилоты рассказали печальную историю о несчастье, которое обрушилась на наши самолеты. Примерно в 14.00 они были атакованы 50 истребителями «Хеллкэт» в тот момент, когда находились в 50 или 60 милях от вражеских кораблей. Наши истребители сопровождения отчаянно пытались отогнать американцев, но напрасно. Те сосредоточили все свои усилия на бомбардировщиках.

Эти тяжелые самолеты не могли ни бежать, ни увернуться от атак. Поэтому они были вынуждены сбросить снаряды «Ока» (пилот оставался на самолете-носителе), чтобы хоть как-то увеличить скорость и маневренность. Но вражеские истребители раз за разом бросались на наш строй, поливая бомбардировщики смертоносным шквалом пуль. Наконец замыкающий бомбардировщик загорелся. Пламя охватило огромный самолет, и он рухнул в море, волоча за собой шлейф дыма.

А затем один за другим были сбиты еще 14 наших бомбардировщиков, хотя истребители прикрытия отчаянно пытались защитить их. Пилоты горящих самолетов отдавали честь Нонака, когда очередной самолет вываливался из строя. Наконец остались только Нонака и еще 2 пилота. Эта тройка сумела спикировать и укрыться в облаке, но больше их никто не видел.

В результате, после 6 месяцев интенсивных тренировок, попытка атаки завершилась провалом и бессмысленной гибелью пилотов. Я не могу найти слова, чтобы выразить нашу горечь и отчаяние. Прощальные слова лейтенанта Нонаки всплывали в памяти, когда мы видели вымпел, поднятый над авиабазой Каноя в память об этой злосчастной операции. На нем было написано: «*ХИ РИ ХО КЕН ТЕН*»¹.

---

¹ Эти 5 иероглифов означают: Несправедливость, Принципы, Закон, Сила, Небеса. Это сокращенное написание любимой пословицы Масисигэ Кусуноки:

Бои на Окинаве

25 марта американские войска начали высаживаться на островах Керама Ретто, расположенных в 15 милях к западу от Окинавы. Поэтому на следующий день было приказано начать операцию «ТЭН ГО», чтобы попытаться нанести поражение американцам.

3-й и 10-й воздушные флоты были переданы под оперативное командование 5-го Воздушного Флота, базирующегося на западе Японии. После этого командующий 5-м Воздушным Флотом мог бросить всю авиацию японского флота против врага, высадившегося на Окинаву.

Близлежащий остров Камияма был занят противником 31 марта, но при этом безжалостные бомбардировки и обстрелы Окинавы, которые начались 6 дней назад, продолжались с неослабевающей силой. 1 апреля американцы высадились на самой Окинаве. В операции участвовали более 1400 кораблей всех классов, которые доставили 4 армейские дивизии и 2 дивизии морской пехоты. Всего противник высадил более 100000 солдат, которых поддерживали огромные силы флота. В резерве у противника на кораблях десантной армады еще имелись 50000 солдат.

Силы защитников состояли из 2 пехотных дивизий и 2 смешанных бригад 32-й Армии, которой командовал генерал-лейтенант Мицуру Усидзима. Кроме того, на острове находились гарнизонные войска флота под коман-

---

ХИ ва РИ ни катацу.
РИ ва ХО ни катацу.
ХО ва КЕН ни катацу.
КЕН ва ТЕН ни катацу.

Несправедливость не может победить Принципы.
Принципы не могут победить Закон.
Закон не может победить Силу.
Сила не может победить Небеса.

Прим. авт.

дованием контр-адмирала Минору Ота, а также авиагруппа «Нансей Сёто» под командованием капитана 1 ранга Та-намати. Всего на Окинаве находилось 7000 человек личного состава флота. Защитники сражались отчаянно, и нанесли противнику серьезные потери, но постепенно были отброшены в горы южной части острова.

Моряки адмирала Оты предприняли 13 июня последнюю атаку против американцев, высадившихся вблизи Ороку. Больше об адмирале Ота и его людях ничего не известно. Последнее сообщение адмирал отправил 6 июня.

«Более 2 месяцев прошло с того дня, как мы вступили в бой с захватчиками. В тесном единстве и гармонии мы вместе с армией предпринимали все возможное, чтобы сокрушить врага.

Несмотря на все наши усилия, битва приняла неблагоприятный характер. Мои войска оказались в сложном положении, так как мы передали все тяжелые орудия и 4 отборных батальона морских десантных частей в распоряжение армии. К тому же вражеская техника значительно превосходит нашу.

Поэтому я приношу свои глубочайшие извинения императору за то, что не сумел лучше защищать империю, не справился с возложенной на меня тяжелой задачей.

Войска под моим командованием сражались отважно, в лучших традициях Императорского Флота. Яростные бомбежки и обстрелы с моря могли сокрушить горы Окинавы, но не могли сломить дух моих людей. Мы надеемся и молимся за благополучие империи и охотно отдадим наши жизни ради этого.

Морскому министру и всем моим вышестоящим командирам я выражаю глубочайшую благодарность за поддержку, которую я ощущал долгие годы. В то же самое время я выражаю самое искреннее соболезнование семьям моих людей, которые пали на этом передовом рубеже как солдаты императора.

Вместе с моими офицерами и матросами я трижды восклицаю «*Банзай!*» императору и молюсь за вечный мир для империи.

Хотя мое тело останется на далекой Окинаве,
Мой дух будет упорно защищать родину.

Минору Ота,
Командующий силами флота».

Точно такую же доблесть проявило отдельное авиационное соединение — 931-й отряд, командир которого отправил последнее сообщение 10 июня:

«Мои люди отважно сражаются и не падают духом.
Мы молимся за конечную победу нашей родины.

Мы будем сражаться до последнего человека, защищая наши позиции.

Связь прекращается после этой радиограммы.

Капитан 1 ранга Дзиро Ханэда,
Командир 931-го отдельного авиационного отряда»

16 июня противник сумел прорвать основную оборонительную линию армии на юге острова. Генерал Усидзима руководил своими войсками в последнем бою. Перед тем как связь прервалась, он отправил прощальную радиограмму:

«Почти 3 месяца солдаты под моим командованием сражались с горячим желанием уничтожить дерзкого врага. Мы не сумели сокрушить противника, хотя стояли на смерть, и теперь мы обречены.

После прибытия на остров наши войска при самой искренней поддержке местного населения прилагали все усилия для строительства оборонительных сооружений.

После высадки противника наши воздушные и сухопутные силы, тесно взаимодействуя между собой, сделали все возможное, чтобы защитить остров.

К моему величайшему сожалению, мы больше не можем сражаться. Я приношу свои глубочайшие извинения императору и народу нашей родины за эту неудачу. Мы предпримем еще одну последнюю атаку, чтобы уничтожить как можно больше противников. Я молюсь за души воинов, погибших в бою, и за благополучие императорской фамилии.

Смерть не погасит желания моего духа защищать родину.

Я прощаюсь с вами навсегда с глубочайшей благодарностью за доброту и помощь со стороны вышестоящих начальников и товарищей по оружию.

Мицуру Усидзима»

К этому письму была сделана поэтическая приписка:

«Зеленая трава гибнет на островах, не дожидаясь осени,
Но ее побеги возродятся весной на родине.

Оружие сломано, наша кровь обогрила землю, но наш дух не сломлен.

Наши души вернутся, чтобы защитить родину».

ГЛАВА 16

Апрель 1945 — июнь 1945 года

ОТРЯДЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ АТАК, СФОРМИРОВАННЫЕ В ЯПОНИИ

Операция «Кикусуй» на Окинаве

Как мы уже видели, заранее спланированное использование тактики камикадзэ началось на Филиппинах в октябре 1944 года. Хотя их атаки были спорадическими, они нанесли такой урон противнику, что японское верховное командование пришло к заключению, что только тактика камикадзэ способна остановить врага. Во время боев за Окинаву впервые самоубийственные атаки летчиков флота и армии были скоординированы.

В результате была проведена серия атак под общим названием «Кикусуй». Всего в период с 6 апреля по 22 июня были проведены 10 массированных атак.

Кикусуй		Самолеты			Вражеские корабли	
№	Дата	Морские	Армейские	Всего	Потоплено	Повреждено
1	6—7 апреля	230	125	355	4	24
2	12—13 апреля	125	60	185	1	14

3	15—16 апреля	120	45	165	1	9
4	27—28 апреля	65	50	115	0	9
5	3—4 мая	75	50	125	3	14
6	10—11 мая	70	80	150	0	5
7	24—25 мая	65	100	165	1	9
8	27—28 мая	60	50	110	1	6
9	3—7 июня	20	30	50	0	7
10	21—22 июня	30	15	45	0	5
	Всего	860	605	1465	11	102

Это генеральное воздушное наступление проводилось с использованием самолетов всех типов. Налеты производились днем и ночью, и эта серия атак камикадзе нанесла противнику наиболее тяжелые потери за всю войну¹.

Успешная атака лейтенанта Дои на снаряде «Ока»

Противник уже высадился на Окинаве, когда в начале апреля я был переведен в авиагруппу капитана 1 ранга Окамуры, дислоцированную рядом с Каноей на юге Кюсю. Побывав в штабе воздушного флота, который размещался в бомбоубежище в пригороде, я отправился прямо в лагерь капитана 1 ранга Окамуры. Он располагался на западном краю аэродрома, и условия там были ужасными, в чем я убедился в первую же минуту.

Возможностей улучшить условия жизни практически не было, потому что после начала боев за Окинаву, на Кюсю стали спешно перебрасывать войска, причем в

---

¹ Американские данные отличаются от этих. За указанный период были потоплены 26 кораблей и 164 повреждены атаками самоубийц. Однако сюда входят корабли, пострадавшие не только в результате операции «Кикусуй», но и от отдельных мелких атак, в которых участвовали в общей сложности еще около 200 самолетов армии и флота.
Прим. авт.

большом количестве. Летчики жили в здании начальной школы, которое было построено полвека назад. Оконные рамы были выбиты во время воздушных налетов, а сквозь дыры в крыше можно было видеть небо. Люди спали прямо на деревянном полу, а все здание было неопишимо грязным.

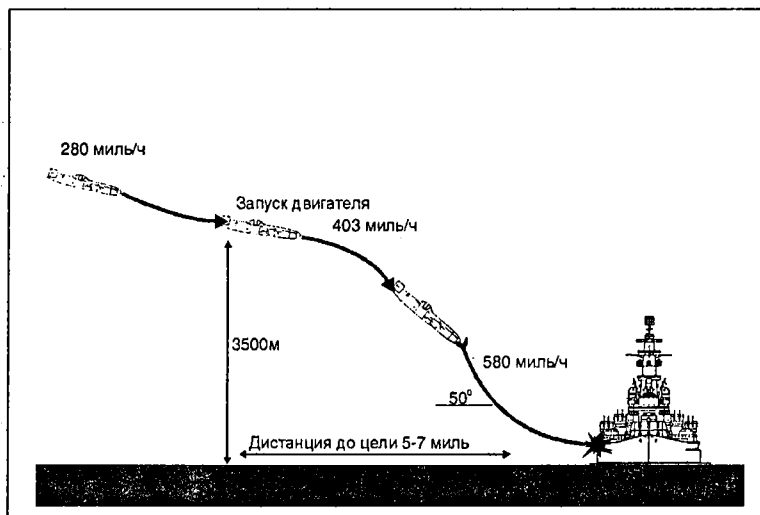
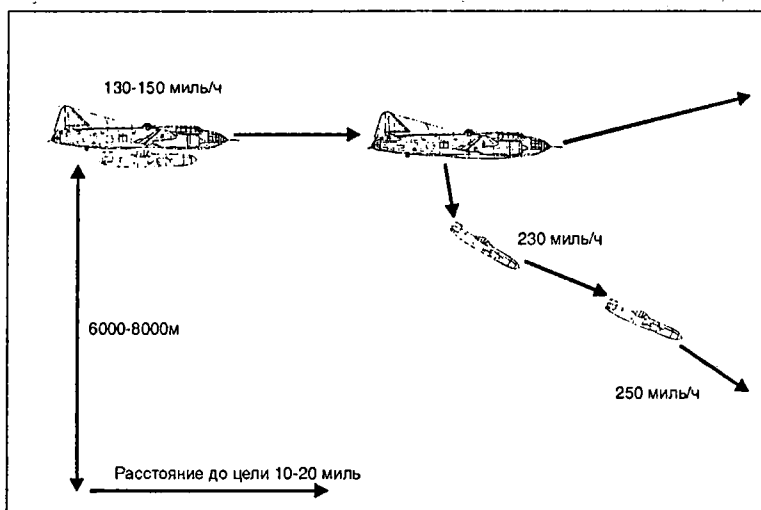
Мне приходилось жить на фронтовых аэродромах в Рабауле, на Новой Гвинее, на Филиппинах, но условия размещения 721-й авиагруппы в самой Японии были самыми ужасными из всего, что я видел. Первая ночь была просто ужасной, я никак не мог заснуть. Одно одеяло совершенно не защищало от холодного ветра, который свистел во всех щелях старого дома. Мне казалось, что здание для летчиков корпуса специальных атак могло бы быть более уютным, пусть даже и скромным.

На следующее утро я вызвал лейтенанта Сабуро Дои и приказал ему немедленно организовать работы по улучшению условий проживания пилотов. Дои, закончивший среднюю школу в Осаке, числился в отряде специальных атак снарядов «Ока», который могли бросить в бой в любой момент. Однако он энергично взялся за работу, собрав солдат строительных частей и частей обслуживания. Они сделали для летчиков все, что могли. Дыры были залатаны, и теперь дождь был уже не страшен, а принесенные откуда-то соломенные тюфяки позволили спать в относительном комфорте.

Однажды я с удивлением увидел, как Дои собрал группу младших офицеров и заставил их мыть полы в доме. Некоторое время я следил за работой, восхищаясь приложением молодых людей. Когда я похвалил их, один из пилотов сказал: «Да, здесь действительно было грязно. А чтобы вычистить, нужно чистить».

Дои продолжал добывать неведомо откуда соломенные тюфяки, он даже сумел найти несколько бамбуковых кроватей. Они были узковаты, но ведь лучше такие, чем вообще никаких. Поэтому все летчики были очень благодарны лейтенанту Дои за его заботу.

Тем временем бои на Окинаве приняли ожесточенный характер, и командование приказало 12 апреля провести атаку с использованием снарядов «Ока» в ходе операции «Кикусуй № 2». Дои был одним из пилотов, которым предстояло лететь в этот день. После прощальной трапезы он подошел ко мне и сказал: «Я достал еще 6 кроватей и 15 соломенных тюфяков. Их должны привезти сегодня. Могу я просить вас присмотреть за тем, чтобы они наверняка попали в нашу казарму?»

После этого он поднялся в люк самолета-носителя и пропал.

В этот день в атаках были использованы 8 снарядов «Ока». Кроме них в налетах приняли участие 80 камикадзе и более 100 истребителей сопровождения. Самолеты направлялись к Окинаве разными курсами, чтобы одновременно выйти к цели с различных направлений. Вместе с тем, предполагалось использовать в качестве укрытия высокие скалы, окружающие вражеские якорные стоянки.

Те, кто оставался на аэродроме, могли только проводить их взглядом, молиться за их успех и ждать результатов атаки. В центре связи люди согнулись над приемниками, с напряжением дожидаясь донесений наших самолетов. Когда первая ударная группа приблизилась к Окинаве, я надел наушники. Донесения начали поступать непрерывно. Меня больше всего интересовали действия бомбардировщиков, несущих бомбы «Ока».

Первая попытка применить эти человекоуправляемые бомбы, предпринятая 21 марта, завершилась настолько бесславленным провалом, поэтому сегодня, скорее всего, был последний шанс доказать ценность этого оружия. Мы все надеялись, что на этот раз энергичные действия наших пилотов будут вознаграждены.

«Видю вражеские истребители!» Я вздрогнул, когда услышал первое сообщение самолета лейтенанта Дои. Неужели и вторая попытка использовать эти снаряды будет сорвана вражескими истребителями? Казалось, время ос-

тановилось. Сумеют ли неуклюжие бомбардировщики прорваться сквозь завесу вражеских перехватчиков?

Следующее сообщение заставило меня облегченно вздохнуть. «Мы уклонились от вражеских истребителей».

Как это могло произойти? Но сейчас было не время строить догадки. Сообщения следовали одно за другим.

«Приготовиться выпустить снаряд «Ока».

«Цель — линкоры».

Через несколько секунд «Ока» отделится от самолета-носителя.

«Пуск!» Я буквально увидел, как Дои ныряет в направлении гигантского линкора. Он включает ракетные ускорители, и скорость нарастает, а затем он врывается прямо в цель.

Из 8 самолетов-носителей, участвовавших в атаке, 6 были сбиты после того, как сбросили свои снаряды. Только один благополучно вернулся на базу, причем это оказался как раз самолет, на котором находился лейтенанта Дои. Экипаж рассказал, что после взлета Дои заявил, что хочет подремать, и попросил разбудить его за 30 минут до прибытия к цели. Он уютно устроился на импровизированной постели и уснул. После того как его разбудили, Дои спросил: «Время летит очень быстро, не так ли?»

Он пожал руку командиру самолета и через бомбовый отсек спустился в свой снаряд. С самолетом-носителем его связывала переговорная трубка, по которой Дои сообщил, что готов. Бомбардировщики, вооруженные снарядами «Ока», подошли к Окинаве с запада и увидели огромное количество вражеских кораблей. Они появились на предельной дальности полета снарядов, а потому было крайне желательно как можно больше сократить дистанцию.

Дои выбрал своей целью линкор. На высоте 6000 метров на расстоянии 18000 метров от цели, что являлось оптимальными условиями, человекоуправляемый снаряд был выпущен. Экипаж бомбардировщика с волнением следил, как он пошел вниз, чуть покачивая крыльями.

Снаряд постепенно набирал скорость и становился все меньше. Самолет-носитель поспешно повернул и помчался на запад на максимальной скорости, так как оставаться в небе, кишашем вражескими истребителями, было более чем рискованно.

Из донесений экипажа было ясно одно: снаряд «Ока» набирал скорость, пилот сохранил управление и вел прямо на цель. Позднее летчики видели столб черного дыма высотой 500 метров, поднявшийся примерно в том месте, где находилась цель, выбранная лейтенантом Дои¹.

В последние дни апреля бои вокруг Окинавы стали еще более яростными. Первых пилотов-камикадзе заменили новые. Они спали на соломенных тюфяках и бамбуковых кроватях, которые раздобыл лейтенант Дои, а их благородные души последовали за ним во время вылетов, из которых не было возврата. Цветы вишни опадали, но деревья оставались по-прежнему зелеными.

Камикадзе против «Хеллкэтов»

Наше бомбоубежище в расположении 341-й авиагруппы находилось примерно в 100 метрах севернее учебного класса. Центр связи с самого начала разместили в бомбоубежище, поэтому радио продолжало работать даже во время вражеских воздушных налетов. Дневные и даже ночные налеты становились все более частыми, поэтому койки пилотов были перенесены в бомбоубежище, чтобы летчики могли хоть немного поспать. Это было тихое и безопасное место, но из-за плохой вентиляции воздух был тяжелым и влажным, поэтому спать там было не слишком приятно.

Среди офицеров корпуса специальных атак был один юноша, который только что закончил технический кол-

---

¹ 12 апреля только один снаряд «Ока» попал в американский корабль, причем не в линкор, а в эсминец «Стэнли». *Прим. авт.*

ледж в Муроране на Хоккайдо. Он оставался в колледже в качестве ассистента профессора и продолжал обучение до того момента, как было принято его прошение о зачислении в морскую авиацию. Он уже имел на своем счету несколько патентов и в будущем обещал стать крупным изобретателем. Некоторые его изобретения уже применялись в Японии и приносили большую пользу.

Однажды вечером я вызвал его в бомбоубежище, зная, что юноша рвется участвовать в первой же специальной атаке. Он вежливо отвечал на все мои вопросы, но я заметил, что он гораздо менее разговорчив, чем остальные пилоты-камикадзэ.

Я сказал ему: «Корпус специальных атак — не единственное место, где можно послужить своей стране. Японии в будущем понадобятся талантливые люди. Не считаете ли вы, что ваши технические способности важнее для страны, чем то, что вы можете сделать здесь?»

Он надолго задумался перед тем, как ответить. «Я много раз думал о том, что вы сейчас сказали, и не могу согласиться с вами. Я понимаю, что мои технические способности могут принести много пользы Японии, и это делает мое решение еще более трудным. Поэтому я надеюсь, что вы поймете меня и не станете мешать мне. Я просто не хочу менять свой выбор».

По его совершенно спокойному тону со стороны было трудно догадаться, что мы разговариваем о вещах, гораздо более серьезных, чем погода. Никогда раньше я не желал так сильно повлиять на решение человека участвовать в специальных атаках. Я столкнулся с печальным выбором. Человек явно может принести гораздо больше пользы своей стране живым, чем мертвым. А он совершенно спокойно и обдуманно заявляет, что желает умереть за свою страну. В его словах не было никакой рисовки. Хотя он ни слова не сказал о смерти, я совершенно уверен, что для него смерть означала ничто по сравнению с выполненным долгом. Я больше не сказал ничего. Но я боюсь, что его профессор будет обвинять меня за это.

Этот вроде бы уникальный случай на самом деле был совершенно типичным для японцев, беззаветно преданных своей стране. Он демонстрировал дух верности, возвращенный многими поколениями предков¹.

Через несколько дней он отправился в полет во главе группы из 4 «Зеро» для таранной атаки вражеских кораблей возле Окинавы. Каждый самолет нес 500-кг бомбу.

Примерно в 60 милях к северу от островов Амами-Осима они встретили 4 вражеских истребителя. В это время «Зеро» летели на юг, держась всего в 20 метрах над водой.

«Хеллкэты» появились немного справа, летя встречным курсом на высоте 1000 метров. Однако они развернулись и спикировали на тяжело нагруженные «Зеро». Те немедленно сбросили бомбы и развернулись, чтобы вступить в бой.

Как и большинство пилотов корпуса специальных атак, эти летчики провели не более 3 занятий по воздушным стрельбам, поэтому вряд ли следовало ждать от них в бою слишком многого. Поэтому я приказал им, как и остальным камикадзэ, не пытаться сражаться с гораздо более опытными вражескими пилотами. Самое лучшее, что они могли сделать в безнадежной ситуации — протаранить противника.

2 «Зеро» были быстро сбиты в ходе одностороннего боя, но командир группы сумел сбить один «Хеллкэт». Однако не успел он перевести дух, как на него бросился другой вражеский истребитель. Американец выходил в атаку с благоприятной позиции, поэтому японский пилот решил таранить противника. Самолеты мча-

---

¹ Я ничего не хочу сказать про оболваненного юнца. Но командир, твердо знающий, что «человек может принести гораздо больше пользы своей стране живым, чем мертвым», и не остановивший его, является либо дураком, либо преступником. Командир не должен был вести душеспасительные беседы, он должен был просто **приказать**. Но что значит благо страны по сравнению с самурайской честью и так называемым долгом. *Прим. пер.*

лись навстречу друг другу с ужасающей скоростью, но в последний момент «Хеллкэт» отвернул в сторону и бежал. Вероятно, его пилота испугала необычная тактика противника.

Японский пилот, решивший столкнуться с противником, был совершенно обескуражен его бегством и начал осматриваться в поисках новых целей. Оставшийся американский истребитель, который, вероятно, пилотировал командир звена, также ушел в сторону, когда «Зеро» повернул на него. Судя по всему, американский летчик понял, что противник настроен решительно, поэтому предпочел улететь прочь на полной скорости.

Так как бомба была сброшена, а противник исчез, «Зеро» повернул домой и благополучно приземлился на базе, где пилот доложил о происшедшем бое.

Жизнь в Каное

В Каное имелось большое поле, расположенное на берегу реки чуть южнее домиков, где жили пилоты. Хотя этот район не являлся частью авиабазы, считалось, что летчики могут гулять здесь, не получая увольнительной. Речка шириной не более 5 метров лениво текла среди бамбуковых зарослей и рисовых полей. На ее берегах цвели дикие белые розы, радуя глаз случайного прохожего.

Как-то один из пилотов решил прогуляться, чтобы полюбоваться этими красотами, и остановился посмотреть, как крестьяне жнут ячмень. Он заметил, что работу выполняют одни дети, старики и женщины. Пospешив обратно в казарму, он попросил моего разрешения помочь жнецам. Я не увидел в этом ничего страшного. Более того, такая работа помогла бы ему отвлечься, а потому я охотно дал разрешение. Слух об этом разлетелся мгновенно, и в тот же день более 30 пилотов отправились помогать крестьянам. Они вернулись на закате, уставшие и

обгоревшие на солнце. Но единственным их желанием было еще как-нибудь помочь крестьянам.

Достаточно быстро жители окрестных деревень и ферм узнали о пилотах, которые готовы придти на помощь, и вскоре на базу начали приносить подарки. Обычно такие подарки распределял местный штаб, но люди хотели быть уверены, что их дары попадут именно к тем, кому они предназначались, и всегда находили предлог отнести их прямо в казарму камикадзэ. Количество подарков вскоре приняло угрожающий характер. Насколько я знаю, пилоты-камикадзэ получили тысячи свежих яиц, сотни цыплят и даже одну корову.

Однажды на базу из Токио приехали мать и дочь, чтобы повидать жениха девушки. В последнем письме он сообщил, что его перевели в Каною. Не получив новых писем, они встревожились и решили проведать юношу. Женщины не подозревали, что он стал пилотом-камикадзэ и несколько дней назад улетел на задание к Окинаве.

Близкие друзья пилота, встретившие женщин, не знали, как им всё объяснить, и прибежали ко мне за советом. Было бы жестоко и безжалостно сказать им правду. Поэтому по моему совету посетительницам сообщили, что молодой офицер несколько дней назад отправлен на одну из передовых островных баз. Затем их провели по нашему обиталищу, показали комнату, которую он совсем недавно занимал. Женщины внимательно все осмотрели, а девушка потрогала бамбуковую кровать, на которой совсем недавно спал ее жених.

Больше они не задали ни одного вопроса. Похоже, они сами все поняли.

Не всегда боги

К тому времени, когда противник высадился на Окинаве, отношение к пилотам корпуса специальных атак за-

метно изменилось. На Филиппинах и на Формозе корпус состоял исключительно из добровольцев, их боевой дух был исключительно высок, они просто горели энтузиазмом. Кроме того, в первые дни существования камикадзэ перед корпусом стояла четкая цель — переломить ход битвы в пользу Японии. Сохранялись определенные надежды, что эта чрезвычайная тактика принесет успех. Но теперь огромные соединения В-29, взлетающие с Марианских островов и с материкового Китая, систематически бомбили Токио, Осаку и другие крупные японские города. Эти налеты открыли уже не только перед солдатами, но и перед гражданским населением все ужасы войны.

Чтобы как-то выправить критическую ситуацию, не оставалось ничего иного, как продолжать и наращивать атаки камикадзэ. В таких условиях система добровольной записи в корпус, существовавшая раньше, явно не соответствовала новым требованиям. Армейское командование начало оказывать давление, хотя и не слишком явное, вынуждая летчиков становиться «добровольцами», поэтому вполне понятно, что изменение обстоятельств привело к изменению поведения людей.

Многим из новичков сначала не просто не хватало энтузиазма, более того, они откровенно возмущались положением, в которое их поставили. Для одних это заканчивалось через пару часов, но другим, чтобы успокоиться, требовались дни и недели. Но после того, как раздражение и обида проходили, пилоты начинали испытывать душевный подъем. Затем, когда происходило обретение мудрости и дух полностью очищался, люди понимали, что они живут ради смерти и обретают бессмертие¹.

В качестве примера обретения душевного покоя можно привести лейтенанта Куно, который после прибытия

---

¹ Когда читаешь подобное, уже совершенно не удивляешься тому, что японские офицеры в годы Второй Мировой войны занимались ритуальным людоедством — *кимотори*. «Печень живого врага, употребленная в пищу, помогает обрести его силу и мужество». *Прим. пер.*

на базу возмущался особенно сильно. А через несколько дней, совершенно внезапно, он пришел ко мне, пританцовывая, с огоньком в глазах, и попросил разрешения снять с самолета все ненужное оборудование, заявив, что хотел бы сэкономить труд рабочих, которые изготовили все это.

Энсайн Тацуй Икарияма 4 мая 1945 года прилетел из Китауры, так как его перевели в авиагруппу «Такума», базирующуюся на Сикоку. Он должен был участвовать в специальной атаке в районе Окинавы. После прибытия он узнал, что три друга, вместе с которыми он поступил служить на флот, находятся на этой базе, поэтому Икарияма сразу побежал искать их. Вскоре после обеда он появился у двери их комнаты и заявил: «Я услышал, что вы здесь, и захотел повидаться с вами».

В последний раз они виделись довольно давно, поэтому встреча получилась радостной. Друзья предложили Икарияме выпить, чтобы отпраздновать это событие, однако он твердо заявил: «Мне очень жаль, но завтра мне предстоит самоубийственная атака, и я хотел бы быть в форме. Поэтому я не стану пить».

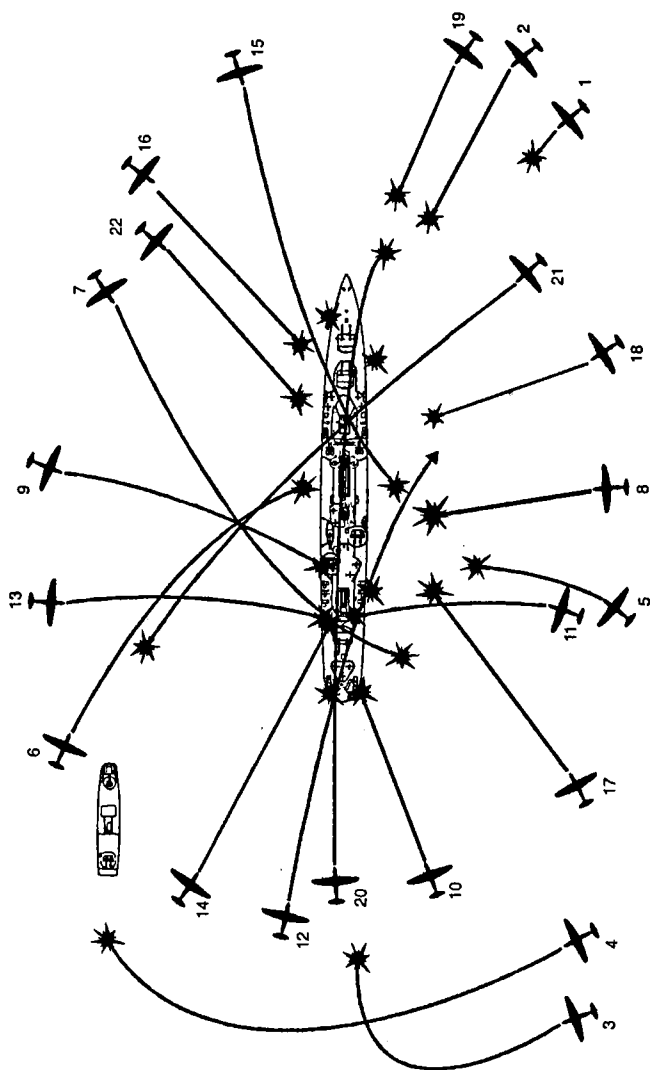
«А как насчет консервированных ананасов?»

«Спасибо, нет. Я только что поужинал и не хочу пере-есть».

Он отказался есть и пить потому, что это снижало его шансы на успешную атаку на следующий день. Друзья долго вспоминали дни, проведенные в летной школе Цутиура, свою дальнейшую службу, отсутствующих друзей, каникулы, дом. Но в 22.00 Икарияма попрощался и ушел спать.

Он отправился в полет на следующий день, и больше они его не видели.

Однако такое чувство долга в последние дни войны было далеко не всеобщим. Члены корпуса специальных атак не были ни святыми, ни грешниками. Они были обычными людьми, со всеми их чувствами и переживаниями, достоинствами и недостатками, силой и слабостью, которые имеются у всех остальных людей. Поэтому они пели

Эсминец «Лэффи», 16 апреля 1945 года атакованный в течение 80 минут 22 камикадзе из группы в 50 самолетов. Эсминец находился на позиции № 1 РЛД возле Окинавы во время третьей массированной атаки операции «Кикусуй». «Лэффи» (6 – 127-мм, 12 – 40-мм и 11 – 20-мм) поддерживал десантный корабль LCS-51 (6 – 40-мм), находившийся примерно в 500–900 ярдах по левому борту.

1. 08.27. Атака камикадзэ началась, когда «Лэффи» ожидал прибытия истребителей прикрытия. «Вэл» был сбит 127-мм орудиями на расстоянии 9000 ярдов.

2. 08.30 «Вэл» сбит «Лэффи» на расстоянии 3000 ярдов.

3. 08.30 Еще один «Вэл» сбит «Лэффи» на расстоянии 3000 ярдов.

4. 08.35 «Вэл» сбит LCS-51.

5. 08.35 «Джуди» сбит 40-мм и 20-мм автоматами «Лэффи» на расстоянии 3000 ярдов.

6. 08.35 «Джуди» сбит «Лэффи», упал вплотную к борту эсминца, взрывом повредил артиллерийский радар.

7. 08.39 «Вэл» вскользь ударил по корме «Лэффи» и упал в нескольких футах от борта.

8. 08.43. Еще один самолет сбит зенитными автоматами «Лэффи». Капитан 2 ранга Фредерик Дж. Бектон, умело управляя кораблем, сумел сохранить полный ход.

9. 08.45 Попадание камикадзэ. «Джуди» врезался в зенитные автоматы, начался пожар.

10. 08.45 Попадание камикадзэ. На этот раз «Вэл».

11. 08.47 Попадание камикадзэ. Самолет врезался в 127-мм установку № 3.

12. 08.48 Попадание бомбы. «Вэл» добился попадания и сумел удрать.

13. 08.49. Попадание камикадзэ. Самолет врезался в кормовую надстройку.

14. 08.50 Попадание камикадзэ. Второй самолет врезался в кормовую надстройку. Сильный пожар, орудия перешли на самостоятельное наведение.

15. 08.50—09.45 Прибыли «Корсары» воздушного прикрытия. «Оскар», преследуемый «Корсаром», зацепил мачту «Лэффи» и упал в воду по правому борту. Истребитель, попав под огонь «Лэффи», тоже был сбит, но пилот успел выпрыгнуть с парашютом.

16. Попадание бомбы. «Джуди» был сбит истребителями прикрытия, но его бомба попала в 127-мм установку № 2. Капитан 2 ранга Бектон заявил, что не отдаст команды покинуть корабль, пока орудия способны стрелять.

17. Джуди» сбит зенитными автоматами на расстоянии 800 ярдов.

18. «Оскар» сбит 127-мм орудиями на расстоянии 500 ярдов.

19. «Вэл» сбит 127-мм орудиями на расстоянии 600 ярдов.

20. Попадание камикадзэ и бомбы. «Вэл», пролетая над кораблем, сбросил бомбу, которая попала в корму, а сам зацепил правый нок и был сбит истребителями.

21. Попадание бомбы. «Вэл» попал бомбой в носовые 20-мм автоматы, но сам был сбит истребителями.

22. 09.47 «Джуди» сбит истребителями и зенитным огнем кораблей. На «Лэффи» действуют только 4 — 20-мм автомата.

Атака закончилась в 09.50. «Лэффи» потерял 31 человека убитыми 72 ранеными. Руль заклинен, сильный пожары. Эсминец отведен на буксире в Хагуси (Окинава) для временного ремонта, и уже через неделю ушел своим ходом на Гуам.

песни, смеялись, плакали и напивались. Они совершали и добрые поступки, и дурные.

В этом отношении пилотам-камикадзэ, находившимся в Японии, в какой-то мере не повезло. Остальные люди смотрели на них с преувеличенной почтительностью, считая кем-то вроде богов. И были страшно разочарованы, когда выяснялось, что камикадзэ не соответствуют вымышленному образу. Но еще хуже, что некоторые пилоты под воздействием этого фимиама всерьез воображали себя живыми богами и начинали вести себя соответственно. Так бывает довольно часто: репутация, которую создают немногие, распространяется на всех. Поэтому я думаю, что критика, которой подвергали поведение камикадзэ, чаще всего была незаслуженной, потому что они были самыми обычными людьми, не лучше и не хуже остальных.

Но во время битвы за Окинаву эти обычные люди добились необычайных успехов. Почти 1700 самолетов армии и флота совершили вылеты с пилотами-камикадзэ в период с 11 марта до конца июня 1944 года. Но даже это величайшее самопожертвование не сумело переломить ход войны, Окинава была захвачена противником. После окончания боев на острове операции камикадзэ переместились в другой район, теперь они велись в непосредственной близости от Японии.

Общие результаты, достигнутые корпусом специальных атак, приведены в следующей таблице. Эти данные основаны на официальных японских рапортах того времени и могут оказаться преувеличенными.

Корабли	Потоплено	Повреждено
Авианосцы	5 (0)	9 (4)
Малые авианосцы	3 (0)	2 (3)
Линкоры	12 (0)	18 (10)
Крейсера	29 (0)	27 (5)
Эсминцы	18 (11)	9 (61)
Тральщики	3 (1)	2 (22)

Прочие	27 (4)	22 (80)
	97 (16)	89 (185)

Данные в скобках являются официальными американскими цифрами потерь. Сюда включен эсминец «Мэннерт Л. Абель», потопленный 12 апреля снарядом «Ока», 4 эсминца, поврежденных этими же снарядами, и 4 — поврежденных взрывающимися катерами.

ГЛАВА 17

Март 1945 — август 1945 года

КОНЕЦ ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА

Самоубийственный поход флота

Битва за Лейте стала не только боевым дебютом корпуса камикадзе, она также стала концом японского флота как реальной боевой силы. Когда 2-й Флот вернулся в Японию после этого разгромного поражения, главные силы его крейсерских эскадр были уничтожены, а из линкоров остались только «Ямато», «Нагато» и «Харуна». У Японии просто не осталось достаточного количества военных кораблей, чтобы сформировать боеспособное соединение. Еще больше осложняла ситуацию острейшая нехватка топлива. Поэтому в январе 1945 года из всех кораблей на якорной стоянке Хасирадзима во Внутреннем море боеспособными считались только линкор «Ямато», легкий крейсер «Яхаги» и 5 эсминцев.

Когда 26 марта 1945 года противник начал высаживать десант на островах Рюкю, жалкие остатки некогда грозного Императорского Флота вышли, чтобы оказать то сопротивление, на которое они еще были способны. 28 марта эти корабли перешли в Кабутодзиму. 2-й Флот

должен был выйти из пролива Бунго, обогнуть южную оконечность Кюсю и передвинуться в Сасэбо, чтобы постараться завлечь противника в пределы радиуса действия базовых самолетов с аэродромов Японии. Таким образом, 2-й Флот должен был выступить в роли приманки.

Однако 1 апреля планы изменились. В этот день американцы высадились на Окинаве, где вскоре заняли аэродром, который тут же начали расширять и совершенствовать, намереваясь его использовать. Эти события вынудили японскую базовую авиацию 6 апреля провести первый массированный налет камикадзэ. Это была операция «Кикусуй № 1». Одновременно был переформирован 2-й Флот, который получил приказ прорваться к Окинаве и содействовать усилиям камикадзэ.

Надводными кораблями командовал вице-адмирал Сейити Ито. Эскадра состояла из линкора «Ямато», легкого крейсера «Яхаги» и 8 эсминцев 17-го, 21-го и 41-го дивизионов. Эти корабли покинули Убэ 6 апреля в 06.00 и остановились в Токуяме, где дозаправились. Все лишние люди были списаны на берег. Вице-адмирал Сейити Ито огласил боевой приказ:

«Совместно с армией Императорский Флот мобилизует все свои подразделения на суше, на море и в воздухе для действий против вражеских сил на Окинаве.

Судьба родины зависит от этой операции. Наши корабли будут сведены в надводный корпус специальных атак. Соединение выходит в море сегодня, чтобы участвовать в общих усилиях в ходе разворачивающейся битвы. Поэтому мы будем действовать в духе славных традиций Императорского Флота и донесем эту славу до будущих поколений. Каждый корабль, участвующий в операции, вне зависимости от того, выделен он для специальных атак или нет, должен сражаться до конца. Только так противник будет уничтожен, и будут сохранены вечные устои нашей родины».

Согласно плану операции, корабли 2-го Флота должны были выброститься на берег в районе вражеских плацдармов. После этого они должны были стрелять до последнего снаряда, либо пока американцы не уничтожат их. Отсюда видно, что ни один корабль не мог вернуться из этого похода. Это была по-настоящему самоубийственная миссия.

2-й Флот покинул Токуяму 6 апреля в 16.00, Предполагалось, что он выйдет к вражеским плацдармам на западном побережье Окинавы перед рассветом 8 апреля. После выхода из пролива Бунго в 19.30 флот перестроился в ордер ПЛО. Следуя на юг со скоростью 20 узлов, примерно в 06.00 на следующий день корабли миновали пролив Осуми. Через час они перестроились в круговой ордер, увеличили скорость до 24 узлов и повернули на юг. 20 истребителей «Зеро» 5-го Воздушного Флота прикрывали их в течение 3 часов, начиная с 08.00. Все это время они не видели никаких признаков противника. Однако в 11.30 на востоке появилась вражеская летающая лодка. Одновременно с острова Амами-Осима была получена радиограмма: «Около 250 вражеских авианосных самолетов летят на север». В полдень радар «Ямато» обнаружил на юге на расстоянии около 100 км большую группу неприятельских самолетов.

Бой был неизбежен. День был облачным. Рваные низкие тучи обеспечивали прекрасное укрытие атакующим. С самого начала атаки и до конца самолеты выскакивали из туч, наносили удар и сразу же скрывались обратно, причем так быстро, что зенитчики просто не успевали определить дистанцию и обстрелять их. Хотя несколько вражеских самолетов было сбито, зенитный огонь совершенно не смог защитить корабли.

В целом около 300 американских самолетов атаковали японскую эскадру бомбами и торпедами. К 15.00 «Ямато», «Яхаги» и эсминцы «Асасимо» и «Хамакадзэ» были потоплены. Эсминцы «Исокадзэ» и «Касуми» стояли неподвижно, потеряв ход. Их пришлось затопить, сняв ко-

манды. Оставшиеся 4 эсминца вернулись в Сасэбо на следующий день. Так завершилась крупнейшая самоубийственная операция, стоившая Японии 6 кораблей и жизни более чем 2500 моряков.

Последняя отчаянная попытка Императорского Флота завершилась полным провалом. Прославленный флот, безоговорочно господствовавший в западной части Тихого океана, был окончательно изгнан с морских просторов.

Последний вылет адмирала Угаки

С авиабазы Каноя на юге Кюсю отправились в полет многие пилоты камикадзэ, собиравшиеся атаковать вражеские корабли у берегов Окинавы. Но противник быстро захватил аэродромы на Окинаве и перебросил туда свои самолеты, поэтому американские базовые самолеты вскоре присоединились к авианосным во время налетов на Японию. Эти атаки были настолько мощными, что нам пришлось передвинуть авиабазы на север Кюсю, на Сикоку и Хонсю. Во время этих перебазирований штаб 5-го Воздушного Флота был перенесен из Канои в Оита на северо-востоке Кюсю. Командный пункт там был размещен в бункере на склоне холма к юго-востоку от летного поля.

Перед рассветом 15 августа старший офицер штаба 5-го Воздушного Флота капитан 1 ранга Такаси Миядзаки был вызван на командный пункт. Его встретил дежуривший там капитан 2 ранга Такекацу Танака, который с тревогой сообщил, что командующий флотом адмирал Угаки приказал подготовить бомбардировщики для вылета к Окинаве.

Миядзаки сразу испугался, что адмирал Угаки решил лично возглавить последнюю атаку камикадзэ. Он отправился прямо к адмиралу, чтобы выяснить, так ли это.

Комнаты офицеров были расположены в пещере в том же холме. Адмирал размещался в маленькой комнатке, где

стояли лишь грубый стол и походная кровать. Это совершенно не соответствовало его званию и должности. Мрачный адмирал сидел на кровати, о чем-то задумавшись, когда вошел Миядзаки.

«Дежурный офицер сказал мне, что вы приказали подготовить к вылету бомбардировщики. Могу я спросить, что вы задумали?» — сказал он.

Выражение лица адмирала смягчилось, и он прямо ответил: «Я намерен лететь с ними. Отдайте соответствующий приказ».

«Я прекрасно понимаю, что вы чувствуете, но прошу вас пересмотреть свое решение, господин адмирал. По моему мнению, это не имеет смысла», — возразил Миядзаки.

«Вы получили мой приказ. Пожалуйста, выполняйте», — вежливо, но твердо произнес Угаки.

Миядзаки поспешно вышел и отправился посоветоваться с начальником штаба Угаки контр-адмиралом Тосиюки Ёкои. Он неохотно решился на это, потому что адмирал Ёкои болел и уже несколько дней был прикован к постели. Но Миядзаки был нужен совет.

Когда он сообщил, что происходит, адмирал Ёкои поднялся, хотя чувствовал себя отвратительно, и пошел к адмиралу Угаки, чтобы переговорить с ним. Он заявил: «Я прекрасно понимаю ваше желание умереть, но после капитуляции нам предстоит множество важных дел, например, расформирование флота. Вы обязаны сделать все это. Я прошу вас изменить свое решение».

Угаки молча выслушал начальника штаба, потом мягко улыбнулся и ответил: «Пожалуйста, оставьте за мной право самому выбрать свою смерть».

На это Ёкои уже ничего не мог возразить. Он отправился к контр-адмиралу Тикао Ямамото. Посоветовавшись, они решили обратиться к близкому другу Угаки контр-адмиралу Такацугу Дзоодзима. Если кто и мог отговорить Угаки лететь, то только он. Как давний и близкий друг Дзоодзима мог говорить с Угаки более резко, чем осталь-

ные. «Я знаю, что как командир вы несете полную ответственность за действия 5-го Воздушного Флота. Но все это осталось в прошлом, а сейчас нужно думать о будущем. Там у вас тоже будут обязанности и ответственность. Мне сообщили о вашем намерении, и я могу сказать, что полностью разделяю ваши чувства. Тем не менее, ради блага всех остальных я прошу вас отменить вылет».

Угаки терпеливо выслушал друга. Затем он ответил с обезоруживающей простотой: «Это мой шанс погибнуть как солдат. Мне нужен этот шанс. Мой преемник уже назначен, и он позаботится обо всем после моей смерти».

Дзоодзима видел, что Угаки был совершенно непоколебим. Вероятно, он разделял чувства своего друга. Но теперь ему не оставалось ничего иного, как исполнять приказ. Он сразу послал за лейтенантом Тацуо Накацуру, командиром отряда пикировщиков 701-й авиагруппы, приказав ему подготовить самолеты к вылету. Был написан официальный приказ: «Отряд «Оита» 701-й авиагруппы вышлет 3 пикировщика для атаки вражеского флота у Окинавы. Атаку возглавит лично командующий воздушным флотом».

В это утро японские войска по всему Тихому океану были подняты по тревоге, чтобы выслушать по радио речь императора. Носились слухи, что это будет рескрипт о капитуляции. Офицеры штаба 5-го Воздушного Флота с тяжелыми сердцами собрались в помещении штаба, чтобы услышать обращение его величества. Прием был очень плохим, и многие слова мы просто не сумели разобрать. Однако и того, что мы услышали, было достаточно, чтобы понять, что нам приказывают капитулировать. Вскоре мы получили подтверждение, когда на аэродром привезли местные газеты с полным текстом речи. Похоже, что адмирал Угаки до последнего момента надеялся, что император призовет своих воинов сражаться до конца. Но теперь не осталось места надеждам.

Потом было устроено торжественное прощание с адмиралом Угаки. Он обратился к личному составу авиа-

группы, выразив сожаление, что все наши усилия не дали желаемых результатов. Его голос был тихим и невозмутимым. Он мягко улыбался, объясняя, что после его отлета мы должны четко и старательно выполнять свои обязанности. Простые и доходчивые слова адмирала тронули до глубины души всех присутствующих.

Когда прощание закончилось, адмирал Угаки вышел на летное поле. С его мундира были срезаны все знаки различия, и с собой он нес только самурайский меч и бинокль. Этот меч подарил ему покойный адмирал Ямамото, командовавший Объединенным Флотом первые 2 года войны.

Капитан 1 ранга Миядзакэ долго хранил торжественное молчание, но в конце концов не смог сдержаться. Он шагнул вперед и сказал: «Пожалуйста, возьмите меня с собой, адмирал!»

Но адмирал Угаки твердо ответил: «У вас более чем достаточно дел здесь. Вы останетесь».

Этот отказ стал для Миядзакэ последней каплей. Он остановился и зарыдал, громко, в голос, не стесняясь проходящих мимо офицеров.

11 самолетов стояли на краю взлетной полосы, их моторы ревели. Перед ними были выстроены 22 члена экипажа. Контр-адмирал Ёкои не сумел скрыть своего изумления при виде этого построения. Он обратился к командиру отряда лейтенанту Накацуре: «Разве не было приказано подготовить только 3 самолета?»

Молодой человек ответил прерывающимся от волнения голосом, хотя прозвучало это почти как грубость: «Кто может спокойно смотреть на то, что ударная группа ограничена 3 самолетами, когда сам наш командующий лично намерен возглавить таранную атаку? Каждый самолет моего подразделения последует за ним».

Адмирал Угаки, выслушав его ответ, поднялся на маленький помост и обратился к своим людям в последний раз. «Все это очень трогательно. Вы действительно желаете умереть вместе со мной?»

Руки всех летчиков дружно взметнулись вверх. Никто ни на секунду не усомнился, что адмирал говорит искренне. Угаки отдал приказ готовить самолеты к вылету и пошел прямо к самолету Накацуры. Он взобрался на заднее сиденье. Наблюдатель Накацуры уоррент-офицер Акиёси Эндо был просто ошарашен. Он подбежал к самолету с криком: «Это мое место, господин адмирал! Вы заняли мое место!»

Адмирал Угаки понимающе улыбнулся и сказал: «Я заменю тебя. Ты останешься».

Этого Эндо вынести уже не мог. Совершенно неожиданно для всех он прыгнул на крыло самолета и влез в кабину, сев рядом с адмиралом. Адмирал Угаки только добродушно покачал головой и пододвинулся, чтобы освободить место пылкому юнцу. 11 бомбардировщиков вырулили на взлетную полосу и поднялись в воздух. Провожающие кричали и махали руками им вслед.

4 самолета были вынуждены сесть из-за неполадок с моторами, но остальные полетели к Окинаве. Эндо поддерживал радиосвязь с базой и передал несколько сообщений. Самым последним было прощальное послание адмирала Угаки.

«Я один виноват в том, что мы не сумели защитить родину и уничтожить дерзкого врага. Отважные усилия всех офицеров и матросов, находившихся под моим командованием в последние 6 месяцев, заслуживают самой высокой оценки.

Я намерен атаковать врага возле Окинавы, где мои люди опали, подобно лепесткам вишни. Там я протараню самоуверенного противника и уничтожу его в духе традиций *бусидо* с твердой верой в то, что Япония вечна.

Я надеюсь, что все мои подчиненные поймут причины моего поступка и в будущем преодолеют все трудности и приложат силы для восстановления нашей великой родины, которая будет жить вечно.

Тэнно хэйка банзай!»

Эта радиопередача закончилась в 19.24 коротким известием, что самолет командующего пикирует на цель. Каждый из 6 остальных бомбардировщиков примерно в это же время также передал, что начинает последнее пики¹.

Адмирал Угаки принял решение участвовать в самоубийственной атаке в тот самый день, когда был назначен командующим 5-м Воздушным Флотом. Он часто говорил, что каждый должен получить свой шанс совершить самоубийственную атаку. Каждый его поступок доказывал твердость этого решения.

---

¹ Однако в американских документах нет никаких упоминаний об атаках камикадзе 15 августа 1945 года. *Прим. авт.*

ГЛАВА 18

Август 1945 года

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АДМИРАЛА ОНИСИ

Япония

После высадки противника на Иводзиму и появления неотвратимой угрозы Окинаве и собственно Японии выяснилось, что адмирал Ониси был совершенно прав. Теперь уже никто не сомневался, что обычные атаки против значительно превосходящих сил американцев абсолютно бесполезны. Использование тактики камикадзе в качестве основной, причем для всех вооруженных сил, стало совершенно неизбежным. Поэтому начались вылеты корпуса специальных атак с Формозы, а потом и с Кюсю.

В начале марта я получил приказ отправиться в Японию, так как меня перевели в штаб 10-го Воздушного Флота, который являлся резервом 5-го Воздушного Флота. Я использовал свое возвращение в Японию, чтобы посетить нескольких высокопоставленных офицеров и высказать им свою просьбу отозвать адмирала Ониси в Токио, чтобы он взял на себя руководство операциями морской авиации. Я был совершенно убежден, что Ониси является единственным человеком, который может справиться с такой работой.

Однако мои просьбы оказались напрасными. Высшие начальники в Токио полагали, что адмирал Ониси требуется на своей нынешней должности, и сменить его просто невозможно. Разочарованный, я приступил к исполнению своих новых обязанностей, которые пока заключались в посещении всех авиабаз 10-го Воздушного Флота и чтении лекций о действиях подразделений камикадзе на Филиппинах. Предполагалось, что это подтолкнет молодых курсантов готовиться к участию в специальных атаках и поднимет их моральный дух. Я завершил это турне в июне, после чего был назначен командиром авиагруппы «Судзука».

Вскоре после этого я с радостью узнал, что вице-адмирал Ониси назначен заместителем начальника Морского генерального штаба. Я все еще надеялся, что Ониси сумеет совершить какое-нибудь чудо, которое переломит ход войны в нашу пользу.

Мы могли надеяться только на чудо. 1 апреля противник высадился на Окинаве и в течение 2 месяцев уничтожил ее защитников. Причем все 60 дней этой кампании американская армада находилась под постоянными ударами отрядов камикадзе.

Захват Окинавы был явной прелюдией к высадке на островах самой Японии. В июле и начале августа противник наращивал мощь своих воздушных налетов на Японию, опустошая страну со все нарастающей яростью.

Совершенно неожиданно 3 августа я получил приказ прибыть в Токио, так как меня переводили в Морской генеральный штаб. Меня очень обрадовало это назначение, ведь я снова получал возможность служить рядом с адмиралом Ониси. Но 9 августа, когда я ехал из Судзуки в Токио, я узнал, что целый город Хиросима был сметен с лица земли одним-единственным воздушным налетом. Новость была просто невероятной, однако потом начали циркулировать слухи, что была использована атомная бомба.

Сначала у меня родилась глупая надежда, что наши ученые смогут создать такое же оружие, и что корпус спе-

циальных атак использует его. Если бы это произошло, Япония все еще сохранила бы шанс выстоять, несмотря на чудовищное превосходство противника.

Однако все эти надежды развеялись, когда я прибыл в Токио. У Японии такого оружия не было. Наши ученые проводили разработки в этой области, но они знали, что для создания подобного оружия требуется промышленная мощь, сравнимая с американской. Поэтому я был вынужден признать печальную реальность — у Японии больше нет никаких надежд победить в войне. Некоторые военные лидеры носились с идеей превратить всю нацию в армию специальных атак, но я с грустью думал, что даже такие усилия будут бессмысленными перед сокрушительной мощью атомной бомбы¹.

Начальник Морского генерального штаба адмирал Соэму Тоёда, к которому я прибыл, остался единственным человеком в Токио, не потерявшим присутствия духа. Однако в его штабе, как и в морском министерстве, царил хаос. У меня не оказалось возможности встретиться с адмиралом Ониси и узнать его мнение о происходящем. Но я узнал, что Верховный военный совет уже принял решение. На совещании, которое началось вечером 9 августа и продолжалось до глубокой ночи, в 02.30 военное командование пришло к заключению, что придется капитулировать. На заседании присутствовал сам император, который поддержал это решение. Морской министр адмирал Мицумаса Ёнаи с самого начала совещания настаивал на том, что совершенно необходимо немедленно прекратить военные действия.

Однако многие адмиралы совсем не были согласны с немедленной капитуляцией. Они настаивали на отсрочке, чтобы нанести еще один массированный удар, который

---

¹ Заметьте, его не смущает перспектива поголовного уничтожения нации. Он просто сожалеет, что это будет бессмысленно с военной точки зрения. *Прим. пер.*

позволит Японии добиться более приемлемых условий сдачи, чем в случае немедленной капитуляции.

Такие настроения царили в Токио, когда я туда прибыл. Командование раскололось на несколько фракций, которые вели ожесточенные споры между собой. В такой обстановке я чувствовал себя каким-то чужестранцем. Доложив о прибытии принцу Такамацу, младшему брату императора, я рассказал ему о действиях камикадзе и о блестящем командовании адмирала Ониси. В разговорах с принцем и другими офицерами я заметил, что они не всегда согласны с моим высоким мнением об адмирале Ониси. Более того, в Токио отношение к адмиралу и его действиям в последнее время стало довольно прохладным.

Я узнал, что всё это началось несколько дней назад, когда на совещании по оперативным вопросам адмирал Ониси заявил о своей решимости сражаться до конца, что бы там ни случилось, и попросил членов штаба высказать свое мнение. Я хорошо знал адмирала Ониси и мог понять, почему он выступает с такими заявлениями. Подобные рискованные высказывания он допускал и на Филиппинах, и на Формозе — специально для того, чтобы потрясти слушателей и таким образом выяснить, что они думают на самом деле. Я был знаком с этим его приемом, но я мог представить себе чувства членов штаба, которых эта «шоковая терапия» потрясла и ужаснула.

На другом совещании адмирал Ониси очень резко поспорил с контр-адмиралом Садатоси Томиокой, начальником 1-го бюро Морского генерального штаба. Этот офицер был очень общительным и обладал симпатичной внешностью, а потому был очень популярен в верховном командовании. Ониси обратился к нему так грубо, что многие присутствующие открыто возмутились. Такое поведение было просто беспрецедентным в Императорском Флоте и особенно возмутительным потому, что выпады были направлены против высокопоставлен-

ного офицера, блестящие качества которого признавали все вокруг.

Этих двух инцидентов хватило, чтобы выставить Ониси в самом дурном свете. Однако я его отлично знал, а потому понимал и извинял его, хотя не его поступки. Он был сильным и жестким человеком, всегда уверенным в своей правоте. Если же говорить о нем лично, следует понять, что адмирал Ониси уже твердо решил совершить харакири в случае капитуляции Японии. Зная, что его дни сочтены, адмирал приходил в бешенство от мысли, что существуют люди, которые не собираются умирать и готовы смириться с позором поражения. Поэтому, общаясь с такими людьми, Ониси не скрывал своей крайней неприязни. Благодушие этих людей вызывало у него настоящее разлитие желчи.

Адмирал Ониси был в отчаянии. Он пользовался любой возможностью, чтобы выяснить, что думают простые люди с улицы о военной ситуации. Одновременно он искал любые способы убедить своих коллег продолжать сражаться. Говорят, что во время последней встречи с морским министром Ионаи он обратился с прямой просьбой продолжать войну.

Вечером 13 августа начальники оперативных отделов генеральных штабов армии и флота встретились с начальником военной секции военного министерства¹. Они пришли к соглашению, что следует как можно дольше откладывать совещание с участием императора, а за это время постараться переубедить государственных лидеров, которые склонялись к капитуляции. Было решено, что адмирал Ониси обратится к принцу Такамацу с просьбой оказать давление на морского министра Ионаи и адмирала флота Осами Нагано, которые возглавляли группировку, стоящую за капитуляцию. С той же целью капитан 2 ранга Дои должен был встретиться с адмиралом Нагано, а контр-адми-

---

¹ Military Affairs section of War Ministry. *Прим. пер.*

рал Томиока встретиться с адмиралом Косиро Оикава. Капитан 1 ранга Тосикадзу Омаэ должен был повлиять на адмиралов Наокуни Номура и Нобутаке Кондо.

Вот так и получилось, что когда я впервые после прибытия в Токио увидел адмирала Ониси, он направлялся на встречу с принцем Такамацу. Адмирал тепло приветствовал меня, но его суровое выражение лица показывало, что он очень занят. Вспомнив неудачный результат его последних провокационных заявлений и надеясь, что он не станет говорить принцу ничего шокирующего, я сказал: «Я видел его высочество 3 дня назад, и рассказал ему о прекрасной работе, которую вы проделали. Я также заверил его, что вы всегда скрупулезно выполняете приказы, и что вы, безусловно, подчинитесь приказу императора, каков бы он ни был».

«А что если исполнение этих приказов приведет нацию к гибели?» — резко спросил адмирал.

Я запротестовал: «Кто знает, погибнет наша нация, или нет? А что если ее гибель — лишь плод вашего воображения? Не должны ли вы поступить сейчас так же, как Дай Нанко после разговора с Бомоном¹ и подчиниться воле императора?»

Адмирал Ониси выслушал меня, помедлил минуту, а потом вышел, не ответив на мой вопрос.

Когда день подошел к вечеру, я начал беспокоиться. Чем закончилась встреча адмирала Ониси с принцем?

---

¹ Дай Нанко — это аллегорическое имя Масисигэ Кусуноки. В своей последней битве, защищая императора в Киото, воин планировал отход императорских войск из этой древней столицы на гору Хизэй. Затем, когда мятежники ворвутся в Токио, именно Кусуноки намеревался начать наступление и захватить противника. Главный советник императора Киётада Бомон напомнил ему, что войска императора никогда в истории не терпели поражения, даже если уступали противнику в силах, так как божественное провидение всегда помогает им. Он сказал, что отступление из столицы все воспримут как признак слабости. После этого Кусуноки покорились приказу посланника Бомона, так как он передал волю императора. *Прим. авт.*

Поэтому я решил дожидаться возвращения адмирала в его кабинете в штабе.

Ночь была темной и облачной. Примерно в полночь начал моросить мелкий дождь, и стук капель был единственным звуком, нарушавшим мрачную тишину. Время тянулось мучительно долго. В 02.00 к крыльцу штаба подъехала машина. Адмирал медленно поднялся по лестнице, глубоко вздохнул, входя в комнату, и пробормотал: «Все кончено».

Затем он продолжил: «Принц не будет пытаться повлиять на адмиралов, если не будет предложен конкретный и реальный план сокрушительного удара по врагу. Зная точку зрения командования флота, я отправился на встречу с начальником штаба армии. Он также не сумел сказать ничего утешительного, потому что у армии такого плана тоже нет. Все кончено».

Я вполне разделял его отчаяние и потому произнес: «Это ужасно!» Но тут меня посетила неожиданная мысль, и я добавил: «А может, это сработает? Давайте тянуть время, попросим отсрочку, пока доверенный императора не запросит решение Великой Часовни¹. Это требование не столь уж неразумно, ведь император обычно сообщал свои решения по важнейшим вопросам богам, как он делал это в начале войны. Такая отсрочка позволила бы нам выиграть время, чтобы подготовить план. Может, обратиться к принцу с таким предложением?»

«Стоит попытаться. Повидайте принца и попросите его выступить с таким предложением», — согласился Ониси.

Но на следующий день все полетело вверх тормашками. Я так и не сумел встретиться с принцем. Решение о безоговорочной капитуляции Японии было принято, и изменить его оказалось невозможно.

---

¹ Великая Часовня в Исе посвящена богине солнца Аматэрасу Амиками, основательнице Японии. В ней хранится священное зеркало, одно из трех Великих Сокровищ императорского дома. Все важные государственные решения сообщаются отсюда божественным предкам либо императором лично, либо его посланником. *Прим. авт.*

Харакири

О решении Японии безоговорочно капитулировать было официально объявлено 15 августа. Этим вечером адмирал Ониси пригласил нескольких офицеров штаба в свою резиденцию. Они проговорили до полуночи, а потом гости разошлись.

Незадолго до завтрака адъютант адмирала обнаружил, что Ониси совершил харакири. Прибыв в резиденцию адмирала, адъютант нашел адмирала Ониси на втором этаже здания, где он вспорол себе живот японским мечом. Этот разрез был сделан, как положено, но последующая попытка перерезать себе горло не удалась. Когда адъютант увидел адмирала, тот был еще в сознании и предупредил: «Не пытайтесь помочь мне». Таким образом, адмирал отказался и от медицинской помощи, и от милосердного рокового удара. Агония затянулась до 6 часов вечера. Желание адмирала продлить свои мучения может показаться актом искупления. Уже после ухода штабных офицеров адмирал Ониси написал прощальное письмо:

«Я желаю выразить свою глубочайшую признательность душам смелых воинов, совершивших специальные атаки. Они отважно сражались и умирали с верой в нашу конечную погоду. Смертью я желаю загладить свою долю вины за то, что мы не сумели добиться победы. Я извиняюсь перед душами погибших летчиков и их осиротевшими семьями.

Я желаю, чтобы моя смерть стала уроком для молодого поколения японцев. Безрассудство только помогает врагу. Вы должны повиноваться духу приказов императора с предельным упорством. Не забывайте о своей законной гордости тем, что вы Японцы.

Вы являетесь сокровищем нации. Со всем пылом духа камикадзе боритесь за процветание Японии и за мир во всем мире».

ГЛАВА 19

Октябрь 1944 — август 1945 года

КРЕДО АДМИРАЛА ОНИСИ

Человек и его время

С самого начала своей военной службы адмирал Онисси был летчиком. Я услышал о нем задолго до своего перевода в штаб 1-го Воздушного Флота в Манилу. Хотя сам я не был летчиком, мне пришлось много работать с адмиралом, и я получил уникальную возможность лучше узнать его как человека.

С самых первых дней службы на флоте адмирал Онисси был противоречивой фигурой. Многие считали его слишком импульсивным, прямолинейным и простодушным человеком. Другие уважали его трудолюбие и решительность, но не видели, что он очень тщательно разрабатывает план, прежде чем приступить к его исполнению. Однако все признавали его необычайные способности и здравый смысл.

Еще будучи молодым офицером, он часто говорил и поступал без особого почтения к протоколу и различным условностям, в чем кое-кто видел проявление лицемерия. Однако вне зависимости от того, правильными были его решения или нет, он никогда не уклонялся от ответствен-

ности. Он был бесстрашным и твердым, агрессивным и воинственным. Таково было мнение морских офицеров, служивших с ним, и я его полностью разделяю.

Адмирал Ониси заботился о своих подчиненных, и они отвечали ему самой искренней преданностью. Он очаровывал своих сторонников не только стилем командования, но и подаваемым примером.

Адмирал Ониси полностью доверял молодым. Я никогда не забуду слова, которые он произнес 20 октября 1944 года перед первой группой камикадзе, возглавляемой лейтенантом Секи. Он воздал должное духу самопожертвования молодых людей и призвал не терять времени на пустую лесть и ненужные комплименты. Ониси сразу сказал, что их работа исключительно важна, а сам он придерживается очень высокого мнения об этих людях. Он был прирожденным лидером.

23 октября 2-й Воздушный Флот был переброшен на Филиппины, чтобы присоединиться к 1-му Воздушному Флоту в боях против американцев. Через 3 дня адмирал Ониси прибыл на авиабазу Кларк из Манилы и созвал всех офицеров от командира звена и выше. Они собрались поздно вечером во временном общежитии офицеров 763-й авиагруппы.

Керосиновые лампы, свисающие с потолка, едва освещали бедное помещение. Голос адмирала Ониси стал торжественным, когда он обратился к собравшимся. «1-й и 2-й воздушные флоты объединились для проведения операций. Командование принимает адмирал Фукудэмэ, я буду его начальником штаба. Мы не потерпим никакой критики операций, которые будут проводиться. Мы знаем, что молодые люди не будут жаловаться и скулить, но ветераны часто склонны критиковать приказы начальства. Жесткие дисциплинарные меры будут применяться к каждому, кто будет критиковать приказы или попытается их не выполнить. В наиболее вопиющих случаях мы без колебаний применим крайние наказания».

Эту речь офицеры выслушали молча. Атмосфера заметно накалилась. Я поразился, насколько красноречивым может быть адмирал.

Когда некоторое время спустя 1-й Воздушный Флот был передислоцирован на Формозу для реорганизации, адмирал Ониси снова собрал своих людей и обратился к ним. «Если Япония будет спасена, это сделают молодые люди, те, кому сейчас 30 лет и меньше. Именно эти молодые люди, проникнутые духом самопожертвования, могут спасти нашу страну. Вся тяжесть боев на фронте, а также большая стратегия и высокая политика будут основываться на усилиях этих молодых людей. Так должно быть».

В своем завещании он обращается к молодым людям как к «сокровищу нации», и он повторял это многократно. Напомним, что адмирал был превосходным каллиграфом, и люди часто просили у него образцы его работ. Одной из его любимых надписей в таких случаях была следующая: «Чистота юности раздует Божественный Ветер».

За все время своей службы адмирал Ониси постоянно искал возможность получить летную практику. Он летал на всех типах самолетов, даже на дирижаблях. Более того, он прошел курс подготовки десантника-парашютиста. Он лично совершил множество вылетов во время боев в Китае, где он командовал 2-й сводной авиагруппой. Когда ему сообщали, что боевой дух какой-либо авиагруппы пошатнулся, Ониси можно было отправить туда с полной уверенностью, что в самом ближайшем времени положение дел будет исправлено.

Он занимал практически все важные посты в морской авиации, и всегда выполнял свои обязанности образцово. В начале Тихоокеанской войны он, без сомнения, являлся номером вторым, уступая только самому адмиралу Исороку Ямамото. Между этими людьми было много общего. Оба были умными и смелыми лидерами. Они любили друг друга. Может быть, Ямамото был единственным из адмиралов, которого Ониси безоговорочно уважал. Пока Ямамото планировал и готовил атаку Пирл-Харбора, имен-

но Ониси руководил непосредственными исследованиями, которые показали, что атака осуществима.

Когда в октябре 1944 года я прибыл в Манилу и впервые попал под командование адмирала Ониси, у меня не было никакого заранее сформированного мнения, ни хорошего, ни плохого. Кажется, я был одним из немногих штабных офицеров, которые относились к адмиралу Ониси совершенно равнодушно.

Следует напомнить, что адмирала Ониси во флоте любили далеко не все. Уже один его характер, динамичный и агрессивный, привел многих «линкорных адмиралов» к выводу, что это опасный человек. Кроме того, многие авиаторы считали, что он подавляет собеседника и с ним трудно иметь дело. По тем же самым причинам и адмирал Ониси не слишком хорошо относился ко многим людям, с которыми ему приходилось служить.

В своих суждениях о людях адмирал не пытался следовать первому впечатлению, чтобы впоследствии любить или не любить человека. Он уважал людей действия, тех, кто мог превратить слова в дела. И наоборот, он не уважал тех, кто ограничивался болтовней и бумажными отписками вместо дела. При разговоре с адмиралом ты невольно чувствовал, что его взор проникает в твои самые потаенные мысли.

Когда началась Тихоокеанская война, адмирал Ониси служил начальником штаба 11-го Воздушного Флота в Такао (Гаосюне) на Формозе. В те самые часы, когда соединение адмирала Нагумо наносило удар по Пирл-Харбору, аэродромы Формозы были закрыты плохой погодой. В Такао штаб флота убеждал подождать, пока погода улучшится, и лишь потом поднимать самолеты для атаки Филиппин, что было следующим после Пирл-Харбора шагом стратегического плана. Адмирал Ониси лично принял решение немедленно отправить самолеты для атаки Лусона. Решение оказалось удачным, и вскоре все Филиппины перешли под японский контроль.

Однако когда в октябре 1944 года Ониси вернулся на Филиппины, ситуация была уже совершенно иной. Даже

его прибытие в Манилу задержалось из-за налета американской авиации на аэродромы, и адмирал был вынужден ждать в бессильной ярости. Мы даже не могли поднять достаточное количество истребителей, чтобы отбить дневной налет противника. Можно представить всю степень раздражения Ониси, который прекрасно помнил славные дни успехов японского оружия в начале войны.

До своего назначения командующим 1-м Воздушным Флотом он работал в министерстве вооружений и лучше, чем кто-либо, знал ситуацию со снабжением, сложившуюся в Японии, особенно с самолетами. Он прекрасно знал, что не следует ждать крупных подкреплений ни сейчас, ни позднее. Вероятно, именно это знание укрепляло его решимость максимально эффективно использовать скудные силы, имеющиеся в его распоряжении.

Некоторые критики адмирала Ониси утверждали, что он упрям и высокомерен. Мой личный опыт общения с ним говорит обратное. Он скрупулезно выполнял все приказы вышестоящих командиров. Несколько раз я пытался изменить приказы, которые мы получали, чтобы их легче было исполнять в частях. Ониси очень часто отвергал мои «облегченные интерпретации» и требовал буквального выполнения приказов. Поэтому он ожидал, что и его собственные приказы будут исполняться столь же пунктуально.

Когда положение Японии изменилось от плохого до ужасного, пунктуальность Ониси в процедурных вопросах увеличилась. Он удвоил свои усилия, чтобы как можно полезнее использовать своих людей и самолеты. Это кажется совершенно обычным и естественным, но в отчаянных обстоятельствах требуются необычайная отвага и сила духа. Я думаю, что Ониси назначили на Филиппины именно потому, что от него ждали действий, соответствующих безнадежному положению.

Ониси был полон решимости организовать таранные атаки, и свое решение он претворял в жизнь настойчиво и аккуратно. Любой мелкий сбой в планировании и проведении такой операции привел бы к ее полному про-

валу. При отсутствии соответствующего командира не следовало ждать удовлетворительных результатов. А если не будет удовлетворительных результатов, то не только будет скомпрометирована тактика, но и окажется подорванным моральный дух всего флота, люди впадут в отчаяние. Поэтому правильный выбор командира для реализации тактики самоубийственных атак был исключительно важен. И не менее важной была бы правильность его решений.

После того, как Ониси принял командование морской авиацией на Филиппинах в конце 1944 года, произошел резкий подъем морального духа. Адмирал прибыл в Манилу в тот самый момент, когда наш флот решил нанести удар противнику, чего бы это ни стоило. Выбор командования оказался правильным. Нужный человек оказался в нужном месте и в нужное время. Только Ониси мог создать на Филиппинах корпус специальных атак:

Точка зрения адмирала Ониси на атаки камикадзе

Следовало ожидать, что противники корпуса камикадзе начнут критиковать тактику и ее изобретателей. Поэтому вполне естественно было бы ждать, что адмирал Ониси, человек, который приказал начать эти операции, также станет объектом критики. Так и произошло.

С самого начала даже среди морских летчиков были те, кто выступал против организации корпуса камикадзе. Например, капитан-лейтенант Тадаси Минобэ, командир отряда ночных истребителей на Филиппинах, открыто выражал свое неверие в атаки самоубийц. Но, несмотря на его резкие замечания и открытое неприятие любой критики, адмирал Ониси никогда не пытался заставить Минобэ организовывать специальные атаки. Вместо этого Минобэ был переведен в Японию и назначен командиром эскадрильи в составе 131-й авиагруппы, где и вое-

вал до самой капитуляции. Это позволило ему жить в согласии со своими убеждениями.

Адмирал Ониси однажды сказал своему адъютанту: «Значение человека никогда не определяет его смерть. В моем случае, вероятно, и через 100 лет не найдется никого, кто оправдает то, что я сделал».

Все его действия и решения диктовались одним — верой в то, что Япония никогда не капитулирует. Его позиция становится более понятной и даже может вызвать сочувствие, если вспомнить, что ему приказали переломить ход военных действий. Формируя корпус камикадзэ, Ониси даже и представить не мог, что Япония капитулирует менее чем через год.

Это решение адмирала Ониси имеет исторические прецеденты. Во время Русско-японской войны адмирал Того сформировал отряд «презирающих смерть», чтобы заблокировать Порт-Артур. В самом начале Тихоокеанской войны адмирал Ямамото послал сверхмалые подводные лодки в Пирл-Харбор тоже почти на верную смерть. (Из 5 миджетов 4 были потоплены вместе с экипажами.) Но ни то, ни другое не было созданием подразделения самоубийц, потому что Того и Ямамото по крайней мере пытались сделать что-то для спасения этих презирающих смерть воинов.

Зато атаки камикадзэ, предложенные Ониси, были самым настоящим самоубийством, и он сознательно предложил эту ужасную концепцию. Именно здесь лежит коренное различие между тактикой Того и Ямамото, с одной стороны, и тактикой Ониси и Угаки, с другой. Предложенная ими доктрина была совершенно неприемлемой. И она остается таковой, даже если вспомнить, что оба ее создателя также покончили с собой.

Можно только удивляться, почему эта бесчеловечная тактика использовалась столь долго. В действительности, когда Ониси предложил использовать камикадзэ, он намеревался ограничиться первыми 4 звеньями, в которые входили всего 13 самолетов. Когда 19 октября был сформирован первый корпус камикадзэ, я предложил адмиралу Они-

си назвать его «Симпу» (камикадзэ). Оно охотно согласился с этим и, повернувшись к своему адъютанту, продиктовал: «Корпус специальных атак «Симпу» будет состоять из звеньев «Сикисима», «Ямато», «Асахи» и «Ямаздакура».

То, что он так быстро предложил названия, убедило меня, что Ониси давно все обдумал. Вероятно, он размышлял над этим по дороге из Манилы в Мабалакат, и даже придумал названия звеньев, необходимые в данном случае. Следует помнить, что тактической задачей первых отрядов камикадзэ было вывести из строя вражеские авианосцы примерно на неделю.

То, что адмиралу Ониси совсем не безразличны жизни этих летчиков, мне стало ясно в день формирования корпуса. Примерно в 15.00 было получено сообщение, что замечено вражеское оперативное соединение, достойное атаки камикадзэ. Я немедленно нанес его позицию на карту и показал ее адмиралу, который намеренно задержался в Мабалакате на один день, чтобы сразу узнать результаты первой атаки.

Положив радиограмму и карту перед адмиралом, я сказал: «Эти цели почти на максимальной дальности полета наших самолетов. Считаете ли вы необходимым приказать провести атаку?»

Адмирал Ониси тщательно изучил ситуацию и ответил: «Самоубийственная тактика — это крайний случай. Я советую использовать их, только если будут все шансы добиться результата».

Тем не менее, когда первые отряды не сумели найти вражеские авианосцы в заливе Лейте, были сформированы дополнительные, они также отправлялись в полет, из которого не было возврата. Когда мы вернулись в Манилу, я напомнил адмиралу Ониси об этом: «Поскольку противник уже высадился на острове Лейте, не следует ли прекратить тактику таранных атак?»

Его ответ был неожиданно грубым и, несомненно, искренним: «Эти юнцы с их ограниченной подготовкой, устаревшими самолетами и при численном превосход-

стве противника обречены даже при обычных методах борьбы. Крайне важно как для командира, так и для его солдат, чтобы их смерть не была напрасной. Поэтому я верю, что будущее покажет мудрость тактики таранных атак. Думать иначе означало бы узколобий подход к анализу ситуации. Я честно думаю, что будет лучше для всех нас продолжать самоубийственные операции».

Очень важно добавить, что вскоре после формирования корпуса камикадзэ адмирал Ониси признал, что это была горькая необходимость. Однако переменял свое мнение и стал говорить, что это «лучше для всех нас». Такое изменение точки зрения могло произойти после оценки действий камикадзэ.

Очень многие люди, в том числе и в Японии, критиковали тактику таранных ударов. Но даже эти критики были вынуждены дружно признать, что моральный дух и действия этих молодых людей заслуживают самой высокой оценки. Поэтому можно предположить, что Ониси и Угаки, приняв на себя лично всю брань, были вознаграждены преданностью людей, которые старательно исполняли их планы.

Следует сказать, что и летчики-самоубийцы, и те, кто ими командовал, имели более глубокие причины, чем просто желание уничтожить. Они поняли, что битву следует довести до конца, несмотря на шансы спастись самому. Они сражались за идеалы. Их путь был определен идеалами бусидо, а их цель — «мир во всем мире», как написал Ониси в своем прощальном письме.

Конфуций сказал: «Человек должен жить так, чтобы всегда быть готовым к смерти». Судя по всему, и Ониси, и Угаки свято следовали этому завету. Угаки сам повел в атаку последний отряд камикадзэ. Ониси совершил харакори. Их смерть была совершенно лишена картинности. Для каждого человека очень важно правильно оценивать свою жизнь и свою смерть.

Философия адмирала Ониси выражена в каллиграфической надписи, которую он подарил своему штабу после организации корпуса камикадзэ:

*Кё сакитэ, асу тиру;
Хана но вагами ка на.
Икадэ соно ка во киёку тодомен?
(Ониси, камикадзэ токкотай эй)*

*Цветут сегодня, потом опадают;
Жизнь подобна хрупким цветам.
Можно ли ждать, что они будут цвести вечно?
(Ониси, корпус специальных атак камикадзэ)*

Адмирал Ониси был человеком, и потому страдал обычными для людей слабостями и недостатками. Он прекрасно понимал, что после смерти адмирала Ямамото он остался ведущим японским специалистом по морской авиации. И в этом качестве его жизнь и смерть являются примером для подражания, выдержанным в лучших традициях Императорского Флота. Поэтому адмирал постоянно требовал, чтобы каждый моряк исполнял свой долг до конца.

Было бы неправильно думать, что его самоубийство стало признанием своей вины. Я думаю, что он определил свою судьбу в момент формирования корпуса камикадзэ. Поэтому он решил покончить с собой и исполнил бы это решение даже в том случае, если бы Япония выиграла войну. В своих мыслях он умирал вместе с каждым своим пилотом в тот момент, когда тот выполнял последнее пикирование.

Незадолго до своей смерти Ониси отправил своему другу Рину Мацутани последнее стихотворение-хайку:

*Суга суга си
Бодзю но ато ни
Цуки киё си.*

*Восходящая луна
Освежающе светит
После яростного шторма.*

ГЛАВА 20

КАМИКАДЗЭ: ЗА И ПРОТИВ

Отношение японцев

За долгие века истории войн мы можем найти множество примеров, когда солдат отправляли на верную гибель. Причины таких приказов были самыми различными, различными были и способы выполнения, но общим оставалось презрение к смерти, которое проявляли воины. История Японии полна подобных случаев, так как японцев всегда учили, что долг следует исполнить любой ценой, даже с риском для жизни. Почему же, когда был сформирован корпус специальных атак, в Японии поднялась буря споров?

Что же такое было в этих самоубийственных операциях, что отличало их от исторических прецедентов? Разумеется, использование самолетов было характерной чертой XX века, но это только лишь внешняя форма. Фундаментальным отличием стало длительное время, в течение которого проводились организованные самоубийственные атаки — с октября 1944 по август 1945 года. В этом отношении они не имеют никаких аналогов. Самоубийственные военные операции прошлого всегда были внезапными и скоротечными, словно удар молнии. От замысла до исполнения проходило так мало времени, что «жерт-

ва» порой даже не успевала сообразить, что ее обрекли на смерть. Кризис, добровольцы, смерть — такая последовательность была приемлема для отдельного человека и вызывала восторг и гордость соотечественников. Но идея заранее спланированных систематических самоубийственных атак, проводимых на протяжении многих месяцев, оказались слишком ужасной даже для японцев. В результате система и ее руководство попали под огонь жестокой критики со стороны своих же соотечественников.

Совсем не удивительно, что противник высмеивал использование человекоуправляемых снарядов «Ока», назвав это оружие дурацким. Снаряд был задуман и сконструирован за несколько месяцев до того, как командование решилось пустить его в ход. Это было жестом отчаяния и принесло мало пользы. Поэтому вполне понятны насмешки американцев, если уж мы сами более чем скептически оценивали шансы «Оки» на успех. Однако, судя по всему, наши противники с уважением относились к атакам камикадзэ, потому что те сумели нанести американцам несколько ощутимых ударов.

Когда война закончилась, некоторые японцы принялись проклинать саму идею камикадзэ, не потрудившись хотя бы изучить причины создания корпуса специальных атак. Эти нападки можно приписать общей неприязни, которую испытывали гражданские к армии и флоту, поэтому цитировать их просто бессмысленно, и мы не станем тратить на это время.

Однако многие ответственные и хорошо информированные люди, тщательно взвесив все обстоятельства и обдумав проблему, также подвергли критике атаки камикадзэ. Одним из таких был адмирал Кантаро Судзуки, один из высших офицеров флота и премьер-министр Японии в момент капитуляции. Во время Японо-китайской войны он лично возглавлял группу японских миноносцев, которая провела смертельно опасную атаку китайских кораблей, укрывшихся в порту Вей-Хай-Вея. Эта атака была блестящим примером традиционного японского

презрения к смерти. В своей книге «Фазы окончания войны» Судзуки писал:

«Дух и дела пилотов-камикадзе не могут не вызывать восхищение. Но, рассматривая их с точки зрения стратегии, следует признать их результатом поражения в войне.

Способный командир никогда не решится на подобные крайние меры. Отважные попытки заблокировать Порт-Артур во время Русско-японской войны были разрешены, лишь когда появились реальные шансы спасти экипажи брандеров. Их единственной целью было затопить свои суда на входе в гавань, однако командующий отказывался разрешить операцию, пока все брандеры не были обеспечены достаточным количеством спасательных шлюпок. Так должен поступать хороший командир.

Использование сверхмалых подводных лодок при атаке Пирл-Харбора в начале войны является еще одним таким примером. Адмирал Ямамото не утверждал участие миджетов в операции, пока ему не было доказано, что экипажи лодок имеют определенный шанс спастись.

Зато атаки камикадзе являются прямой противоположностью этому. Пилоты не имели никакой надежды вернуться. Эти атаки стали ясным доказательством нашего страха перед поражением и неспособности изменить ход войны другими средствами. Воздушные операции, которые начались на Филиппинах, не оставляли возможности спастись. По мере гибели обученных пилотов приходилось использовать неопытных новичков. В конце концов в полет пришлось отправлять людей, практически не имевших летной подготовки».

Все, что сказал адмирал Судзуки, является чистой правдой. И все-таки мы не можем согласиться с тем, что он предлагает. Может, мы и предпочли бы последовать его рекомендациям относительно того, что следует делать хорошему командиру, однако чрезвычайные обстоятель-

ства делали использование обычной тактики бессмысленным¹.

Интересно провести параллели и отметить различия во взглядах военных и гражданских лиц. Обратимся к высказываниям доктора Дайсецу Судзуки (он никак не связан с адмиралом Кантаро Судзуки), который является одним из руководителей секты дзен-буддистов. В марте 1946 года в журнале «Секай» он писал:

«Прошедшую войну можно рассматривать под различными углами. Но некоторые специфически японские особенности заслуживают отдельного рассмотрения. Одной из таких особенностей является корпус специальных атак.

Японская армия усвоила некоторые постулаты германской идеологии, в том числе убеждение, что война есть уничтожение. Военный потенциал противника, каков бы он ни был, должен быть уничтожен. Война есть столкновение двух физических сил. Противоположная сила должна быть уничтожена как можно быстрее. Поэтому о солдатах не следует думать, как о людях, они являются всего лишь инструментами уничтожения. При чем эта концепция не проводит различия между противоборствующими силами.

Именно этот образ мышления породил камикадзэ! Они могли лишь одно — уничтожать военный потенциал противника. Их подталкивали трескучими фразами о «высшем предназначении нашей страны», но в действительности инициаторы всегда думали только о физических реалиях войны. Они были совершенно слепы в отношении духовной стороны проблемы.

---

¹ Очень интересный момент! Заметьте, автор нигде не использует прошедшее время, он говорит о *настоящем* и *будущем*! Талейран давным-давно сказал: «Они ничего не забыли и ничему не научились». Японская военщина полностью соответствует этому определению. То есть, автор и в конце 1950-х продолжал считать оправданным и возможным в дальнейшем применение тактики камикадзэ. *Прим. пер.*

Эти военные профессионалы делали все возможное, чтобы не привлекать к специальным атакам членов своей группировки, которые были лучше обучены сражаться. Сначала они бросили в жернова войны людей, не входящих в их клику, — гражданских лиц, только что вышедших из колледжей и университетов.

Достоинно особенного сожаления то, что японская военщина постоянно отрицала любые религиозные догматы. Армейское и флотское командование бесконечно повторяло синтоистские постулаты вроде «Божественной Славы Его Величества», «Избранной Нации», «Священной Войны», «Императорского Воинства» и тому подобное. Однако они забывали или принципиально отрицали вечные ценности любви, человечности, милосердия.

Религия Синто полна богами войны, но в ней нет бога или богини любви. Этим богам войны вследствие самоизоляции Японии не хватает широты. Они не могут дать жизнь, они могут ее только отнять.

Если согласиться с тем, что уничтожение является единственным способом ведения войны, целью становится убийство противника любыми возможными способами. Появляется идея: «Суть жизни в том, чтобы умереть, как настоящий самурай». Атаки камикадзэ являются продуктом этих двух феодальных концепций, и они проводились с максимальными усилиями. Профессиональные военные умело использовали преимущества ситуации».

Если принять суждения доктора Судзуки о «профессиональной военщине», которая организовывала и руководила атаками камикадзэ, то придется согласиться с тем, что это были умственно неполноценные люди. Но затем он переносит свои обвинения на всех японцев в целом, заявляя, что атаки камикадзэ стали возможными только потому, что японцам не хватало образования и научного мышления.

«Они пытались компенсировать недостатки, используя духовную и физическую силу, прилагаемую во время атак камикадзэ. Ненаучное мышление, характерное для японских военных, было типичным и для всей остальной страны.

Такая тактика компенсации просто не могла не быть самоубийственной. Ею не следует гордиться, она остается постоянным позором Японии».

Утверждения доктора Судзуки имеют под собой некоторые основания, однако в них очень много ошибочного. К тому же сам Судзуки в своих статьях прямо признает, что он не знаком детально с тактикой камикадзэ. В своих суждениях он явно склонен к предвзятости и догматизму. Тем не менее, его взгляды следует считать совершенно типичными для некоторых слоев японской интеллигенции.

Другим автором, изложившим свое мнение относительно атак камикадзэ и их сторонников, был Кадзуо Ватанабэ, ассистент профессора Токийского университета. Его статья «Уничтоженная юность» появилась 9 сентября 1946 года в «Ниппон Докуцо Симбун». Ватанабэ пишет:

«Из молодых людей моего поколения некоторые были зачислены в корпус камикадзэ. Они были студентами, и, разговаривая с ними, я не заметил следов душевной неуравновешенности.

Когда их отправляли на линию фронта под звуки медных труб, либо когда с ними, даже надевшими военную форму, грубо обращались, как с представителями интеллигенции, они просто говорили себе: «Поживем — увидим!» Либо, когда они были вынуждены «добровольно» вступить в корпус камикадзэ и проходили подготовку, которая, как они знали, поставит их на место профессиональных военных, они утешали себя, говоря: «Поживем — увидим». Их поведение и мысли определялись стоическим отношением к жизни. Я очень уважаю их за это духовное мужество и восхищаюсь людьми, обладающими таким мужеством.

Эти молодые люди никакими позитивными действиями не могли выразить свое возмущение той средой, которую создали мы, старшее поколение. Однако они инстинктивно защищали то, что полагали правильным. И если сегодня уцелевшие члены корпуса камикадзэ ужасаются при мысли, что они шли неправильным путем, это рассуждения пост фактум. В то время каждый человек в своем поведении больше руководствовался инстинктом, чем рассудком. У них просто не было возможности заниматься рефлексиями».

Интересно использование господином Ватанабэ слова «инстинкт», так как в этом случае отпадает скептическое или негативное отношение. Хотя его идеи противоречат традиционным или военным взглядам, они представляют собой другое направление критики.

Читая эти статьи, я не могу даже предположить, на основании чего господина Судзуки и Ватанабэ пришли к заключению, что студентов превращали в солдат и обрекали на смерть только ради того, чтобы сберечь жизни профессиональных военных. Если и существовали основания для подобного вывода, я их не знаю.

1 июня 1946 года в издательской колонке газеты «Йомиури» была опубликована статья, написанная президентом концерна господином Цунео Баба.

«Я склонен думать, что духовная мощь японского народа проявляется только в припадках гнева. В долгом забеге японцы выдыхаются и слабеют. То же самое и с атаками камикадзэ. Мы должны растить более выносливую расу, которая будет способна на большее, чем мгновенный героизм».

Его отношение к атакам камикадзэ можно считать положительным, но я не могу принять его обвинение японцев в неспособности к долгим забегам. Атаки камикадзэ — явно неудачный пример. Этим пилотам долго

приходилось жить, ожидая неминуемой смерти, день за днем ожидая приказа на вылет и не зная, когда он придет. Однако их дух и решимость не ослабевали.

Господин Масанори Осима, откровенный атеист, в своей книге «Рассуждения о нашем национальном характере» пишет:

«Когда нация переживает кризис, появляется необходимость безотлагательных действий. В такие моменты достоинства и недостатки проявляются особенно отчетливо. Здесь нет возможности взять передышку или промедлить, чтобы скрыть свой истинный характер. Проявляется подлинный характер, проявляются верность и патриотизм людей, истинные достоинства нации. Эти добродетели увековечены беспримерной отвагой наших пилотов-камикадзе.

Часто говорят, что японцы превосходят остальных в верности и отваге. Японцев смерть не пугает. Смелое поведение на поле боя служит доказательством этого. Эта наша сильная сторона. Однако это и наша слабая сторона, так как японцы не ценят собственные жизни и слишком легко соглашаются умереть. Смелость часто становится результатом мгновенного импульса, а не результатом зрелых размышлений.

Напротив, на Западе придают огромное значение жизни отдельного человека. Они не готовы умирать столь охотно, а потому не могут понять психологию пилотов-камикадзе. Это не вопрос смелости, потому что люди Запада проявляют незаурядную смелость, борясь с природными стихиями, охотясь на диких животных, и во многих других случаях. Но если они берутся за рискованное предприятие, то проводят его, используя всю свою предприимчивость и интеллект. Этот пример должен послужить нам хорошим уроком».

Пересчитать всех японских критиков атак камикадзе просто невозможно. Однако большинство из них, судя по

всему, просто слабо информированные люди, со стороны наблюдавшие жестокий кризис, с которым столкнулся наш народ. Читатель должен понять, что образцы критики приведены здесь только для того, чтобы представить мнение наиболее компетентных японских исследователей феномена камикадзэ.

Иностранная точка зрения

Между участниками боевых действий всегда возникает некое взаимопонимание, причем неважно, союзники они или противники.

Морской офицер, служивший в американской Комиссии по изучению стратегических бомбардировок, однажды рассказал мне, что находился на борту корабля, получившего попадание камикадзэ. Он признался, что был подавлен боевым духом атаковавшего пилота. Но не только на него одного произвел впечатление дух камикадзэ. Многие американцы высказывали свое изумление, если не восхищение, этой концепцией и ее реализацией, а также разрушительной мощью атак.

Несколько американских писателей выказали понимание японской точки зрения. Например, Рут Бенедикт в «Хризантеме и мече» дала пример глубочайшего прозрения и понимания. Она нашла свидетельства духа камикадзэ в глубоком прошлом Японии и считала его примером торжества духа над материей. Ее тщательный анализ японского образа мышления будет не только интересен любому читателю, он помогает избежать заблуждений любому, кто начнет изучать Японию. Такие работы иностранцев показывают, какой отклик во всем мире имели деяния камикадзэ.

15 октября 1945 года меня допрашивали члены американской Комиссии по изучению стратегических бомбардировок. В нее входили несколько морских офицеров, в том числе один капитан 1 ранга, и корреспондент «Юнайтед

Пресс». Капитан 1 ранга спрашивал, не использовали ли мы какие-то средства принуждения при вербовке пилотов для атак камикадзэ. Я ответил, что на Филиппинах, по крайней мере, на летчиков не оказывалось никакого давления.

Похоже, он подозревал, что высшее командование в Токио планировало использование камикадзэ задолго до того, как возникла потребность в этом, и что оно намеревалось принудительно набирать пилотов для этих атак. Он спросил, знал ли я, что бомба «Бака» была создана в Японии в августе 1944 года, то есть за 2 месяца до начала использования тактики камикадзэ на Филиппинах.

Я ответил: «Впервые я услышал о бомбе «Ока» после прибытия на Формозу в 1945 году. Я был убежден, что в период чрезвычайных обстоятельств, в которых оказалась Япония, не является чрезмерным применение любых крайних средств».

«Что вы думаете об использовании такой тактики, когда гибнут и пилот, и самолет, как альтернативы обычным методам воздушных атак?»

«В то время нам не хватало ни пилотов, ни самолетов. Мы не имели другого выбора, как обратиться к методам, обещающим максимальную эффективность использования их гибели. Если бы пилоты имели шанс спастись, их решимость и сосредоточенность на выполнении задания снизились бы. Это снизило бы их шансы поразить цель, и они погибли бы напрасно.

Мир без споров наступит, когда каждый человек научится обуздывать свои желания. Считая, что самым сильным из этих желаний является желание жить, вы должны признать, что и оно не должно возобладать. Поэтому, если мы намерены жить в мире без войн, мы должны тщательно изучить дух пилотов-камикадзэ».

Мои ответы поразили американцев.

Но, в конце концов, критика тактики камикадзэ как аморальной со стороны всего остального мира является схоластической. Она совершенно неважна по сравнению с переживаниями и чувствами самих пилотов-камикадзэ.

ГЛАВА 21

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА ДОМОЙ

Так каковы же были мысли и чувства пилотов-самобийц, которые добровольно пошли на это, а сейчас ожидали своей очереди и отправлялись в полет?

Господин Итиро Оми в течение 4,5 лет объехал всю страну, чтобы посетить дома пилотов-камикадзэ. Семьи показывали ему письма и дневники своих любимых. Господин Оми любезно предоставил авторам этой книги копии писем. Некоторые из них выражают более ясно, чем другие слова, мысли и чувства пилотов относительно смерти.

В целом то, что писали рядовые летчики, отражает их простую, незамысловатую натуру. Выпускники Военно-морской академии сознательно выбрали путь воина и потому воспринимали свою грядущую судьбу хладнокровно. Но были офицеры резерва и студенты, которых призвали на военную службу и спешно обучили, прежде чем они получили последнее назначение. Именно они писали больше других. Нескольких таких писем лучше всего раскрывают дух пилотов-камикадзэ.

* * *

Цитируемое ниже письмо написано энсайном Сусуму Кадзицу из авиакорпуса «Гензан», базировавшегося в Корее. Кадзицу родился в 1923 году в городе Омуре, в

префектуре Нагасаки на севере Кюсю. Он закончил технологический колледж незадолго до поступления в летнюю школу ВМФ.

Дорогие отец, мать, братья Хироси и Такеси, сестра Эйко.

Я верю, что эту весну вы встретили в добром здравии. Я никогда не чувствовал себя лучше и теперь жду, полностью готовый к бою.

На следующий день я улечу далеко от нашего дома и шлю последний привет нашим соседям и вам. Благодаря господину Ямакава, недавно я получил шанс в последний раз выпить вместе с отцом, и теперь мне не остается ничего, кроме как ожидать призыва исполнить долг.

Мои ежедневные обязанности совершенно обычны. Я гораздо больше беспокоюсь не о том, что умру, а о том, сумею ли наверняка потопить вражеский авианосец. Энсайны Миядзаки, Танака и Кимура, которые полетят моими ведомыми, спокойны и собраны. Их поведение никак не обнаруживает того, что они в любой момент ожидают приказа вылететь для таранной атаки. Мы пишем письма и проводим время, играя в карты и читая.

Я уверен, что мои товарищи приведут нашу божественную Японию к победе.

Слова не могут передать мою благодарность любящим родителям, которые поддерживали и заботились обо мне с детства. Я могу лишь немного отплатить за милость, которую его императорское величество оказал нам.

Пожалуйста, проследите за результатами моих скромных усилий. Если их результаты окажутся хорошими, вспомните меня по-доброму и считайте, что мне повезло совершить нечто, достойное похвалы. А самое главное — не плачьте обо мне. Хотя мое тело исчезнет, мой дух вернется домой и останется с вами навсегда. Мои мысли и наилучшие пожелания всем вам, нашим друзьям и соседям. В заключение этого письма я молюсь за благополучие моей дорогой семьи.

* * *

Энсайн Теруо Ямагути родился в 1923 году на острове Гото в префектуре Нагасаки на севере Кюсю. Он рос под присмотром мачехи, поэтому его детство не было особенно счастливым. После окончания университета Кокутакун в Токио он был призван на военную службу и направлен в авиагруппу «Амакуса», которая базировалась недалеко от его дома. Отсюда его перевели в 12-ю воздушную флотилию для участия в специальных атаках.

Дорогой отец.

Так как смерть уже близка, я могу лишь сожалеть, что за всю жизнь не успел сделать что-либо хорошее для тебя.

Совершенно неожиданно меня выбрали пилотом для специальной атаки и сегодня отправят к Окинаве. Поскольку отдан приказ на полет, из которого нет возврата, то я искренне желаю добиться успеха, выполняя свой последний долг. Но даже теперь я не перестаю восхищаться прекрасной землей Японии. Что это, моя слабость?

Узнав, что подходит мое время, я закрываю глаза и вижу перед собой твое лицо, лица матери, бабушки и своих близких друзей. Меня воодушевляет мысль, что все вы желаете, чтобы я был смелым. И я буду! Буду!

Моя жизнь на службе не наполнена сладкими воспоминаниями. Эта жизнь в смирении и самоотречении уж точно не была сладкой. Я не пригоден к военной жизни, и я вижу лишь то, что она дала мне шанс умереть за свою страну. Мне немного горько оттого, что я не успел испробовать все прелести жизнь до того, как поступил на военную службу.

На следующий день я получил изложение философии лейтенанта Оцубо относительно жизни и смерти, которое вы любезно переслали мне. Мне кажется, что он не увидел суть проблемы и касается только внешних сторон военной службы. Наверное, бессмысленно говорить

это сейчас, но я в свои 23 года уже выработал свою собственную философию.

Мне становится горько, когда я думаю об обмане наивных жителей нашими мерзкими политиками. Но я готов получить приказы от высшего командования и даже от политиков, потому что верю в государственное устройство Японии.

Японский образ жизни поистине прекрасен. Я горжусь им. Японская история и мифология отражают добродетель наших предков и их взгляды, неважно, верны они или нет. Этот образ жизни является продуктом того прекрасного, что передали нам наши предки. И живым воплощением всех чудесных вещей прошлого является императорская фамилия, в которой выкристаллизовались великолепие и красота Японии и ее народа. Это высокая честь для меня — отдать жизнь ради защиты этих прекрасных и возвышенных вещей.

Окинава — такая же часть Японии, как остров Гото. Внутренний голос продолжает говорить мне, что я должен поразить врага, который посягнул на нашу родину. Моя могила будет в море вокруг Окинавы, и я снова увижу мою мать и бабушку. Я могу только молиться за счастье ваше и всех моих соотечественников.

Моим самым большим огорчением в этой жизни стало то, что я не смог назвать вас «почтенным отцом». Я сожалею, что не сумел доказать вам истинное уважение, которое я всегда к вам испытывал. Во время моего последнего пике, хоть вы этого и не услышите, я скажу вам: «Почтенный отец» и буду думать обо всем, что вы для меня сделали.

Я не стал просить вас придти, чтобы повидать меня на базе, так как знаю, что вам хорошо в Амакусе. Это хорошее место для жизни. Горы к северу от базы напоминают мне Сугияму и Магарисаку на острове Гото, и я часто вспоминаю, как вы взяли меня и Акиру на пикник на Мацуяму, где находился пороховой склад. Я вспоминаю, как ехал вместе с вами верхом в крематорий в

Магарисаке, еще не понимая по малости лет, что мать умерла.

Я все оставляю вам. Пожалуйста, позаботьтесь о сестрах.

Одна неудача в нашей истории не означает гибели нации. Я молюсь, чтобы вы жили долго. Я уверен, что восстанет новая Япония. Наши люди не будут слишком стремиться умереть.

С величайшим почтением.

Перед самым вылетом —
Теруо

Самурай будет защищать свою родину, не щадя жизни.

* * *

Следующее письмо написал унтер-офицер 1 класса Исао Мацуо из 701-й авиагруппы. Оно было написано перед самым вылетом на задание. Он родился в префектуре Нагасаки.

28 октября 1944 года

Дорогие родители!

Пожалуйста, поздравьте меня. Мне предоставили прекрасную возможность умереть. Это мой последний день. Судьба нашей родины зависит от решающей битвы, которая развернется в южных морях, и где я опадую, подобно цветку сияющего белизной вишневого дерева.

Я стану щитом его величества и погибну вместе со своим командиром эскадрильи и другими товарищами. Я желал бы родиться семь раз, чтобы каждый раз разить врага.

Как я желал этой возможности умереть настоящим мужчиной! Я благодарен до глубины души своим родителям, которые постоянно поддерживали меня своими

молитвами и нежной любовью. Я также благодарен своему командиру эскадрильи и вышестоящим офицерам, которые заботились обо мне, как о собственном сыне, и тщательно учили меня.

Благодарю вас, дорогие родители, что вы в течение 23 лет заботились обо мне и поддерживали меня. Я надеюсь тем, что я сделаю, хотя бы в малой степени расплатиться за то, что делали для меня. Думайте обо мне и знайте, что ваш Исао умер за свою страну. Это мое последнее желание и больше мне нечего хотеть.

Мой дух еще вернется и будет ждать вашего визита в храме Ясукуни. Пожалуйста, получше заботьтесь о себе.

Как славен отряд «Гирецу» корпуса специальных атак, чьи бомбардировщики атакуют врага. Наша цель — спикировать на авианосцы противника. Здесь находится кинооператор, чтобы заснять это. Вероятно, вы еще увидите нас в выпуске новостей.

Мы, 16 воинов, занимаем места в бомбардировщиках. Пусть наши смерти будут такими же внезапными и чистыми, как разбитый вдребезги кристалл.

Написано в Маниле накануне нашего вылета.

Исао

Когда мы парим в небе южных морей, наша славная задача — стать щитом его величества. Цветы вишни искрятся, раскрываясь и опадая.

* * *

Кадет Дзун Номото из авиакорпуса «Химедзи» родился в 1922 году в префектуре Нагасаки. Он закончил Университет коммерции в Токио незадолго до призыва на военную службу. Приведенное ниже письмо, судя по всему, написано в страшной спешке. Его завершает приписка другим почерком.

Переброшены на передовую в ... по срочному приказу. Наша решимость добиться успеха окрепла, когда мы узнали, что вылетим завтра.

После моего прибытия кадет ... исключен из списка тех, кому предстоит лететь завтра. Мне жаль его, но помочь не могу. Такое положение вызывает сложные чувства.

Человек смертен. Смерть, как и жизнь, вопрос случая. Однако судьба тоже оказывает влияние. Я совершенно уверен, что в завтрашнем бою покажу себя. Сделаю все возможное, чтобы спикировать на вражеский корабль и протаранить его, и таким образом выполнить свой долг перед империей. Настало время уходить мне и моему другу Наканиси. Нам не о чем жалеть. Каждый человек обречен уйти в свое время.

Так как наше подразделение было организовано в конце февраля, мы прошли курс самой интенсивной подготовки. Теперь, наконец-то, настало наше время лететь. На последнем инструктаже офицер предупредил: «Не спешите умирать». Мне кажется, что мы все вознесемся на небеса.

Я полон решимости идти до конца по пути, который выбрала мне судьба. Вы всегда были добры ко мне, и я благодарен вам. 15 лет учебы и тренировок должны принести свои плоды. Я испытываю огромную радость, что родился в нашей славной стране.

Я твердо уверен, что завтрашний день будет успешным. Я надеюсь, что вы разделите эту мою уверенность. Время нашего вылета было названо так внезапно, что я просто не сумел написать прощальные письма своим близким и друзьям. Я был бы благодарен, если бы вы написали этим людям и выразили мои чувства, насколько сможете...

Дорогие родители.

Пожалуйста, извините меня, что я диктую эти последние слова своему другу. У меня просто нет времени написать вам.

Я не могу сказать ничего особенного, но я хочу, чтобы вы знали, что сейчас я совершенно здоров. Для меня высокая честь, что меня выбрали для этих обязанностей. Первые самолеты моей группы уже в воздухе. Эти слова пишет мой друг на куске бумаги, положенном на фюзеляж моего самолета. Здесь нет места печали и унынию. Мои взгляды не изменились. Я спокойно исполню свой долг.

Слова не могут выразить мою благодарность вам. Я надеюсь, что когда я нанесу удар по противнику, то хотя бы в малой степени отплачу за все то чудесное, что вы сделали для меня.

Мое последнее желание, чтобы мои братья получили хорошее образование. Пожалуйста, позаботьтесь об этом. Я знаю, что моя сестра будет хорошо обеспечена, потому что вы заботились о ней, как обо мне. Я благодарен своим чудесным отцу и матери.

Я был бы удовлетворен, если бы мои последние усилия послужили платой за то наследие, которое оставили нам наши предки.

Прощайте!

Дзун

* * *

Лейтенант Нобуо Исибаси родился в городе Сага на севере Кюсю в 1920 году. До перевода в корпус специальных атак он служил в авиagruppe «Цукуба». Вот его последнее письмо.

Дорогой отец.

Весна рано пришла на южный Кюсю. Здесь уже все цветет, и так прекрасно. Здесь царят мир и покой, но это место в действительности является полем битвы.

Я хорошо спал прошлой ночью, не видел никаких снов. Сегодня моя голова ясна, и я чувствую себя отлично.

Мне тепло от мысли, что вы находитесь на этом же острове.

Пожалуйста, вспомните меня, когда пойдете в церковь, и засвидетельствуйте мое уважение друзьям.

Нобуо

Я думаю о весне в Японии, когда собираюсь ринуться на врага.

* * *

Следующее письмо написано энсайном Итидзо Хаяси, который родился в 1922 году в префектуре Фукуока на севере Кюсю. Он исповедовал христианскую веру. После окончания Императорского университета в Киото он начал службу в авиакорпусе «Гензан», из которого был переведен в корпус специальных атак.

Дражайшая матушка.

Я верю, что вы пребываете в добром здравии.

Я вхожу в отряд «Ситисэй» корпуса специальных атак. Половина нашего отряда сегодня улетела к Окинаве, чтобы спикировать на вражеские корабли. Все остальные улетят в течение 2 или 3 дней. Вероятно, наша атака состоится 8 апреля, в день рождения Будды.

Мы отдыхаем в офицерском общежитии, которое устроено в здании бывшей школы возле авиабазы Каноя. Так как здесь нет электричества, мы жжем лучины, и я пишу в их свете.

Наш моральный дух высок, так как мы слышим о славных успехах наших товарищей, которые улетели раньше. Вечером я гуляю по клеверному полю, вспоминая прошлое.

После нашего прибытия сюда из северной Кореи мы с удивлением обнаружили, что цветы вишни опадают. Теплый южный климат успокаивает и радует.

Пожалуйста, не печальтесь обо мне, матушка. Смерть в бою принесет славу. Я рад, что смогу умереть в битве, которая определит судьбу нашей страны.

Когда мы прилетели на Кюсю из Кореи, наш путь не проходил над домом, но когда наши самолеты приблизились к родным берегам, я запел знакомые песни и попрощался с вами. Не осталось ничего такого особенного, что я хотел бы пожелать или сказать, так как Умено передаст вам мои последние желания. Я пишу только для того, чтобы рассказать о том, что со мной происходило.

Пожалуйста, распорядитесь моими вещами, которые перешлют вам после моей смерти.

В последнее время я бросил писать письма, поэтому я прошу напомнить обо мне моим друзьям и близким. Мне стыдно просить вас об этом, но у меня просто не было времени писать.

Многие наши парни сегодня улетели в последний раз, чтобы атаковать врага. Я хотел бы, чтобы вы побывали здесь лично, чтобы увидеть чудесный моральный дух и настроение на этой базе.

Пожалуйста, сожгите мои личные бумаги, в том числе мои дневники. Разумеется, вы можете прочитать их, матушка, если пожелаете, однако не следует их читать другим людям. Поэтому, пожалуйста, сожгите их после того, как просмотрите.

В наш последний полет мы отправимся в обычной летной форме и головных повязках с восходящим солнцем. Белоснежные шарфы придадут нашей внешности определенный шарм.

Я захвачу с собой флаг с восходящим солнцем, который вы мне дали. Вы вспомните, что на нем написаны строки: «Даже хотя тысяча человек падет справа от меня, десять тысяч падут слева...» Я возьму вашу фотографию с собой в кабину во время последнего вылета, матушка, и также снимок Макио-сан.

Я намерен добиться прямого попадания во вражеский корабль. Когда будут оглашены результаты, вы мо-

жете быть уверены, что одно из удачных попаданий мое. Я полон решимости сохранять спокойствие и четко делать свое дело до конца, зная, что вы следите за мной и молитесь за мой успех. Не будет даже тени сомнения или страха, когда я начну последнее пики.

В наш последний вылет мы возьмем коробочку божового творога и риса. Очень приятно улетать с таким пайком. Я думаю, что также захвачу амулет и сушеную летучую рыбу, которую прислал господин Такеиси. Рыбка поможет мне подняться над океаном и вернуться обратно к вам.

На следующее утро нам предстоит переговорить о многих вещах, о которых трудно писать. Но мы жили вместе так дружно, что очень многое сейчас можно оставить внутри себя. «Я живу с мечтой, которая завтра унесет меня с земли».

Но, несмотря на все эти мысли, мне кажется, что те, кто улетел на задание вчера, все еще живы. Они снова могут появиться в любой момент.

Если говорить обо мне, согласитесь с тем, что я ушел сразу и навсегда. Как говорится: «Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов». Родные просто обязаны жить ради живых.

Нам недавно показывали фильм, и мне показалось, что я увидел Хакату. И у меня возникло сильнейшее желание увидеть Хакату еще раз перед тем, как я отправлюсь в последний полет.

Матушка, я не хочу, чтобы вы горевали о моей смерти. Я не буду отговаривать вас плакать. Пойдите и поплачьте. Но, пожалуйста, поймите, что я умер ради лучшего, и поэтому не горюйте обо мне.

Я прожил счастливую жизнь, потому что многие люди были добры ко мне. Я часто размышлял, почему. Было утешением думать, что у меня были какие-то заслуги, благодаря которым я заслужил эту доброту. Было бы трудно умереть с мыслью, что у тебя не было ничего в жизни.

Из всех донесений становится ясно, что мы выигрываем сражения с противником. Победа будет за нами. Наш вылет нанесет роковой удар противнику. Я очень счастлив.

Мы жили в духе учения Иисуса Христа и умрем в его духе. Эта мысль останется со мной. Жить в этом мире было радостно, но сегодняшняя жизнь пронизана духом тщетности. Настало время умереть. Я не ищу повод для смерти. Я ищу только вражеский корабль, чтобы спикировать на него.

Вы были для меня чудесной матерью. Я боюсь лишь, что не заслужил привязанности, которую вы питали ко мне. Обстоятельства моей жизни позволяют мне гордиться и быть счастливым. Я хочу до последнего момента сохранить эти радость и гордость. Если бы меня вдруг лишили нынешнего окружения и возможностей, моя жизнь ничего бы не стоила. Оставшись один, я бы мало что значил. Поэтому я благодарен возможности служить, как мужчина. Если эти мысли звучат несколько сбивчиво, это, скорее всего, потому, что я хочу спать. Но помимо усталости, есть много вещей, о которых я должен сказать.

Больше мне нечего сказать, разве что попроситься.

Я опережу вас, матушка, в пути на небеса. Пожалуйста, молитесь, чтобы меня пустили. Мне было бы жалко не попасть туда, так как вы наверняка там окажетесь. Молитесь за меня, матушка.

Прощайте.

Итидзо

(Когда вылет был отложен, летчик добавил к письму приписку.)

«Гуляя между рисовых полей, я наслаждаюсь безмятежностью ночи и слушаю хор лягушек». Я мог только мечтать об этом во время последней вечерней прогулки. Я лег на клеверном поле и вспоминал дом. Когда я вернулся в казарму, друзья сказали мне, что я пахну клеве-

ром, и потому напомнил им о доме и матерях. Несколько человек сказали, что я, наверное, был маменькиным сынком.

Это ничуть не задело меня. Наоборот, они даже меня обрадовали. Это означает, что люди любят меня. Когда я сержусь, что стараюсь подумать, как много людей были добры ко мне, и сразу успокаиваюсь. Я постараюсь удвоить свои усилия, чтобы выразить благодарность сердечным людям, которых я имел счастье знать.

Цветы вишни всегда опадают. Каждое утро я умываюсь в соседней речке. Она напоминает мне речушку, усыпанную лепестками вишни, которая была у нас дома.

Судя по всему, мы полетим завтра, поэтому годовщина моей смерти будет исполняться 10 апреля. Если вы отслужите по мне заупокойную службу, я хотел бы, чтобы за ужином вы были счастливы.

Сейчас идет дождь, совершенно японский дождь, не похожий на те, что я видел в Корее. В нашем общежитии есть старый орган, и кто-то играет школьные песенки, в том числе и песню матери, которая идет в школу с зонтиком для своего ребенка.

Вылет был отложен еще раз, и летчик получил возможность приписать еще один кусочек к письму, которое все-таки было отослано после его вылета.

Я думал, что этот день станет последним, но, как это часто бывает в жизни, нельзя быть уверенным ни в чем. Уже вечер 11 апреля, но это все еще не мой день.

Надеюсь, что сегодня я был фотогеничен, потому что у нас побывали несколько операторов кинохроники, они снимали нас для специальных выпусков. Позднее нас приветствовал главнокомандующий Объединенным Флотом, который сказал мне: «Пожалуйста, сделайте все, что сможете». Для меня великая честь, что он говорил с такой ничтожной персоной, как я. Он убежден, что судьба страны находится в наших руках.

Сегодня мы собрались вокруг органа и пели гимны.
Завтра я протараню врага и не промахнусь.

* * *

Энсайн Хейити Окабэ родился в 1923 году в префектуре Фукуока на севере Кюсю. Перед призывом он закончил Императорский университет Тайхоку. Сначала он служил в авиакорпусе «Гензан», а потом его перевели в отряд «Ситисей № 2» корпуса специальных атак. Он вел дневник, который переслал семье перед последним вылетом. Приведем одну запись из этого дневника.

22 февраля 1945 года

Я действительно член корпуса специальных атак камикадзе.

Моя жизнь закончится в ближайшие 30 дней. Я получу свой шанс! Смерть и я ожидаем вместе. Обучение и тренировки были жесткими, но стоили того, если мы сможем умереть прекрасно и с пользой.

Я умру, следя за великой борьбой нашего народа. Моя жизнь понесется быстрее в следующие несколько недель, так как моя юность и жизнь подошли к концу...

Вылет назначен на ближайшие 10 дней.

Обыкновенный человек и надеюсь, что не буду ни святым, ни негодяем, ни героем, ни дураком, просто человеком. Как тот, кто провел жизнь в тоскливом стремлении к чему-либо и в поисках, я умру с надеждой, что моя жизнь послужит «человеческим документом».

Мир, в котором я жил, был полон раздоров. Поэтому сообщество разумных людей должно быть лучше устроено. Если нет единого великого дирижера, все начинают играть по своим нотам, что приводит к диссонансу там, где должны быть гармония и мелодия.

Мы с радостью послужим нации в развернувшейся жестокой борьбе. Мы будем таранить вражеские корабли,

лелея надежду, что Япония была и будет местом, где будет позволено жить только любящим семьям, храбрым женщинам и прекрасной дружбе.

В чем наш долг сегодня? Сражаться.

В чем наш долг завтра? Победить.

В чем наш долг ежедневно? Умирать.

Мы погибнем в битве без жалоб. Я надеюсь, что другие, например, ученые, которые сражаются в этой войне на своих фронтах, будут умирать без жалоб, как мы. Только тогда единство Японии будет столь сильным, что мы получим шанс на выигрыш войны.

Если по странному стечению обстоятельств Япония внезапно выиграет войну, это будет роковым несчастьем для будущего нации. Для нашей страны и нашего народа было бы лучше пройти через настоящие страдания, которых закалят их.

* * *

Подобно цветам вишни

По весне

Пусть мы опадем,

Чистые и сияющие.

Приложение 1

Итоги операций камикадзэ у Филиппин

Самолеты камикадзэ		Самолеты сопровождения		Всего
Вылетело	421	Вылетело	239	
Вернулось	43	Вернулось	137	
Погибло	378	Погибло	102	480

Американские корабли

Объявлено потопленными	Потоплены	Объявлено поврежденными	Повреждены
CV 5	CVE 2	CV 9	CV 7
BB 2	DD 3	CVL 2	CVL 2
Cr 5	DMS 1	CVE 1	CVE 13
Tr 20	SC 1	BB 4	BB 5
Un 5	APD 1	Cr 11	CA 3
37	LST 4	DD 4	CL 7
	ATO 1	Tr 37	DD 23
	Aux 1	68	DE 5
	PC 1		DMS 1
	PT 1		AGP 1
	16		AO 1
			APA 5
			APD 3
			ARL 2
			ATF 1
			AVP 1
			LST 4
			Tr 1
			PT 2
			87

Операции камикадзэ в районе Формозы

Самолеты камикадзэ		Самолеты сопровождения	
Вылетело	27	Вылетело	18
Вернулось	14	Вернулось	13
Погибло	13	Погибло	5

Американские корабли

Объявлено потопленными	Потоплены	Объявлено поврежденными	Повреждены
Нет	нет	CV 4	CV 1
		4	CVL 1
			DD 1
			3

Операции камикадзэ в районе Окинавы

Самолеты	
Вылетело	1809
Вернулось	879
Погибло	930

Американские корабли

Объявлено потопленными	Потоплены	Объявлено поврежденными	Повреждены
CV 1	CVE 1	CV 23	CV 8
CVE 1	DD 10	CVE 2	CVE 6
BB 8	DE 1	BB 6	BB 10
CA 1	DMS 1	Cr 11	CA 2
Cr 7	AM 1	DD 16	CL 3
DD 8	APD 2	Tr 5	DD 63
AM 3	LST 1	Un 32	SS 1
Tr 6	17	99	DE 19
Un 9			DM 13
44			DMS 14

AGS	2
AH	1
AK	2
AKA	3
AKN	1
AM	10
AO	1
APA	9
APD	12
APH	1
AV	3
CM	1
LST	7
PC	1
YDG	1
YMS	6
	198

Общий итог операций камикадзэ

Самолеты ВМФ

Вылетело 2314

Вернулось 1086

Погибло 1228

Американские корабли

Объявлено потопленными	Потоплены	Объявлено поврежденными	Повреждены
CV 6	CVE 3	CV 38	CV 8
CVE 1	DD 13	CVL 2	CVL 3
BB 10	DE 1	CVE 3	CVE 17
CA 1	DMS 2	BB 10	BB 15
Cr 12	AM 1	Cr 24	CA 5
DD 8	APD 3	DD 20	CL 10
AM 3	LST 5	Tr 42	DD 87
Tr 26	SC 1	Misc 20	SS 1

Un 14	ATO	1	Un 36	DE	24
81	Aux	1	195	DM	13
	PC	1		DMS	15
	PT	2		AGP	1
		34		AGS	2
				AH	1
				AK	2
				AKA	3
				AKN	1
				AM	10
				AO	2
				APA	14
				APD	15
				APH	1
				ARL	2
				ATF	1
				AV	3
				AVP	1
				CM	1
				LST	11
				PC	1
				PT	2
				Tr	1
				YDG	1
				YMS	6
					288

*Приложение 2***ЯПОНСКИЕ ВЗРЫВАЮЩИЕСЯ КАТЕРА**

В книге очень много говорится о морских камикадзэ — пилотах взрывающихся катеров. К тому же, их было ничуть не меньше, чем камикадзэ воздушных. Поэтому мы решили включить в книгу небольшой рассказ о них.

В марте 1944 года Институт военного кораблестроения Японской Императорской армии в Химедзи возле Кобе получил приказ самым спешным образом создать «специальные катера». Другими словами — катера для самоубийц. Через месяц Японский Императорский флот отдал аналогичный приказ всем своим конструкторским и кораблестроительным подразделениям. Совершенно ясно, что перспективы использования катеров-самоубийц начала рассматриваться в середине 1943 года, и действия командования в начале 1944 были следствием официального разрешения на использование этого оружия. Но первые катера, созданные армией и флотом, были готовы к использованию только в августе — сентябре 1944 года. Как и в случаях с торпедами кайтэн и реактивными бомбами «Ока», фактическое начало работ значительно опередило официальное.

Интерес армии к взрывающимся катерам был вызван неспособностью авиации нанести серьезные потери десантным судам союзников. Их превосходство в воздухе срывало все атаки японцев. Пытаясь найти метод ночной атаки транспортов возле плацдарма, армия выдвинула концепцию «Мару-ни» (грузовой катер). Это название

отражало нежелание армии называть самоубийц своим именем. Также использовалось название «Ренраку-тэй» (связной катер). Флот показал себя менее щепетильным и назвал свои катера «Синьё» (потрясатель моря).

После падения Сайпана в июне 1944 года армия начала проявлять больше внимания к этому оружию. Императорская Верховная Ставка выпустила директиву, озаглавленную «Особенности обороны островов». В ней подчеркивалась важность атаки десантных судов при подходе к побережью и во время разгрузки. Авиация получила приказ сосредоточить усилия на атаке транспортов, игнорируя корабли сопровождения. Рекомендовалось использовать бомбометание с бреющего полета и, в случае необходимости, пикировать прямо на корабль. Корабли-самоубийцы должны были атаковать транспорты, стоящие на якоре. Флоту требовались взрывающиеся катера, и он оказался в сложном положении, если вспомнить, что перед войной японцы вообще игнорировали торпедные катера как систему оружия. Да и во время войны они не смогли создать ничего похожего на американские торпедные катера.

Армейский катер «Мару-ни» был одно- или двухместным, построенным из дерева. Детали смотрите в таблице. Теоретически «Мару-ни» не был самоубийственным оружием. Армейские инструкции предписывали пилоту выйти к цели на большой скорости и сбросить бомбы, установив взрыватель на замедление около 4 секунд. Это позволяло катеру удрать до взрыва. На практике же у пилота фактически не оставалось шансов пережить атаку. Поэтому большинство пилотов предпочитало просто идти на таран.

Армия также попыталась создать действительно высокоскоростной катер, установив на «Мару-ни» пороховые ускорители, которые можно было включить в нескольких сотнях ярдов от цели. Во время экспериментов в Удзиме, Хиросима, в конце 1944 года такие катера развивали скорость 50—60 узлов на короткой дистанции. Однако были построены всего 2 или 3 экземпляра, так как они оказались непригодны к использованию в боях.

Большинство западных авторов уделяет мало внимания японским взрывающимся катерам и часто не видит разницы между армейскими «Мару-ни» и флотскими «Синьё». В действительности эти катера различались по всем параметрам.

Первые эскадры взрывающихся катеров

Летом 1944 года армия и флот начали формировать и развертывать первые подразделения катеров-самоубийц. Хотя пилотам и механикам требовалось не меньше 3 месяцев тренировок, первые подразделения должны были заниматься подготовкой прямо в ходе развертывания в районах будущих боев. Командование решило, что они очень нужны на Филиппинах, Окинаве, Формозе и Хайнане. В сентябре 1944 года 1-я — 5-я эскадры «Синьё» были посланы на Титидзиму и Хахадзиму в группе островов Бонин. Эскадры 6—13 были отправлены на Филиппины. Таким образом, еще до официального начала курса тренировок в октябре — ноябре 1944 года флот имел как минимум 650 пилотов и 2500 механиков эскадр взрывающихся катеров. Можно предположить, что армия имела не меньше.

Обстановка полусекретности, в которой формировались первые эскадры, привела к некоторым сложностям. Командир ЭС 6 обнаружил, что не может добиться выделения техники, так как интендантские службы ничего не знают о его эскадре! Он не мог добиться выдачи личного оружия пилотам обычными способами и был вынужден лететь в Токио, чтобы «чуть ли не угрозами выбить в министерстве флота 50 револьверов и боеприпасы к ним». На обратном пути он столкнулся с вице-адмиралом Омори Сэнтаро, который руководил подготовкой экипажей катеров. Адмирал слыл строгим служакой. Офицер объяснил, почему он был вынужден нарушить дисциплину. На это адмирал Омори раздраженно заметил: «Неужели они

полагают, что офицер, который может погибнуть в любой момент, должен заботиться о такой ерунде?» Однако командующий военно-морской базой Сасебо вице-адмирал Комацу выразил более распространенную точку зрения. Он напутствовал убывающих моряков фразой: «Идите и сражайтесь!» Это несколько отличалось от обычного пожелания: «Идите и возвращайтесь».

Развертывание катеров

Развертывание подразделений «Мару-ни» и «Синьё» на Филиппинах началось перед высадкой американцев и продолжалось до октября 1944. Японцы имели на Филиппинах следующие силы:

Эскадры «Синьё» (ЭС) — 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13. Общая численность около 300 катеров «Тип 1», Коррехидор.

Передовые Ударные Соединения (ПУС) — 11, 12. Общая численность около 200 «Мару-ни», залив Лингаен.

ПУС 7, 9, 17. Общая численность около 300 «Мару-ни», залив Ламон, южный Лусон.

ПУС 14, 15, 16. Общая численность около 300 «Мару-ни», бухта Батангас, южный Лусон.

Таким образом, около 300 «Синьё» охраняли островную крепость Коррехидор на входе в Манильскую бухту, а около 800 армейских катеров были развернуты в наиболее вероятных местах высадки американцев. Кроме того, японцы имели 2 флотилии торпедных катеров, которые могли выполнять атаки любого вида.

25-я флотилия торпедных катеров — 10 единиц, остров Себу.

31-я флотилия торпедных катеров — 10 единиц, Манила.

Спешное развертывание первых подразделений взрывающихся катеров вызвало ряд проблем. 1 октября 1944 года ЭС 6, которую перевозили в Манилу 2 танкера, получила приказ быть готовой к бою через 2 недели. Ее пилоты не имели никаких тренировок. «Наши катера еще были упакованы в ящики прямо на заводах. Было крайне сомнительно, что мы сможем привести их в порядок к указанной дате даже при самой упорной работе. Только установка зарядов с помощью ручных лебедок требовала 10 дней», — писал командир эскадры. В ответ на его протесты ему выделили еще 100 человек, собранных с потопленных кораблей. «Все щеголяли в шортах и с белыми повязками на головах. Ни у кого никакого оружия. Они больше напоминали школьников, собравшихся на пикник».

Хотя ЭС 6 прибыла в Манилу благополучно, остальные подразделения понесли серьезные потери по пути на Филиппины. В сентябре японцы отправили туда более 1000 катеров. Несколько транспортов были потоплены. Ненадежные боеголовки катеров тоже послужили причиной нескольких происшествий. Загорались ненадежные моторы. Люди заболели тропическими болезнями. Самую большую опасность представляли воздушные атаки. Нужно было как-то спастись от них, пока американцы не начнут высадку. ЭС 6 была переведена со своей базы в Замбоанге, западный Минданао, в Сандакан на Северном Борнео. Создав базу на маленьком болотистом островке в бухте Сандакан, эскадра начала тренировки, хотя не имела никаких шансов на атаку. К августу 1945 года более 2/3 личного состава умерло от различных тропических болезней, усугубленных примитивными условиями жизни и полуголодным существованием.

Армейские подразделения «Мару-ни» столкнулись с теми же проблемами. ПУС 12 (иногда эти подразделения называли Морскими Диверсионными Батальонами) капитана Такахаси было сформировано в Этадзуме 1 октября 1944 года. Это соединение имело 100 катеров. Оно получило приказ отправляться на Филиппины уже через

2 дня. К 15 ноября оно создало базу чуть севернее Сан-Фернандо в заливе Лингаен, уже успев потерять несколько катеров во время тайфуна. Таким образом, тренировки можно было проводить лишь в зоне боев. В результате во время учений американские самолеты потопили еще несколько катеров.

26 декабря Такахаси получил из штаба 3-й дивизии приказ перевести базу ПУС 12 из Сан-Фернандо в Суан, юго-западная часть залива Лингаен. Так как имелся только 1 маленький транспорт, многим «Мару-ни» пришлось проделать 20-мильный переход своим ходом. 2 катера вместе с экипажами при этом затонули. Передислокация была завершена только 4 января 1945 года, всего за 2 дня до того, как в залив Лингаен вошла американская ОГ 77.2, чтобы обстрелять берег перед высадкой десанта. Хотя камикадзе и обычные бомбардировщики нанесли кораблям адмирала Олдендорфа серьезный урон, японские силы на берегу тоже тяжело пострадали. Во время обстрела 7 января погибли 9 пилотов ПУС 12. Еще больше погибло утром 9 января, когда началась высадка американцев. В этот же день штаб 3-й дивизии приказал ПУС 12 атаковать силы вторжения.

Катастрофа на Коррехидоре

Императорский Японский флот надеялся быть первым, кто проведет атаку взрывающихся катеров, но произошел достаточно типичный инцидент. 23 декабря 1944 года японского командира на Коррехидоре предупредили, что корабли союзников движутся вдоль берега на север с Миндоро. Эскадры «Синьё» за номерами 7—13, которые базировались на Коррехидоре под общим командованием капитан-лейтенанта Оямада, получили приказ приготовиться к атаке. В спешке мотор одного из катеров 9-й эскадры лейтенанта Накадзимы загорелся. Так как катера стояли борт к борту, огонь быстро охватил их всех.

Последовала серия взрывов боеголовок, которая уничтожила большую часть катеров вместе с пилотами. Атака сорвалась, не начавшись.

Частые возгорания моторов и отказы «Синьё» («Мару-ни» от подобных неисправностей страдали гораздо реже) служили источником постоянных неприятностей. Япония не смогла создать надежный катерный мотор. Автомобильные двигатели, использованные на «Синьё», для этого не подходили. Их приходилось переделывать. Хотя бензиновые моторы лучше смотрелись на маленьких быстрходных катерах, они были склонны к возгораниям и требовали более квалифицированного обслуживания. Так как время и возможности подготовки личного состава были ограничены, квалифицированных механиков тоже не хватало.

На Коррехидоре подразделения катеров подвергались постоянной опасности воздушной атаки. Поэтому катера укрывались в естественных пещерах или бункерах, сложенных из кусков коралла. Когда моторы запускались в таких маленьких помещениях, воздух был полон паров бензина. Любая искра могла вызвать катастрофу. Бывший командир эскадры «Синьё» вспоминал:

«Большая часть личного состава не имела никакого опыта до первого боевого выхода. Поэтому вполне понятно, что молодые неопытные моряки пренебрегали важными мерами безопасности, когда готовили катера в подобных условиях. Императорский Флот уделял мало внимания мерам пожарной безопасности. Средств тушения огня эскадры «Синьё» практически не имели».

Дата: 10 января 1945 года
Место: залив Лингаен, Лусон, Филиппины
Атака: катера «Мару-ни»
Цель: корабли союзников

На рассвете 9 января около 70000 американских солдат высадились в заливе Лингаен. Они почти не встрети-

ли сопротивления и легко создали плацдарм. Транспорты и их сопровождение, которым командовал вице-адмирал Уилкинсон, стояли недалеко от берега, готовые на следующий день возобновить высадку людей и техники, когда началась атака камикадзе. Однако самая большая опасность пришла с моря. Капитан Такахаси приготовился провести первую и самую опасную массированную атаку катеров-самоубийц.

Такахаси имел в своем распоряжении около 40 катеров ПУС 12. Большая их часть принадлежала 3-й роте лейтенанта Вомура. К нему присоединились около 50 катеров ПУС 11. Так как армейские подразделения «Мару-ни» обычно были крупнее флотских соединений «Синьё» — подразделение из 100 катеров имело до 200 пилотов и 600 техников, — достаточно обычными были случаи, когда катера шли в бой, имея на борту по 4 человека, вместо 1—2 положенных по штату. Не только лишние пилоты, но даже механики и техники требовали предоставить им возможность погибнуть со славой. По свидетельствам американских источников, экипажи катеров были вооружены личным оружием и гранатами. По тем же самым источникам, в бою приняли участие и мелкие торпедные катера. Однако большая часть японских катеров была обычными «Мару-ни», несущими 200-кг глубинную бомбу или 2 бомбы по 120 кг. На катерах стояли легкие пулеметы, а экипаж имел винтовки, пистолеты, гранаты и бутылки с горючей смесью.

Японские офицеры отрицают, что катера имели приспособления для жесткой установки руля, что позволяло экипажу покинуть катер, идущий боевым курсом.

«Императорская Верховная Ставка и штабы армии и флота хотели установить подобные приспособления на «Мару-ни» и «Синьё». Однако пилоты сами отказывались от этого, говоря, что это не требуется. Мне кажется, они руководствовались собственными понятиями о чести».

«Мару-ни» вышли из Суала в 5 милях северо-западнее плацдарма в заливе Лингаен 10 января в 3.00. Они подо-

шли к якорной стоянке американцев, приглушив моторы, чтобы обмануть корабли прикрытия и атаковать транспорты. Первую тревогу поднял эсминец «Филип» (капитан 2 ранга Дж.Б. Раттер), радар которого в 3.20 начал показывать какие-то странные блики. Ночь была слишком темной, однако с помощью осветительных снарядов были замечены маленькие катера. Пилоты «Мару-ни» бросились в атаку.

В 3.53 линкор «Колорадо» получил по УКВ сообщение от танко-десантного корабля LST-925 (1625 тонн): «Поврежден вражескими торпедными катерами... принимаю воду... вышлите спасательные шлюпки». По крайней мере 3 катера сбросили глубинные бомбы у борта LST-925. Он получил пробоину ниже ватерлинии, правая машина вышла из строя. Но эти 3 катера не таранили цель. Они выполнили атаку, как и предписывалось: подошли на скорости около 20 узлов с кормы и разделились. Один пошел вдоль правого борта, один — вдоль левого. Третий катер держался в 100 ярдах позади. Катера сбросили глубинные бомбы, взрыватели которых имели задержку 4 секунды, как можно ближе к самым уязвимым частям корабля — напротив труб или в районе винтов. После этого они резко отвернули и скрылись.

Однако большая часть «Мару-ни» просто шла на таран. В этом случае глубинная бомба взрывалась прямо у борта цели. Такая атака была выполнена против LST-1028. Бомба разорвала ему днище, и вода хлынула в машинное отделение. Стоявшие рядом с танко-десантными кораблями транспорт «Уор Хок» (6300 тонн) был протаранен 1 катером. Сообщив, что корабль «торпедирован», шкипер приказал команде покинуть его. Однако «Уор Хок», получивший пробоину диаметром 3,6 метра и потерявший 63 человека, уцелел.

Вскоре после 4.00 весь американский флот приготовился отражать атаку «торпедных катеров». Эсминец «Филип» с трудом избежал повреждений, когда «Мару-ни», бросившийся на таран, был уничтожен огнем 20-мм ав-

томата всего в 25 ярдах от борта. Маневрирование кораблей союзников было затруднено, так как на стоянке находилось слишком много единиц (при столкновениях пострадали 2 транспорта и 1 LST). Стрелять по противнику тоже приходилось осторожно, чтобы не поразить свои же корабли. Эсминцы «Робинсон» и «Лейтце» с 4.15 до 4.45 вели бой с 2 группами катеров. Они не могли развить скорость более 5 узлов, поэтому «Мару-ни» подходили так близко, что их экипажи могли использовать личное оружие. Атака была отбита, но «Робинсон» получил поверхностные повреждения, когда собственным огнем взорвал у себя под бортом «Мару-ни». К этому времени суматоха достигла предела. Была объявлена опасность атак сверхмалых подводных лодок, боевых пловцов, торпедных катеров, взрывающихся катеров и вообще всего.

Примерно в 5.00 уцелевшие «Мару-ни» отошли. Они понесли тяжелые потери, погибло около 45 катеров. ПУС 12 перестало существовать. Полагаясь на подсчитанные береговыми наблюдателями взрывы, японцы решили, что потоплены 20—30 американских кораблей. На самом деле, кроме уже упомянутых, были потоплены LCI(M)-974 и LCI(G)-365. Это были 250-тонные пехотно-десантные суда, переоборудованные для артиллерийской поддержки. Были серьезно повреждены LST-610 и LST-925. 7 транспортов получили небольшие повреждения. Результаты атаки оказались настолько серьезны, что командование американского флота поспешило перевести с юга Филиппин на север несколько флотилий торпедных катеров и значительно усилило прикрытие транспортов на стоянках вблизи плацдарма.

Поведение уцелевших пилотов

Поведение уцелевших пилотов, плававших в воде после гибели катеров, родило легенду о «пловцах-самоубийцах Лингаена». Якобы американские шлюпки с моряка-

ми, вооруженными ножами и винтовками, истребляли японцев, которые плыли с грузом взрывчатки на спине. Действительно, позднее японский флот создал подразделения водолазов-самоубийц и боевых пловцов, но в заливе Лингаен они не действовали. Но повинны в этом пилоты «Мару-ни». Когда эсминец «Белкнап» спустил шлюпку, чтобы спасти 2 японцев, державшихся за какой-то обломок, они швырнули гранаты в своих спасителей. Пришлось добить их из пулемета. Только «Белкнап» в это утро уничтожил при подобных обстоятельствах 11 японских моряков. То же самое происходило и на других кораблях.

Японцы сопротивлялись попыткам спасти их, предпочитая смерть плену. Самым наглядным примером стала стычка 22 февраля 1944 года возле Новой Ирландии. Японская плавмастерская «Нагаура», вооруженная всего 2 — 25 мм автоматами, дала бой 5 американским эсминцам ДЭМ 23 капитана 1 ранга Арли Э. Берка. Естественно, она была разнесена на куски 5" орудиями. В воде осталось около 150 японцев. Половина из них позволила себя спасти. Уже через день они встали на подачу снарядов при обстреле японских позиций! Зато часть оставшихся просто перерезала себе горло. Другие намеренно тонули. Кому-то приходилось нырять несколько раз, чтобы продемонстрировать торжество патриотизма над инстинктом самосохранения.

Аналогичную решимость покончить с собой продемонстрировали японцы в бою 26 марта 1945 года, когда 4 британских эсминца во главе с «Сомарецем» потопили 2 японских транспорта с помощью бомбардировщиков В-24. Транспорты сопровождали охотники за подводными лодками Сh-34 и Сh-63 водоизмещением 440 тонн. С 4 кораблей удалось подобрать только 53 человека. Из них один повесился на борту эсминца «Волейдж». Остальные просто отплывали подальше и тонули. Один японец подплыл к «Сомарецу», держа 25-мм снаряд. Уцепившись за спасательную сеть, он начал бить снарядом о борт эсминца в отчаянной попытке взорвать его.

Торпедные катера против взрывающихся катеров

Через 4 дня после атаки «Мару-ни» в заливе Лингаен на Лусон прибыла эскадра американских торпедных катеров. При поддержке авиации они превратились в главных противников взрывающихся катеров. Вместе с канонерками LCI торпедные катера занялись уничтожением нового противника, используя 40-мм, 37-мм и 20-мм автоматы, тяжелые пулеметы и ракетные установки, сколько их можно было впихнуть на катер, используя импровизированные лафеты. Но при этом кораблям «Кактусного флота» пришлось забыть о своем главном оружии — торпедах. Успехи американского флота в поиске и уничтожении скрытых баз взрывающихся катеров были обеспечены отличной работой службы дешифровки — «Ультра/Мэджик». Кроме того, на островке Гехх во время операции на Кваджеллейне в начале 1944 года было захвачено большое число секретных японских карт, показывающих якорные стоянки на всем Тихоокеанском театре.

С первых дней 1945 года было уже трудно говорить о каком-то организованном развертывании взрывающихся катеров. Под напором с моря и воздуха командиры подразделений были вынуждены проводить атаки где и когда выпадала возможность. Не считая 2 массированных атак, описанных ниже, это были рейды «бей-беги», проводимые небольшими группами катеров. Конструктивные и прочие недостатки мешали этим катерам проводить атаки где-либо, кроме прибрежных вод. Японцы могли надеяться спрятать катера где-то под берегом или укрыть их на берегу на тележках, которые по рельсам скатывались прямо в воду. Катера должны были находиться в месте предполагаемой высадки союзников. Если бы взрывающиеся катера действительно были «скоростными судами», как того хотели их создатели, они могли добиться успеха. Но в действительности они оказались тихоходнее большинства эскортных кораблей американцев.

В мае 1945 американский флот выпустил конфиденциальный бюллетень 126-45, в котором описывалось японское самоубийственное орудие и указывались способы борьбы с катерами.

«Вблизи от вражеского побережья следует ожидать атак малых катеров, прячущихся в укрытиях. Большинство атак проводится ночью с 24.00 до 4.00. Опыт показывает, что следует держать полную вахту наблюдателей, прожектористов и расчеты при автоматических орудиях. Ограниченные углы наводки и снижения большинства стволов делают необходимым раздачу личного оружия вахте для обстрела приближающихся малых катеров. Однако при подготовке личного состава следует обратить особое внимание на соблюдение мер предосторожности, чтобы не освещать и не обстреливать свои же корабли.

Опыт боев показывает, что катера-самоубийцы редко обнаруживаются радаром из-за очень малых размеров. В нескольких случаях удавалось засечь их приближение гидрофонами. Сочетание малого блика на экране радара и шума скоростных винтов указывает на приближение таких катеров».

Однако самой лучшей мерой предосторожности явились активные дневные поиски торпедных катеров и самолетов, которые уничтожали японские катера прямо на их базах. Типичный бой произошел в заливе Лингаен 29—31 января 1945 года.

29 января 10 катеров «Мару-ни» на побережье возле Сан-Фернандо были уничтожены артогнем РТ-523 и РТ-524, которых прикрывали самолеты 85-го истребительного командования. Далее на юг 4 американских катера совершили набег на базу японских катеров в бухте Батангас, о которой сообщили филиппинские партизаны. Теперь около 25 американских торпедных катеров капитан-лейтенанта Н. Берта Дэвиса базировались около мыса Каминанит, северный Миндоро. При поддержке 2 истребителей Р-38 «Лайтнинг» и 2 бомбардировщиков В-25 «Митчелл», которые подавили береговые батареи, торпедные

катера более часа обстреливали берег, уничтожив несколько «Мару-ни».

На следующий день капитан-лейтенант Дэвис взял 2 катера и под прикрытием самолетов направился в бухту Батангас. Высаженная на берег десантная партия обнаружила совершенно целый «Мару-ни», который попытались отбуксировать на мыс Каминавит. Однако на обратном пути катера Дэвиса были атакованы своими же самолетами, которые потопили трофей. База японских катеров в Сан-Фернандо была снова обстреляна 31 января. 2 торпедных катера при поддержке «Лайтнингов» уничтожили 5 катеров и много других мелких судов.

Дата: 31 января — 1 февраля 1945 года
Место: Насугбу, южный Лусон
Атака: катера «Синьё»
Цель: американские десантные корабли

31 января 1945 года две полковые боевые команды 11-й воздушно-десантной дивизии армии США высадились в Насугбу, немного южнее Манильской бухты, сломив слабое сопротивление японцев. Так как берег в районе высадки был достаточно крутым, нескольким танко-десантным и пехотно-десантным кораблям пришлось дожидаться своей очереди. Они сумели подойти к берегу только с вечерним приливом в 24.00. Было известно, что в этом районе находятся японские катера, поэтому были приняты меры для охраны транспортов. 3 эсминца и флагманский корабль десантных сил «Спенсер» (контр-адмирал Уильям М. Фечтелер) патрулировали мористее. На 5-мильной дуге вокруг плацдарма были развернуты: эскортный миноносец «Ричард У. Суесенс» и охотник РС-623 на севере, миноносец «Тинсман» в центре, миноносец «Лоу» и охотник РС-1129 на юге. Внутри этой завесы, ближе к транспортам, держались эсминцы «Флассер» и «Клакстон».

Море было спокойным и на безоблачном небе светила полная луна, что делало операции взрывающихся ка-

теров опасными. Тем не менее, эскадра «Синьё», находившаяся на недавно созданной базе в Балаяне, примерно в 25 милях северо-западнее Насугбу, получила приказ выходить в море.

Примерно в 22.35 РС-1129 заметил атакующих и передал по радио общее предупреждение. Капитан-лейтенант Блэйни К. Тэрнер на «Лоу» немедленно приказал экипажу занять боевые посты и ринулся в бой. Вскоре он заметил более 20 катеров, шедших кильватерной колонной. «Лоу» вышел в голову колонны, но прежде чем он успел открыть огонь, множество катеров набросилось на РС-1129. Охотник отстреливался из всех орудий. Он разнес 2 «Синьё» на куски, но третий протаранил его. Взрыв сделал пробоину диаметром около 2 метров в средней части корпуса охотника. Тот перевернулся и затонул.

Тем временем «Лоу» разогнал остальные «Синьё» продольным огнем 40-мм автоматов. Катера оставили попытки прорыва к транспортам, разделились на несколько групп и попытались атаковать «Лоу», «Тинсман» и «Клакстон». Последний использовал осветительные снаряды, но только сделал из себя мишень для новой атаки. Невидимый противник выпустил торпеду. В рапорте «Лоу» говорится, что это сделала сверхмалая лодка, но более вероятно, что торпеда принадлежала одному из торпедных катеров японской 31-й флотилии, базирующейся в Маниле. В любом случае, торпеда прошла мимо. «Синьё» понесли тяжелые потери и отошли. Один только «Лоу» заявил об уничтожении 6 катеров. Японцы заявили, что потопили и повредили 8 кораблей. На самом деле единственной жертвой стал РС-1129, на котором погиб только 1 человек. 2 японских катера, оставшиеся на месте боя, были утром потоплены патрульными самолетами.

Следующей ночью американские корабли в этом районе находились в повышенной готовности. Адмирал Фечтелер запросил у капитан-лейтенанта Дэвиса помощи.

Тот прислал РТ-77 и РТ-79, которые патрулировали у мыса Талин в 6 милях южнее Насугбу. Торпедные катера

получили приказ не заходить слишком далеко на север, так как корабли Фечтелера имели приказ обстреливать все, что движется. Катера приказ выполнили, однако все равно были замечены эсминцами «Лоу» и «Конингхэм», которые за ними погнались. Судя по всему, катера не успели вовремя показать опознавательные, так как эсминцы их обстреляли с дистанции 1200 ярдов. Зная, что его атакуют американские корабли, лейтенант Джон Г. Стилмэн повернул РТ-77 к эсминцам, передавая прожектором сигнал: «РТ... РТ... РТ...» Это лишь убедило командиров эсминцев, что перед ними японцы. Оба катера были потоплены орудиями эсминцев. Как заметил один американский историк, японские катера-самоубийцы одержали победу, оплатив американцам за все.

Американский флот смог заявить, что «очистил» залив Лингаен к 11 февраля. Численность взрывающихся катеров резко упала. Часть личного состава была переведена в пехоту. С конца января катера-самоубийцы начали нести потери от действий базирующихся на Лусоне пикировщиков морской пехоты SBD «Доунтлесс». Особенно тяжелые потери они понесли, когда 10 февраля начались обстрелы Коррехидора. Ночью 10—11 февраля несколько «Синьё» попытались атаковать соединение обстрела, но в результате лишь сами погибли. К середине февраля в строю осталось не более 60 катеров, базирующихся на Коррехидоре, которыми командовал капитан-лейтенант Оямада. Однако в ходе подготовки к захвату островной крепости американцы дали катерам шанс произвести последнюю массированную атаку.

Дата: 15—16 февраля 1945 года
Место: Маривелес, пролив Коррехидор, Лусон
Атака: катера «Синьё»
Цель: американские десантные суда

15 февраля Десантная Группа 9 контр-адмирала А.У. Страбла высадила около 4300 американских солдат в

Маривелесе на северном берегу пролива Коррехидор. Как и в Насугбу, крутой пляж и сильный прибой замедлили разгрузку, и к наступлению ночи 5 LST все еще ожидали прилива, чтобы разгрузиться. Контр-адмирал Р.С. Берки совсем не желал подвергать опасности свои крейсера и эсминцы в маленькой гавани Маривелеса. Его корабли отошли, оставив охранять плацдарм и танко-десантные корабли 5 LCI — маленькие десантные баржи, каждая из которых была вооружена по крайней мере 6 — 40-мм автоматами и 10 пусковыми установками.

Оямада приказал всем исправным «Синьё», находившимся на Коррехидоре, атаковать эту заманчивую цель, которая находилась менее чем в 5 милях от баз. После наступления ночи около 50 катеров были выкачены на тележках из укрытий к воде. 5 LCI(L), патрулировавшие на входе в гавань Маривелес, установили радиолокационный и визуальный контакт с атакующими примерно в 3.15. На сей раз «Синьё» оказались слишком близко. Хотя они не смогли прорваться через патрульную завесу, корабли охранения были просто задавлены численностью. Первым открыл огонь LCI(L)-27. Его артиллеристы заявили, что уничтожили 5 «Синьё» до того, как шестой взорвался у самого борта и тяжело повредил баржу. Капитану пришлось выбросить ее на берег. LCI(L)-7, LCI(L)-26 и LCI(L)-49 тоже были потоплены. Однако в этой жестокой схватке погибло столько «Синьё», что они не смогли прорваться к транспортам.

Японские артиллеристы в Маривелесе передали на Коррехидор: «Синьё» потопили 1 крейсер, 1 эсминец и 2 транспорта». Из пилотов некто не уцелел, чтобы подтвердить это. На базу не вернулся ни один катер. Эсминцы «Конингхэм», «Николас» и «Янг» на рассвете перехватили несколько катеров. Уцелевший персонал эскадр был переведен в пехоту и сражался рядом с солдатами до последнего, после того как 16 февраля 1945 года американцы высадили на Коррехидоре морской и воздушный десанты.

Взрывающиеся катера на Иводзиме и Окинаве

Ни «Синьё», ни «Мару-ни» не сыграли значительной роли в обороне Иводзимы. 3-я и 4-я эскадры «Синьё» были переброшены из Хасирадзимы на Иводзиму незадолго до высадки американцев. Однако 16—19 февраля тяжелые орудия ОС 54 контр-адмирала Бертрама С. Роджерса под прикрытием самолетов с 10 эскортных авианосцев ОГ 52.2 контр-адмирала К.Т. Дэрджина подвергли Иводзиму сильнейшему обстрелу. Гарнизон генерал-лейтенанта Курибаяси Тадамити смог пересидеть стальной шторм без больших потерь в лабиринте пещер и бункеров. Однако на вулканическом острове было слишком мало мест, пригодных для высадки десанта, и находившиеся там катера были уничтожены.

В конце марта 1945 года 32-я Армия генерал-лейтенанта Усидзима Мицуру приготовилась сражаться до последнего человека, чтобы защитить центральные Рюкю — Окинаву и соседние острова. Из 100000 человек, находившихся под командой Усидзимы, 9000 составляли моряки контр-адмирала Ота Минору. Соединение специальных атак состояло из эскадры № 2 «Драконов» — 7 сверхмалых лодок, базирующихся в Унтене на восточной стороне полуострова Мотобу, северо-запад Окинавы, — и 22-й и 42-й эскадр «Синьё».

Обе эскадры катеров сильно пострадали в ходе обстрелов острова. 22-я эскадра, сформированная в декабре 1944 года, прибыла на Окинаву 15 января. Она успела подготовить удовлетворительную базу для своих 45 катеров возле Тинена на юго-востоке Окинавы. Однако 14 марта, когда эскадра проводила учения, внезапный налет бомбардировщиков В-24 привел к гибели 15 пилотов и уничтожению нескольких катеров. 42-я эскадра покинула Японию гораздо позднее. Транспорт, перевозившие ее, попали под удары авиации, поэтому на базу в Ионабару, южнее Накагусуку Ван (юго-восток Окинавы) 1 марта прибыли только 17 катеров.

Армия тоже направила на Окинаву свои катера. ПУС 1, 2, 3, 4, 26, 27, 28, 29 были развернуты в этом районе. Их численность составляла около 720 катеров. Около 300 катеров базировались на Керама Ретто, цепочку маленьких островков в 15 милях западнее Окинавы. Остальные в основном базировались на полуострове Мотобу и в районе устья Биша Гава. Японцы совершенно правильно предположили, что именно там будет высажен десант.

Очистка Керама Ретто

Командующий Объединенным Экспедиционным Соединением вице-адмирал Ричмонд К. Тэрнер превосходно понимал важность Керама Ретто для захвата Окинавы и решил оккупировать эти острова в ходе подготовки к D-дню 1 апреля. Там предполагалось создать передовую базу. Японский гарнизон был слабым, не более 1000 человек. Однако несчастное совпадение обстоятельств привело к тому, что 77-я пехотная дивизия высадилась на островах 26 апреля, как раз когда командующий соединением «Мару-ни» капитан Омати и многие из его пилотов проводили учения на самой Окинаве. Таким образом, катера просто не смогли провести массированную атаку. В море вышли не более 10 «Мару-ни», и успеха они не добились.

31 марта американцы захватили важную базу, потеряв 31 убитого и 81 раненого. Силы вторжения оказались в относительной безопасности, так как погибло все соединение «Мару-ни», базирующееся на Керама Ретто. Примерно 250 катеров были обнаружены в различных убежищах и на стоянках. Часть катеров успели подорвать сами японцы. По сообщениям армейских офицеров, катера «были оснащены 6-цилиндровыми автомобильными двигателями Шевроле». Более поздние американские рапорты сообщали, что все «Мару-ни», захваченные на Керама Ретто, были одноместными катерами, развиваю-

щими не более 6,5 узлов. Они несли заряды с контактными и часовыми взрывателями. Захваченные карты и оперативные приказы не только дали детальную информацию о развертывании катеров на Окинаве, но также дали представление о тактике катеров-самоубийц.

Несколько катеров на Керама Ретто все-таки уцелели и попытались атаковать. Ночью 28 марта один из катеров, скрывавшихся на острове Хокадзи Сима, провел хорошо спланированную атаку сетевого заградителя «Теребинт», который стоял на якоре. «Мару-ни» появился прямо с носа, поэтому орудия заградителя не смогли стрелять. Им помешало устройство для постановки сетей. Пришлось вести огонь из легких пулеметов. «Мару-ни» резко повернул вправо и сбросил глубинную бомбу в 50 фт от корабля. Взрыв не причинил «Теребинту» никаких повреждений. Похоже, пилот просто струсил. Он мог свободно протаранить заградитель. В ту же самую ночь 3 катера попытались прорваться через пролив между Токасаки Сима и Окинавой, но были перехвачены и потоплены канонерками LCI. Еще 3 катера попытались на рассвете атаковать LSM(R)-189, но были уничтожены его огнем.

Последняя атака катеров с Керама Ретто была выполнена днем 29 марта. Эсминец-транспорт «Банч» в сопровождении нескольких эсминцев должен был доставить команду водолазов-подрывников в устье Биша Гава, чтобы уничтожить заграждения, которые японцы соорудили там. 2 катера внезапно появились со стороны моря, возможно, с Кейсе Ретто, но были уничтожены американскими орудиями. То же самое произошло и с третьим катером, который появился из устья реки.

Атаки катеров с Окинавы

Взрывающиеся катера сыграли достаточно малую роль в долгой и упорной борьбе за Окинаву. Тем не менее,

катера-самоубийцы добились некоторых успехов и серьезно повлияли на боевой дух союзников.

Во время обстрела Окинавы с кораблей перед самой высадкой 25—31 марта базы катеров стояли среди целей второй очереди, после аэродромов. Район Биша Гава, где базировалось много катеров, 28 марта подвергся мощному воздушному налету с использованием напалма. 29 марта получили свою дозу миджеты и «Синьё» в Унтене. В этот день тяжело пострадала 22-я флотилия катеров. После наступления темноты в море вышли 15 катеров. Они не нашли противника и к рассвету начали возвращаться, однако были перехвачены американскими самолетами и потоплены. Группа катеров 22-й флотилии была выслежена самолетами, которые нашли их базу в Тинене. Потом она подверглась сильной бомбардировке. К 31 декабря в составе 2 флотилий осталось не более 20 исправных катеров.

«Мару-ни» в Буси Гава тоже понесли тяжелые потери при воздушном налете. Однако уцелело вполне достаточно, чтобы провести массированную атаку ночью 31 марта. Она была нацелена на десантную армаду союзников, движущуюся к пляжам Хагуси. Вышло около 50 «Мару-ни». Однако шум моторов выдал их, так же, как фосфоресцирующая кильватерная струя. Они попали под обстрел еще вдалеке от уязвимых транспортов. Но по крайней мере треть катеров прорвалась сквозь стену огня. Получил попадание LSM-12. Имея большую пробоину в средней части, десантный корабль в конце концов 4 апреля выбросился на берег.

1 апреля американские войска высадились на западном побережье острова. После этого «Синьё», базирующиеся на восточном берегу, нанесли свой последний удар. Лейтенант Имото, командовавший 42-й флотилией, играл на бамбуковой флейте, выводя в атаку 2 последних катера. Больше этих катеров никто не видел, хотя японские наблюдатели сообщили о «большом столбе пламени в Накагусуку Ван».

А скоро пришел конец и 22-й флотилии. К 3 апреля американские войска начали угрожать базе Тинен, и штаб адмирала Ота приказал всем уцелевшим «Синьё» атаковать. 22-я флотилия имела всего 14 катеров. Однако много тележек было уничтожено во время воздушных налетов, и на воду удалось спустить только 4 катера. Ночью 3—4 апреля в каждом катере заняли места по 2 человека. «Безлошадные» пилоты настояли на чести тоже пойти в атаку. Эти 4 суденышка, которыми командовал лейтенант Тоёхиро, пошли на юг. Недалеко от Тинена они заметили 2 LCI и разделились на пары, по одной на каждый вражеский корабль. Хотя LCI(L) делали не более 14 узлов, моторы «Синьё» были еще хуже. Одна пара катеров промахнулась, пройдя за кормой канонерок. Однако катеру унтер-офицеров Исикавы и Судзуки повезло. Он протаранил и потопил LCI(G)-82. Из 65 человек экипажа канонерки погибли 8 и были ранены 11 человек.

Успешные атаки «Мару-ни»

Хотя канонерки LCI заявили, что уничтожили 71 катер за первую неделю апреля, и американские войска захватили их базы, армейские «Мару-ни» еще сохранили кое-какие возможности. ПУС 26 имело хорошо укрытую базу в Нахе на юго-восточном побережье чуть севернее полуострова Ороку и всего в 10 милях южнее района Хагуси. 9 апреля в 3.00 группа «Мару-ни» с этой базы атаковала транспорты и корабли прикрытия на участке «Браун». Подойдя в темноте, «Мару-ни» разделились на 2 группы, которые атаковали штурмовые транспорты и корабли прикрытия соответственно.

В 4.00 эсминец «Чарльз Дж. Бэджер» (капитан-лейтенант Дж.Г. Коттен) двигался вдоль берега и подвергся хрестоматийной атаке «Мару-ни». Выскочив из темноты, катер сбросил глубинную бомбу и скрылся раньше, чем «Бэджер» смог открыть огонь. Взрыв разворотил

правый борт эсминца, в кормовое машинное отделение хлынула вода. Хотя жертв не было, эсминец удержался на плаву с большим трудом. Его отбуксировали на Керамо Ретто, и больше он не принимал участия в военных действиях.

Сосредоточенный огонь эсминца «Парди» отогнал другой катер, который сбросил свою бомбу слишком далеко. Грузовое судно «Старр» (6318 тонн) спаслось только чудом. Шедший на таран «Мару-ни» врезался в средний десантный корабль LSM-89, стоявший у борта транспорта, причинив лишь небольшие повреждения. Эсминец «Портерфилд» также был поврежден, но лишь огнем собственных кораблей. Даже после того, как катера были перетоплены или отошли, приходилось расстреливать плавающих японцев, вооруженных ручными гранатами.

Весь остаток апреля «Мару-ни» ограничивались одиночными выходами. 15 апреля был поврежден моторный тральщик YMS-331. 27 апреля одиночный катер нанес американцам серьезный удар. Эсминец «Хатчинс» буквально выкинуло из воды силой взрыва, когда в него врезался самоубийца. Левая машина и винт были разрушены, было ранено 18 человек. Эсминец до конца войны вышел из строя. Через 2 дня была протаранена канонерка LCS(L)-37. Было ранено только 4 моряка, но судно пришлось списать.

Последняя крупная операция катеров-самоубийц на Окинаве была проведена 3—4 мая. Несколько уцелевших катеров приняли участие в десантной фазе японского контрнаступления. Одни служили транспортами и связными катерами, другие провели атаки, согласованные по времени с налетом камикадзэ и атаками сухопутных сил. (Флот отправил на Окинаву несколько флотилий «Синьё» с Формозы, Исигаки-Сима и Амами-О-Сима, но катера не прибыли, так как транспорты по дороге были уничтожены американской авиацией.) Погибли около 15 «Мару-ни», которые серьезно повредили грузовое судно «Кари-на» (4380 тонн).

Самоубийство адмирала Ота

К середине мая катера на Окинаве полностью потеряли свое значение и силу. Уцелевший личный состав сражался в качестве пехоты, удерживая полуостров Ороку рядом с Нахой. До середины июня моряки оказывали ожесточенное сопротивление 6-й дивизии морской пехоты.

6 июня контр-адмирал Ота отправил в Токио радиogramму, восхваляя мужество моряков и «принося глубочайшие извинения императору за свою неспособность более эффективно вести оборону Империи». В своем последнем сообщении генералу Усидзиме от 10 июля адмирал передал: «Базовое Соединение ВМФ погибает со славой». Когда 15 июня морские пехотинцы ворвались в штаб Ота, они нашли тела адмирала и 5 штабных офицеров. Все они перерезали себе горло. Кроме них, ритуальное самоубийство совершили еще около 200 моряков.

Эскадры «Синьё» — последняя трагедия

Эскадры взрывающихся катеров «Синьё» стали участниками двух трагических инцидентов после капитуляции Японии. 16 августа на базе ЭС 128 на юге Сикоку пролетел слух, что эскадра союзников приближается к Тоса Ван, очевидно, намереваясь высадить десант, несмотря на решение о капитуляции. В страшной спешке катера были подготовлены к выходу, но загорелся мотор одного из них. Начался сильный пожар, взорвались несколько боеголовок, и погибли 111 человек личного состава ЭС 128.

Точно так же командование союзников опасалось, что фанатики из сил специального назначения не будут соблюдать прекращение огня. Это привело к кровопролитию в Гонконге, когда 29 августа туда прибыла британская ОГ 111.2 контр-адмирала К.Г.Дж. Харкурта. Харкурт был предупрежден, что на острове Ламма находится база «Синьё». Когда 30 августа в 12.00 его мощная эскадра дви-

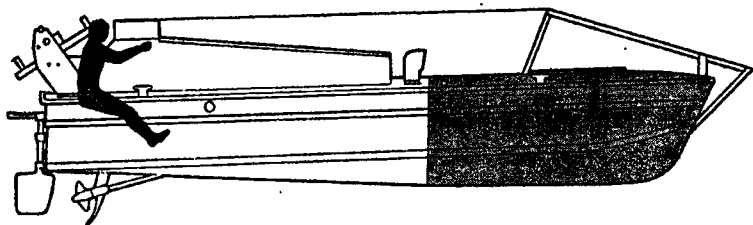
галась по фарватеру в направлении к военно-морской базе, команды кораблей находились на боевых постах.

Когда подошли корабли союзников, энсайн Авамура из ЭС 35 пошел через фарватер с приказом штабу ВМФ. «Все боеголовки с катеров были сняты, и союзники знали это. «Синьё» был послан по ошибке, только потому, что под рукой не оказалось других катеров». Однако англичане немедленно подняли самолеты с авианосцев «Индомитебл» и «Венерэбл». По мнению британского историка, «3 катера-самоубийцы покинули стоянку». «Хеллкэты» и «Авенджеры» обрушились на беззащитных японцев, бомбя и обстреливая катера. Погибло много японских моряков.

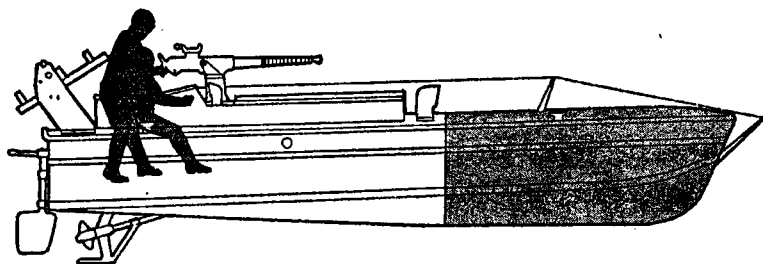
Японские взрывающиеся катера

Тип	"Сивэ" Тип 1 (Флот)	"Сивэ" Тип 1 под 1 (Флот)	"Сивэ" Тип 1 под 4 (Флот)	"Сивэ" Тип 5 (Флот)	"Мару-но" Тип N-1 (Армия)	"К-Гага-Тей" Тип К (Армия)
Корпус	Стальной или деревянный	Деревянный	Деревянный	Деревянный	Деревянный	Деревянный
Водоёмкость	1,35 т	1,35 т	1,4 т	2,15 т	1,6 т	1,2 т
Длина	6 м	5,1 м	5,4 м	6,5 м	5,6 м	5,5 м
Шерпа	1,67 м	1,67 м	1,67 м	1,86 м	1,7 м	1,6 м
Осадка	0,8 м	0,8 м	0,8 м	0,8 м	0,6 м	0,6 м
Машины	1 автомобильный мотор 67 ЛС = 26 узл	1 автомобильный мотор 67 ЛС = 26 узл	1 автомобильный мотор 62 ЛС = 20 узл	2 автомобильных мотора 134 ЛС = 28 узл	1 автомобильный мотор 80 ЛС = 25 узл	1 автомобильный мотор 80 ЛС = 30 узл
Радиус действия	105 миль @ 26 узл 125 миль @ 18 узл	105 миль @ 26 узл 125 миль @ 18 узл	125 миль @ 20 узл 130 миль @ 12 узл	115 миль @ 28 узл 125 миль @ 18 узл	не известен	не известен
Вооружение	2 - 120-мм ракетные установки по 2 снаряда (на некоторых катерах)	2 - 120-мм ракетные установки по 2 снаряда (на всех катерах)	2 - 120-мм ракетные установки по 2 снаряда, 1 - 13,2 мм пул. (на некоторых катерах)	2 - 120-мм ракетные установки по 2 снаряда, 1 - 13,2 мм пул. (на всех катерах)	личное оружие экипажа	личное оружие экипажа
Заряд	Носовой заряд 250 или 300 кг	Носовой заряд 250 кг	Носовой заряд 250 кг	Носовой заряд 250 кг	1 - 200 кг глубинная бомба на корме	1 - 200 кг глубинная бомба на корме
Экипаж	1	1	1 или 2	2	1 или 2	1 или 2

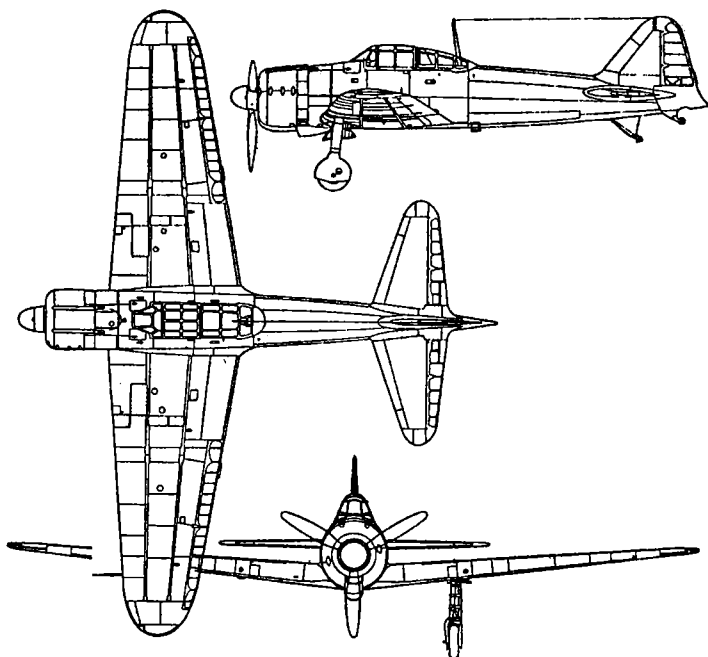

Японский катер Тип 1/mod 4 «Синьё»

Японский катер Тип 5 «Синьё»

Приложение 3

**Истребитель Мицубиси А6М2 Модель 21
«Рейсэн» (Истребитель тип 0);
Авианосный истребитель флота Тип 0; «Зики»**

Моторы: 1 × Накадзима NK1С «Сакаэ 12», 950 ЛС

Размеры: 12 × 9,06 × 3,05 м

Скорость: 533 км/час

Потолок: 10000 м

Дальность полета: 3100 км

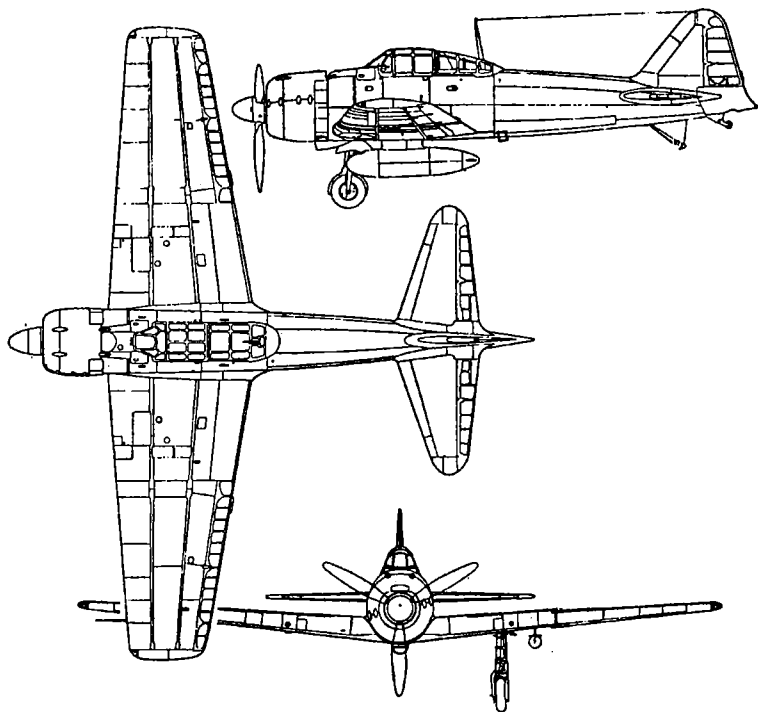
Вес: 1680 кг (пустой), 2410 кг (взлетный)

Вооружение: 2 — 20-мм пушки, 2 — 7,7-мм пул., 2 — 60-кг бомбы.

В качестве камикадзэ 1 — 250-кг бомба

Экипаж: 1 чел.

Построено 10449 штук всех моделей

**Истребитель Мицубиси А6М3 Модель 32;
Авианосный истребитель флота Тип 0; «Хэп», «Хэмп»**

Моторы: 1 × Накадзима NK1F «Сакаэ 21», 1130 ЛС

Размеры: 11 × 9,06 × 3,509 м

Скорость: 545 км/час

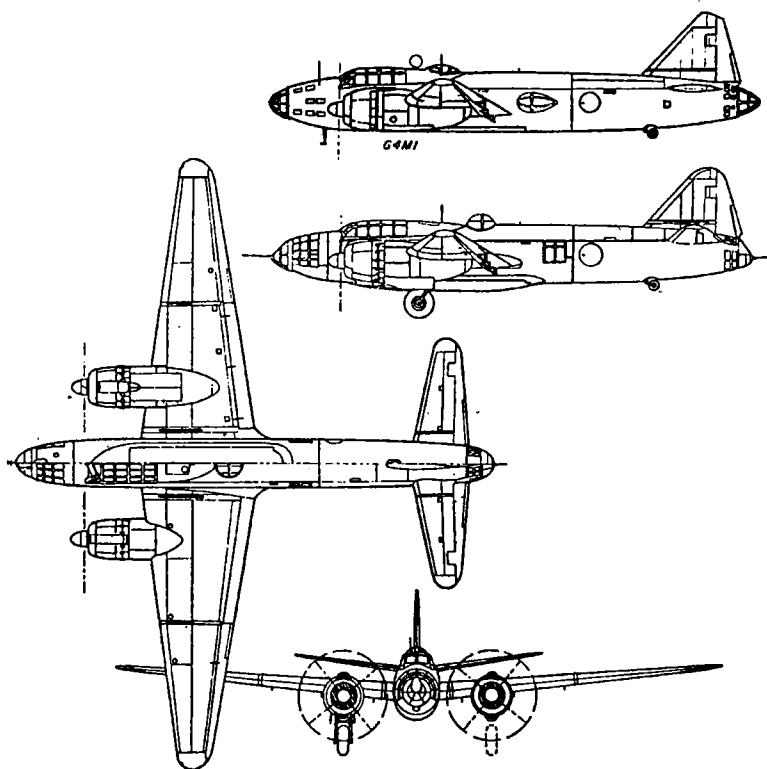
Потолок: 11050 м

Дальность полета: 2380 км

Вес: 1807 кг (пустой), 2544 кг (взлетный)

Вооружение: то же

Экипаж: 1 чел.

**Бомбардировщик Мицубиси G4M3;
Ударный бомбардировщик флота Тип 1; «Бетти»**

Моторы: 2 × Мицубиси МК4Т-В «Кайсэй 21b», 1825 ЛС

Размеры: 25 × 19,5 × 6 м

Скорость: 470 км/час

Потолок: 9220 м

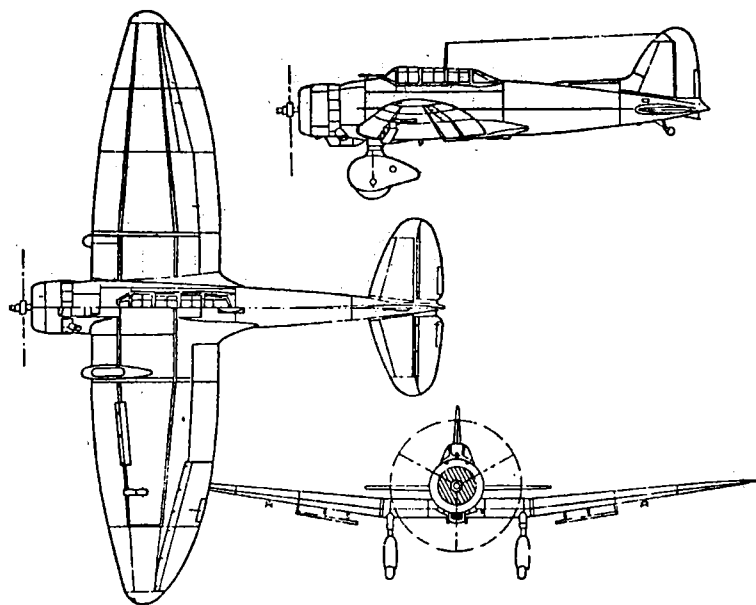
Дальность полета: 4330 км

Вес: 8350 кг (пустой), 12500 кг (взлетный)

Вооружение: 4 — 20-мм пушки, 2 — 7,7-мм пул., 1 тор-
педа или 1000 кг бомб

Экипаж: 7 чел.

Построено 2446 штук

**Пикирующий бомбардировщик Аичи Д3А1;
Авианосный бомбардировщик флота Тип 99; «Вэл»**

Моторы: 1 × Мицубиси «Кинсей 44», 1080 ЛС

Размеры: 14,365 × 10,195 × 3,847 м

Скорость: 387 км/час

Потолок: 9300 м

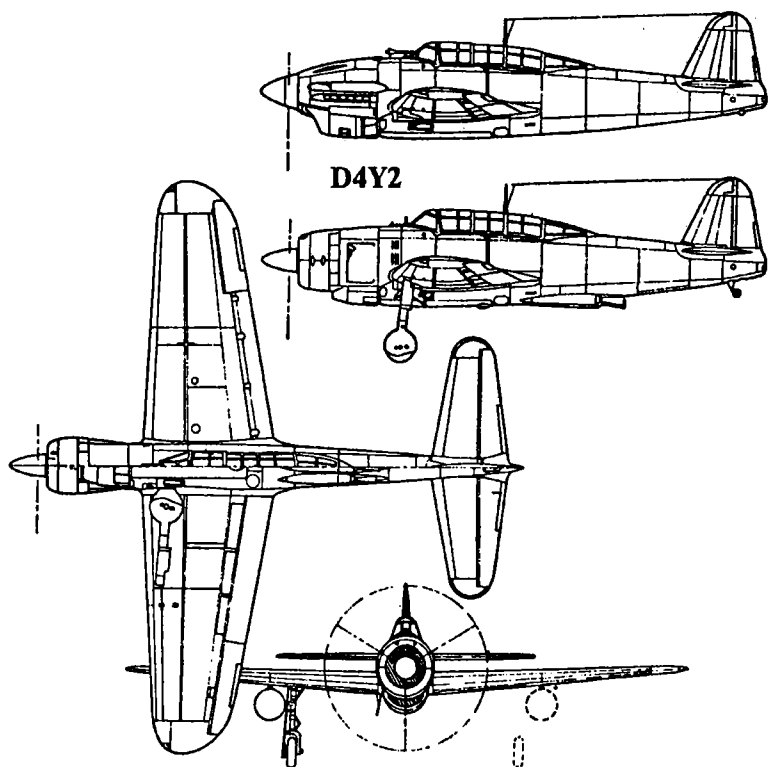
Дальность полета: 1470 км

Вес: 2408 кг (пустой), 3650 кг (взлетный)

Вооружение: 3 — 7,7 мм, 1 — 250-кг бомба на центральной подвеске, 2 — 60-кг бомбы под крыльями

Экипаж: 2 чел.

Построено 1495 штук

**Пикирующий бомбардировщик Йокосука D4Y3
«Сюэй» (Комета);
Авианосный бомбардировщик флота «Сюэй»; «Джуди»**

Моторы: 1 × Мицубиси МК8Р «Кисэй 62», 1560 ЛС

Размеры: 11,5 × 10,22 × 3,74 м

Скорость: 574 км/час

Потолок: 10500 м

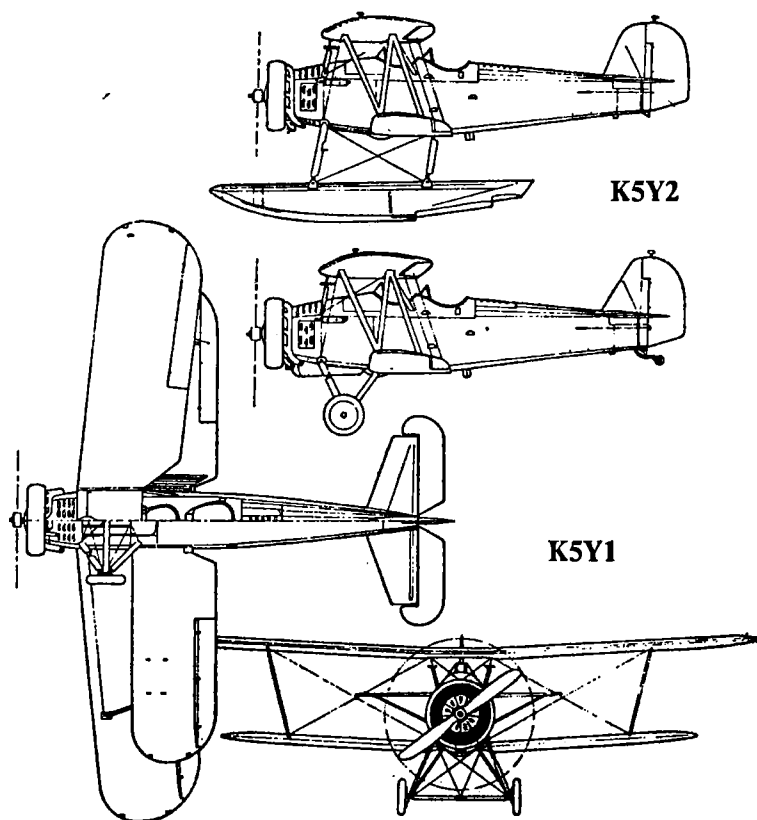
Дальность полета: 2890 км

Вес: 2501 кг (пустой), 3754 кг (взлетный)

Вооружение: 3 — 7,7-мм пул., 560 кг бомб

Экипаж: 2 чел.

Построено 2038 штук

**Учебный гидросамолет Йокосука K5Y2;
Самолет промежуточной подготовки Тип 93; «Уиллоу»**

Моторы: 1 × Хитачи «Амакадзэ 11», 340 ЛС

Размеры: 11 × 8,78 × 3,68 м

Скорость: 200 км/час

Потолок: 4330 м

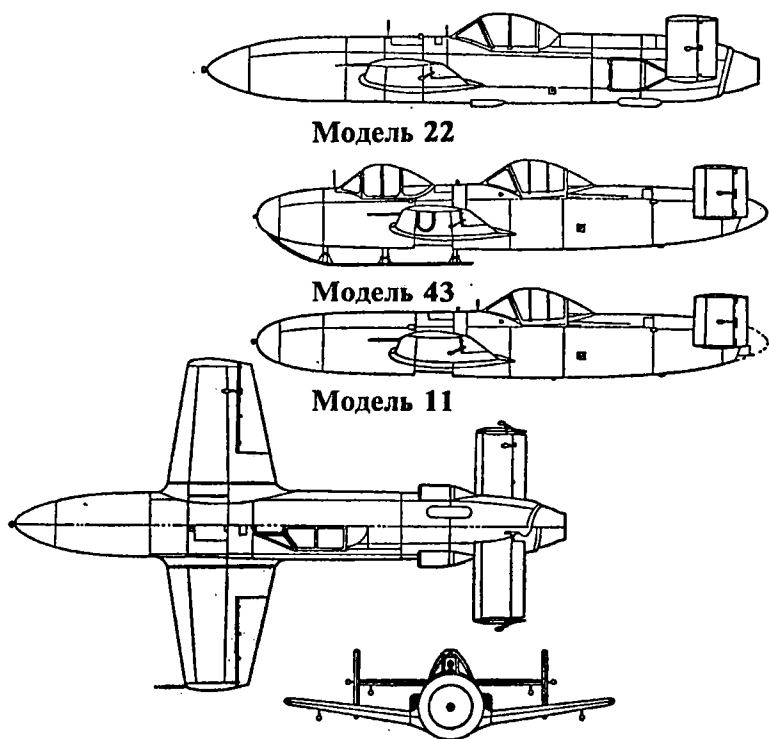
Дальность полета: 700 км

Вес: 1150 кг (пустой), 1650 кг (взлетный)

Вооружение: 2 — 7,7-мм пул.

Экипаж: 2 чел.

Построено 5770 штук

**Пилотируемая бомба Йокосука МХУ7 «Ока 22»
(Цветок вишни);
Снаряд специальных атак флота; «Бака»**

Моторы: 1 × турбореактивный двигатель Tsu-11 тягой 200 кг

Размеры: 4,12 × 6,88 × 1,15 м

Скорость: 444 км/час, скорость пикирования до 900 км/час

Дальность полета: 130 км

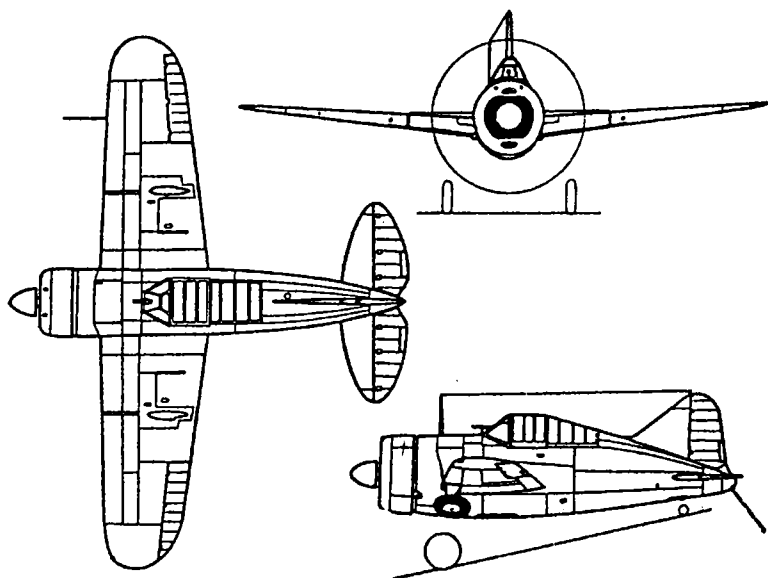
Вес: 500 кг (пустой), 1450 кг (взлетный)

Вооружение: боеголовка 600 кг

Экипаж: 1 чел.

Построено 852 штуки всех моделей

F2A «Буффало»

Размах крыла: 10,67 м

Длина: 7,83 м

Высота: 3,66 м

Двигатель: Wright R-1820-40 Cyclone, 1200 ЛС

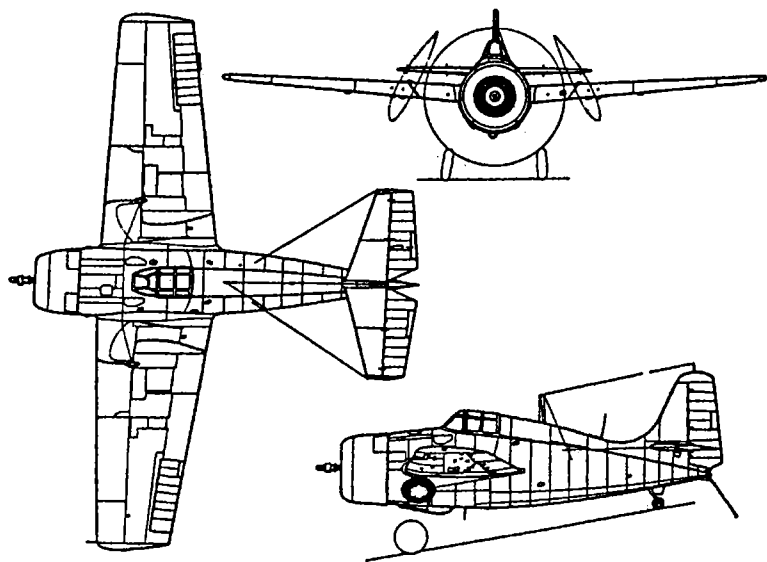
Взлетный вес: 3103 кг

Максимальная скорость: 542 км/час

Потолок: 9350 м

Дальность: 1550 км

Вооружение: 4 — 12,7-мм пул.

F4F-4 «Уайлдкэт»

Размах крыла: 11,59 м

Длина: 8,81 м

Высота: 2,8 м

Двигатель: Pratt Whitney R-1830-36 Twin Wasp, 1200 ЛС

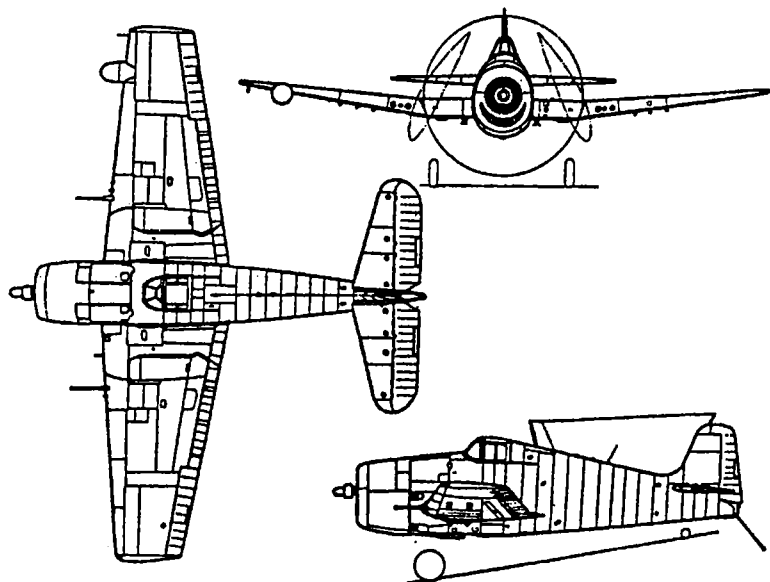
Взлетный вес: кг

Максимальная скорость: 513 км/час

Потолок: 10380 м

Дальность: 1335 км

Вооружение: 4 — 12,7-мм пул.

F6F-5 «Хеллкэт»

Размах крыла: 13,06 м

Длина: 10,24 м

Высота: 4,15 м

Двигатель: Pratt Whitney R-2800-10W Double Wasp,
2000 ЛС

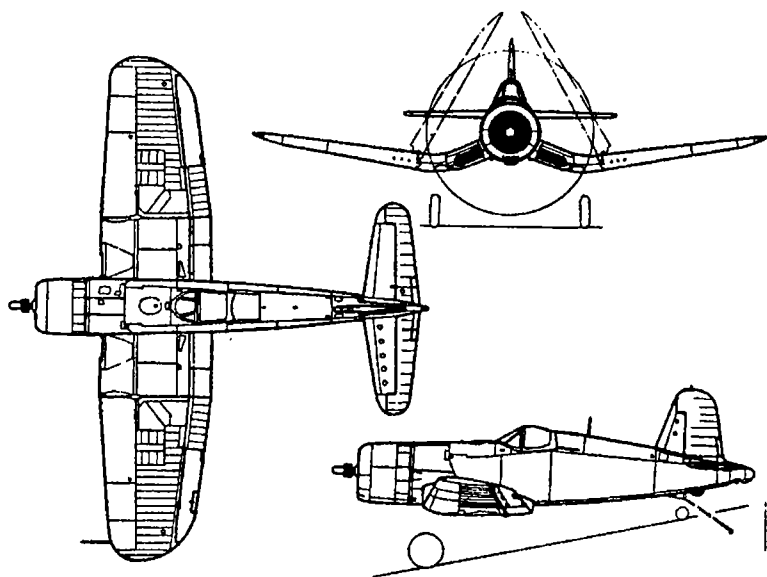
Взлетный вес: 5662 кг

Максимальная скорость: 644 км/час

Потолок: 10972 м

Дальность: 2092 км

Вооружение: 6 — 12,7-мм пул., до 1000 кг бомб

Чанс-Воут F4U-4 «Корсар»

Размах крыла: 12,49 м

Длина: 10,13 м

Высота: 4,50 м

Двигатель: Прайт-Уитни R-2800-18W, 2350 ЛС

Взлетный вес: 6592 кг

Максимальная скорость: 718 км/час

Потолок: 12650 м

Дальность: 1620 км

Вооружение: 6 — 12,7-мм пулеметов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	3
Предисловие	19
<i>Глава 1.</i> Октябрь 1944 года. Мабалакат	24
<i>Глава 2.</i> Октябрь 1944 года. Происшествие над Манилой	37
<i>Глава 3.</i> Октябрь 1944 года. «Ради миллионов ваших соотечественников»	41
<i>Глава 4.</i> Май 1942 — октябрь 1944 года. После падения Марианских островов	45
<i>Глава 5.</i> Август 1944 — октябрь 1944 года. Подъем духа камикадзэ	53
<i>Глава 6.</i> Октябрь 1944 года. Себу	64
<i>Глава 7.</i> Октябрь 1944 года. Операция «СЁ» и первые вылеты	71
<i>Глава 8.</i> Первые успехи	83
<i>Глава 9.</i> Создание новых подразделений камикадзэ	93
<i>Глава 10.</i> Жизнь на базе камикадзэ	105
<i>Глава 11.</i> Октябрь 1944 — январь 1945 года. Последние операции на Филиппинах	119
<i>Глава 12.</i> Декабрь 1944 — январь 1945 года. Исход с Филиппин	143
<i>Глава 13.</i> Январь 1945 года. Божественный ветер над Формозой	158
<i>Глава 14.</i> Февраль 1945 — март 1945 года. Операция «ТАН»	168
<i>Глава 15.</i> Февраль 1945 — июнь 1945 года. Война приближается к Японии	174
<i>Глава 16.</i> Апрель 1945 — июнь 1945 года. Отряды специальных атак, сформированные в Японии	189
<i>Глава 17.</i> Март 1945 — август 1945 года. Конец Императорского Флота	206
<i>Глава 18.</i> Август 1945 года. Последние дни адмирала Ониси	215
<i>Глава 19.</i> Октябрь 1944 — август 1945 года. Кredo адмирала Ониси	223
<i>Глава 20.</i> Камикадзэ: за и против	233
<i>Глава 21.</i> Последние письма домой	243
Приложения	258

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Иногути Рихихей, Накадзима Тадаси
Божественный ветер

Редактор С.И. Казанцев
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: О.П. Васюхина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST:RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУПП ордена Трудового Красного Знамени
«Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

БОЖЕСТВЕННЫЙ ВЕТЕР

Для борьбы с американским флотом во время Второй мировой войны японский вице-адмирал Ониси создал корпус специальных атак камикадзе. «Мы умираем ради благополучия нашей страны» — таков был девиз пилотов-смертников.

Книга будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

ISBN 5-17-032599-1

9 785170 325993